

92
П 27

Ц Е Н Т Р А Р Х И В

МЕМУАРЫ И ДНЕВНИКИ
ЦАРСКИХ САНОВНИКОВ

У 562
192

ДНЕВНИК
Е. А. ПЕРЕТЦА

ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКРЕТАРЯ

(1880 — 1885)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1927

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ РСФСР

Аграрный вопрос в Совете Министров (1906 г.). — (Материалы по истории крестьянских движений в России. Под ред. Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче. Вып. 4.) Стр. 177. Ц 1 р. 20 к.

Восстание Денабристов. — Материалы по истории восстания декабристов. Под ред. и с пред. М. Н. Покровского. Дела Верховного Уголовного Суда и следственной комиссии, касающиеся государственных преступников.

Том I. Следственные дела: С. П. Трубецкого, К. Ф. Рылеева, Е. П. Оболенского I-го, Н. М. Муравьева, П. Г. Каховского, В. А. Щепина-Ростовского, А. А. Бестужева и М. А. Бестужева. Стр. 540. Ц. 6 р.

Том II. Следственные дела: А. П. Арбузова, Н. А. Бестужева, Н. А. Панова, А. Н. Сутгофа, В. К. Кюхельбекера, И. И. Пущина, А. И. Одоевского, А. И. Якубовича, Н. Р. Цебрикова, Н. П. Репина. Стр. 424. Ц. 6 р.

Том III. Следственные дела: А. М. Муравьева, И. Д. Якушкина, М. А. Фонвизина, Ф. П. Шаховского, М. С. Лунина, П. А. Муханова, Д. И. Завалишина. (Печатается.)

Том IV. Следственные дела: П. И. Пестеля, С. И. Муравьева-Апостола. Стр. 488. Ц. 6 р.

Том V. Следственные дела: Борисова 2-го, Борисова 1-го, Спиридова, Горбачевского, Бечаснова, Пестова, Андреевича, Люблинского, Ю., и Тютчева. Подготовлен к печати Н. П. Чулковым. Стр. 493. Ц. 6 р.

Том VI. Восстание Черниговского полка. (Печатается.)

Том VII. „Русская Правда“ П. И. Пестеля. Под ред. С. С. Мильмана и С. Н. Чернова. (Печатается.)

Том VIII. Дела следственной комиссии о злоумышленных обществах. Алфавит декабристов. Под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Стр. 440. Ц. 4 р. 50 к.

Денабристы. — Сведения из истории. Составил Ю. Г. Оксман. При участии Н. М. Модзалевского. Стр. 484. Ц. 2 р. 75 к.

Дневник П. А. — Стр. 291. Ц. 1 р. 50 к.

Дневник Р. — с предисловием. Стр. 1 р. 50 к.

Допрос Колча. — с предисловием. Стр. 1 р. 50 к.

Достоевская, А. — Воспоминания. Под ред. Л. М. Мильмана. Стр. 310. Ц. 3 р. 75 к.

Из архива Достоевского. — Письма русских писателей: Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Мельникова-Плещеева, Полонского, Некрасова, Заметки А. Г. Достоевского, Предисловие и вступление Н. К. Пиксанова. Стр. 50 к.

Крестьянское движение 1902 года. Вып. III. Под ред. Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче. Стр. 128. Ц. 1 р. 20 к.

ЦЕНТРАРХИВ

МЕМОАРЫ И ДНЕВНИКИ ЦАРСКИХ САНОВНИКОВ

ДНЕВНИК

Е. А. ПЕРЕТЦА

(1880 — 1883)

С ПРЕДИСЛОВИЕМ

А. Е. ПРЕСНЯКОВА

ТЕКСТ ПОДГОТОВИЛ К ПЕЧАТИ

А. А. СЕРГЕЕВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

Гиз № 11299/л.
Ленинградский Гублит № 14878
11 3/4 л. Тираж 3.000

Автор дневника — Егор Абрамович Перетц (ред. 1833, ум. 1899) — был самым младшим из сыновей известного откупщика и еврейского общественного деятеля Абрама Израилевича Перетца и, подобно братьям — декабристу Григорию (по имени которого и назван), видному деятелю горного ведомства, Александру, и инженеру-технологу, б. директору Технологического института, Николаю, — получил европейское образование и стал по вероисповеданию лютеранином. Деловитый чиновник с солидным юридическим образованием (юридический факультет Петербургского университета и ограниченная командировка в 1862 г. для изучения уголовного судопроизводства), Е. А. Перетц сделал большую карьеру, начав службу во II отделении «собственной его величества канцелярии»; он был активным участником работ по судебной реформе и по разработке проектов городского самоуправления, с 1871 года — стат-секретарем, в 1878 — 1883 гг. — государственным секретарем и закончил служебную деятельность членом Государственного Совета и председателем попечительного совета ведомства учреждений имп. Марии.

Издаваемый дневник Е. А. Перетца относится к годам, когда он, в качестве государственного секретаря, стоял всего ближе к правительственным верхам и был не только близким свидетелем, но и участником разведавшей эти верхи борьбы различных тенденций и группировок. Поэтому его дневник за 1880 — 1883 годы существенный источник для изучения истории этих лет — исхода царствования Александра II и перехода власти к Александру III, отразившихся в нем не менее показательно, чем в дневниках в. кн. Константина Николаевича и гр. П. А. Валуева или в письмах К. П. Победоносцева к Александру III.

Е. А. Перетц — типичный представитель той «либеральной» бюрократии шестидесятых-семидесятых годов, которая отстаивала проведение в жизнь «освободительных» реформ, начатых отменой крепостного права, введением земских учреждений и новых судебных уставов, и будущую Россию представляла себе буржуазной монархией, управляемой деятельным бюрократическим аппаратом, с сильным развитием промышленности, торговли и просвещения, с обеспеченным бытом крестьянства, как класса мелких земельных собственников, и с надежной опорой правительственной власти в интересах крупной и мелкой буржуазии, на подобие Франции «второй империи». Либерализм этой бюрократии определялся стремлением к утверждению формальной законности в делах управления и суда, равенства граждан в обеспечении

личных и имущественных прав, свободы печати и общественной самодеятельности — в пределах существующего строя. Готовый всемерно обслуживать интересы новой буржуазной общественности, этот бюрократический либерализм не был, однако, склонен заходить сколько-нибудь далеко в сторону преобразования политического строя на конституционных началах. Властное влияние землевладельческого дворянства, сохранившего значение господствующего класса, сказалося слишком сильно в урезке и коренном искажении «освободительных» реформ, определило их половинчатость и питало нарастающую реакцию. Истекшее двадцатилетие «эпохи реформ» ставило на очередь вопросы о завершении выкупной операции — обязательным осуществлением выкупа и ее хотя бы относительным облегчением в понижении выкупных платежей, ликвидацией подушной подати, наконец — пересмотром ее общих итогов, которые выявились в трудах валуевских комиссий семидесятих годов, как принесшие крестьянству — разорение и новые формы закрепления, а государству — такой строй местных отношений, который «нельзя признать сколько-нибудь удовлетворяющим потребностям народа». В поисках выхода из создавшегося крайне тяжелого положения буржуазно-либеральные элементы высшей бюрократии, продолжатели милотинских традиций, группировавшиеся вокруг председателя Государственного Совета в. кн. Константина Николаевича, рассчитывали на силу центральной правительственной власти и ее бюрократического аппарата и мечтали о планомерной законодательной работе Государственного Совета для завершения и углубления преобразования.

Но, с другой стороны, рост революционного движения и явное бессилие правительства в борьбе с ним побуждали искать опоры в благомыслящих элементах населения, — тех, на которых Валуй указывал как на «природно-охранительные», — т.-е. в дворянстве и купечестве, однако без ослабления полицейско-бюрократической власти в центре и на местах, а, напротив, с усилением ее организации и дееспособности. Необходимость считаться с настроением господствующих в стране общественных элементов толкала на уступки их настроениям и требованиям, в частности — с земским конституционным движением, поскольку оно сказывалось в ходатайствах, заявлениях и адресах губернских земских собраний. Максимум этих уступок, на какой готова была идти либеральная бюрократия, нашел себе выражение в проекте организации при Государственном Совете собрания гласных, представителей губернских земств и городских дум, с предоставлением им совещательного голоса при обсуждении тех дел, которые «требовали ближайшего соображения с местными потребностями». Такой проект был выработан Е. А. Перетцом летом 1880 г. по поручению в. кн. Константина Николаевича. С аналогичным, и даже более широким, проектом созыва «съезда государственных гласных» выступал еще в 1863 г. Валуй, который предлагал предоставить представителям «съезда» 16 решающих голосов по делам, рассмотренным на съезде, тогда как по проекту Перетца в заседания Государственного Совета допускался только один докладчик по данному вопросу. Но общая тенденция Валуйева состояла в организации влияния наиболее консервативных элементов с прямым признанием землевладельческого дворянства основной государственной силой, а группа Константина Ни-

колаевича не доверяла этой силе и не только не была сколько-нибудь популярна в среде дворянства, но пользовалась репутацией «красной» и навлекла на себя укоризну зараз и в «поклонении петровской палке» и в связях с террористами. Проект 1880 г., как видно из дневника Перетца, стал тем зерном, из которого выросла, путем еще большей урезки его и без того более чем скудного политического содержания, пресловутая «конституция» Лорис-Меликова.

В. кн. Константин Николаевич был подготовлен к роли лидера и покровителя либеральной бюрократии своей связью с морским ведомством, в качестве генерал-адмирала, и с интересами торгового мореплавания — по участию в почине организации, после уничтожения военного флота на Черном море, «Русского общества пароходства и торговли»; его окружали люди, поведшие дело изучения производительных сил России ради изыскания «новых и притом колоссальных источников народного богатства» и работу над раскрепощением трудовых сил населения; в в. кн. Константине либеральная бюрократия нашла себе опору в «высших сферах» — правительственных и династических. А в ту же пору, — в шестидесятых годах, — определилась и другая группировка в тех же «сферах» — сторонников «охранительных начал» и националистического консерватизма, дворянских классовых интересов и дореформенных традиций Николаевского самодержавия — вокруг наследника-цесаревича Александра Александровича. Будущего императора Александра III окружали люди, враждебные Константину и его советникам и сотрудникам. Антагонизм был явный и почти не прикрывался внешними формами корректных отношений. Вступление на престол Александра III ликвидировало влияние в. кн. Константина и его группы: новый император не скрывал, что «не может видеть» дядю Константина, а при отставке Перетца из государственных секретарей отзывался так: «он напоминает мне такое время, которое мне несимпатично».

Вся «эпоха реформ» и все царствование Александра II прошли в постоянных колебаниях правительственной политики между этими двумя направлениями — буржуазно-либеральным и дворянско-реакционным, в непрерывном шатании мысли и действия и в тщетных исканиях компромисса противоборствующих интересов и тенденций. В реформах, поскольку они проводились, возобладала, по выражению Валуйева, «идея отступного торга», в общей политике — «цели самосохранения самодержавной власти». А закончилось царствование это характернейшей попыткой воссоздать единство в организации и действиях расшатанной правительственной машины так называемой диктатурой Лорис-Меликова и его «конституцией», о которой сложилась либеральная легенда, весьма мало похожая на подлинно бывшую действительность. Дневник Перетца пополняет рядом своих сообщений данные для более подлинной истории этих лет.

Мы имеем дневник Перетца только с конца сентября 1880 года. К этому времени особо обострилась двойственность правительственных приемов и усилилась расшатанность всего административного строя. При сознании, что необходима органическая законодательная работа, на деле утвердились практика проведения мероприятий по важнейшим вопросам путем «временных правил», циркуляров и негласных распо-

ряжений; и упорный антагонизм администрации с земскими учреждениями и «независимым» судом. Потребность в «утверждении законности» и непомерное развитие безответственных генерал-губернаторских полномочий; бессилие высших центральных учреждений сколько-нибудь планомерно вести управление страной, разбитой на ряд автономных генерал-губернаторств, — все эти черты государственного строя империи ставили на очередь задачу восстановления единства правительственной власти. Разрешение этой задачи и было целью учреждения «Верховной Распорядительной Комиссии», которой были предоставлены чрезвычайные административно-полицейские полномочия. Проект этого учреждения был выработан гр. Лорис-Меликовым, который и стал во главе Верховной комиссии, а проведен в жизнь при активной поддержке цесаревича Александра. Основной мотив программы Лориса — объединение всех административных и судебных сил в борьбе с революционным движением и привлечение к этой борьбе всех землевладельческих и капиталистических сил общества: «подавить крамолу в дерзких ее проявлениях и тем доказать силу правительственной власти и отторгнуть от революции колеблющихся». Правящим верхам грозила опасность объединения земского конституционного движения с революционным-народническим в буржуазной революции, перед которой окажется бессильным дезорганизованное самодержавие. Предотвратить эту опасность казалось возможным концентрацией правительственных сил, с одной стороны, а с другой — рядом умеренных частичных уступок наиболее настойчивым требованиям буржуазной общественности, в среде которой желательно было восстановить сильно расшатанное доверие к правительству.

«Диктатура» Верховной Комиссии была весьма непродолжительной — с марта по август 1880 года — и послужила Лорис-Меликову только переходом к тому, что он называл «возвращением от чрезвычайных мер к законному течению дел». В августе упразднены Верховная комиссия и III отделение «собственной его величества канцелярии» с передачей их дел министерству внутренних дел, расширенные полномочия которого перешли в руки министра — Лорис-Меликова. Лорис-Меликов планомерно стремился к значению «первого министра» в объединенном правительстве. С этого момента и начинается дневник Перетца. Автор дневника сообщает, как Лорис-Меликов, на другой день после 1 марта 1881 г., поднял при первом же своем докладе новому императору вопрос о своем увольнении, ссылаясь на то, что «обстоятельства изменились: на престол взшел государь молодой, свежий, энергичный, имеющий возможность сосредоточить непосредственно в своих руках все распоряжения по главным предметам государственного управления», а когда Александр III, еще не определивший своей линии поведения, отставки не принял, Лорис-Меликов сделал попытку провести мысль о том, что для сильного правительства необходимо единство министерства, действующего по согласованной программе и подготовляющего доклады по всем общим вопросам в своих совещаниях. Александр III уклонился от учреждения чего-либо в роде «кабинета» и признал только пользу предварительных «частных» совещаний министров, никак не оформленных: «чем меньше будет формальностей, тем лучше». Мысль о едином мини-

стерстве была сорвана. Такая же судьба постигла и другую мысль Лориса-Меликова — об организованном сотрудничестве правительства с «обществом».

При вступлении своем в должность главного начальника Верховной Распорядительной Комиссии Лорис-Меликов опубликовал в «Правительственном Вестнике» нечто в роде манифеста, где заявил: «на поддержку общества смотрю, как на главную силу, могущую содействовать власти к возобновлению течения государственной жизни, от прерыва которого наиболее страдают интересы самого общества». И он не ошибся о своем призыве: популярность он приобрел чрезвычайную, что нашло себе выражение в ряде приветственных адресов от земских и городских собраний. Лорис-Меликов мечтал о воссоздании сильного правительства, которое подавит революционное движение и затем приступит к умеренным реформам по хорошо знакомой позднейшей формуле: «сперва успокоение, потом реформы». Он рассчитывал быстро достигнуть своей цели. В том же августе 1880 года, когда Лорис-Меликов ликвидировал Верховную Распорядительную Комиссию, он провел назначения сенаторских ревизий по нескольким губерниям — с широкой программой, — для выяснения назревших «нужд страны» и задач очередных реформ. Данные, собранные этими ревизиями, должны были послужить материалом для планомерной законодательной работы. Для всестороннего обсуждения новых законопроектов Лорис-Меликов предложил образовать редакционные комиссии по примеру тех, которые подготовили Положение 19 февраля 1861 года о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, «с тем, чтобы работы этих комиссий были подвергнуты рассмотрению с участием представителей от земств и некоторых значительнейших городов». Состав подготовительных комиссий определялся назначением правительственной властью сведущих по данной части служащих и неслужащих лиц, но окончательное обсуждение, до представления законопроектов в Государственный Совет, предполагалось поручить общей комиссии из председателей и членов подготовительных комиссий с призывом к этому обсуждению по два выборных от каждого губернского земства и от городских дум некоторых более крупных городов, а от губерний неземских — из местных людей по указанию губернаторов. Лорис-Меликов полагал, что такое «призвание общества к участию в разработке необходимых мероприятий» — «необходимо для дальнейшей борьбы с крамолой».

Этот проект встретил сочувствие со стороны в. кн. Константина Николаевича и людей его кружка и решительную оппозицию сторонников неукоснительного самодержавия, которые усмотрели в призыве «выборных» первый шаг к конституционному ограничению верховной власти. Однако, на первых порах, проект получил движение. Александр II поручил его предварительное обсуждение особому совещанию под председательством Валуева, при участии двух великих князей — цесаревича Александра и Константина Николаевича, Лорис-Меликова, министра финансов Абазы и государственного контролера Сольского. Совещание одобрило проект; Александр II утвердил журнал совещания с тем, чтобы дело было окончательно обсуждено в Совете Министров; составлен был и проект правительственного сообщения о созыве «общей комиссии», одобренный императором утром 1 марта; оконча-

тельное обсуждение проекта в Совете Министров было назначено на 4 марта. Эти-то распоряжения Александра II и называют утверждением «конституции Лорис-Меликова» в последний день жизни царствования Александра. На деле тут не было ни конституции, ни ее утверждения.

Личная роль Александра II во всех этих опытах налаживания правительственной машины и ее связи с «обществом» — пассивна; как было и в «эпоху реформ», он стоит между борющимися течениями безличный и безвольный. Лорис-Меликов имел успех, хотя бы временный, поскольку сумел втянуть в свои предположения не только разные элементы бюрократии, преимущественно ее «либерального» крыла, но и цесаревича Александра, которого привлек идеей восстановления единства сильной власти, подавления «крамолы» и преодоления общественной оппозиции. И создавшаяся конъюнктура отношений, для него благоприятная, не была сразу разрушена событием первого марта, передавшим верховную власть в руки Александра III. Заседание Совета Министров для обсуждения его проекта состоялось 8-го марта. Дневник Перетца дает наиболее отчетливую запись о ходе прений, какую имеем; опытный секретарь, он стал записывать, по свежей памяти, что слышал в заседании, в тот же день, а подробное изложение заготовил в ближайшие два вечера. Разногласия выступили с такой резкостью, что прения приняли почти характер политических дебатов. Победоносцев грозил гибелью России от этой «фальши по иноземному образцу»; Абаза говорил о том, что правительство «не может опираться исключительно на миллион штыков и на армию чиновников». Сторонники проекта, которых довольно неожиданно поддержал и в. кн. Владимир Александрович, свели итог совещания к передаче вопроса на более тщательную проработку в особую комиссию. Тем дело и кончилось. Такая комиссия и не собиралась: предположения Лориса, его мнимая конституция, «канули, — по выражению Перетца, — в воду». Но бесследно они не прошли: утвердилась практика призывать к обсуждению важнейших законопроектов «экспертов из наиболее известных и сведущих практических деятелей»; данные сенаторских ревизий легли в основу бесплодных трудов «Кахаповской» комиссии для составления проектов местного управления (1881 — 1885), в которой роль «местных сведущих людей» играли предводители дворянства, председатели земских управ и даже... губернаторы.

Впрочем, Лорис-Меликов не считал себя побежденным и после заседания 8 марта; он делает попытку удержаться при власти, поднимая, как выше упомянуто, вопрос об организации единства правящих верхов. Полусогласие Александра III, которое было по существу срывом всего замысла, было даже понято сторонниками Лориса-Меликова как его победа над враждебными ему влияниями, особенно — Победоносцева. Эти люди не понимали, что идет процесс самоопределения нового правительства, идущего им на смену. Только неожиданное и для «первого» министра и для остальных его коллег появление манифеста 29 апреля 1881 года с заявлением о непоколебимой вере «в силу и истину» самодержавной власти и об обязательстве ее «охранять для блага народного от всяких на нее поползновений» раскрыло им глаза. Лорис-Меликов и Абаза подали в отставку и навлекли на себя уко-

рикну Александра III за то, что «не могли найти другого повода к уходу, как издание манифеста».

Этим эпизодом закончился первый период в процессе образования правительства Александра III. Но им еще не закончились колебания еще не вполне себя определившей новой власти. Вторым периодом этих колебаний можно назвать министерство гр. Н. П. Игнатьева — с мая 1881 г. по май 1882 г. С Игнатьевым приходило к власти «истинно-русское» дворянство, враждебное буржуазному либерализму, хотя бы в его ослабленной бюрократической форме. Но в этой среде был свой «либерализм», — тот, который еще Иван Аксаков охарактеризовал, как «либерализм озлобившихся помещиков», и который сводился к враждебному отношению землевладельческого дворянства, отстаивавшего свое господство в стране, к властвованию бюрократических учреждений. Новый министр внутренних дел сразу выступил с программным циркуляром, в котором резко осуждал бюрократию, а своей задачей объявлял содействие «живому участию местных деятелей в исполнении высочайших предначертаний». Не мудрено, что Перетц записал в дневнике: «циркуляр этот вовсе не согласен с видами Победоносцева, очень хорош и производит на всех самое лучшее впечатление», как записал затем и про другой игнатьевский циркуляр губернаторам, что он «по содержанию своему и направлению точно также мог бы быть подписан и Лорис-Меликовым». Перетц уже порешил, что «Игнатьев и по направлению своему и по приемам — тот же Лорис». С точки зрения государственного секретаря, юриста, блюстителя законных форм, — оба они грешили одним и тем же: проводить, опираясь на власть самодержца, свои «законодательные импровизации» помимо Государственного Совета. Перетц отмечает в дневнике ряд конфликтов, возникавших на этой почве, которые ему приходилось улаживать, отстаивая законный порядок обсуждения и разработки существеннейших мероприятий.

Игнатьев, действительно, недолго ладил с Победоносцевым и его воспитанником Александром III. По недавно опубликованной переписке Победоносцева можно проследить, как нарастало его раздражение против Игнатьева. Чашу самодержавного терпения Игнатьев переполнил своим проектом созыва, ко дню коронации нового императора, Земского Собора. Через несколько дней после дворцового совещания, осудившего этот проект, Игнатьев был уволен и заменен гр. Д. А. Толстым. К этому времени в. кн. Константин Николаевич был уже уволен, — характерные перипетии этого увольнения Перетц передает весьма обстоятельно, — а к концу 1882 г. и Перетц перестал быть государственным секретарем. Устранялось от дел ядро либеральной бюрократии. Дмитрий Толстой выразил Перетцу свое удовольствие от замены его в должности государственного секретаря А. А. Половцевым — «так как он человек очень богатый и потому будет способствовать ограждению прав собственности, которые в последнее время не раз нарушались... К власти в управлении страной поднялись представители интересов дворянского землевладельческого класса, — той группы сановников, которая возражала против отмены подушной подати и против «чрезмерного» понижения выкупных платежей. Александр III дал краткую программу нового правительства в своем

наставлении волостным старшинам, которых принял по случаю своей коронации: «Слушайте ваших предводителей дворянства». Колебания кончились. Определился политический курс. Возродились в новой форме тенденции дореформенной России, — России Николая I, — самодержавной и помещичьей.

На этом и кончается дневник Перетца, отразивший в своих записях последние судороги преобразовательных опытов и борьбы с ними нараставшей реакции.

А. Пресняков.

ДНЕВНИК Е. А. ПЕРЕТЦА

(1880 — 1883)

1880 г.

28 сентября.¹

Вслед за возвращением в Петербург, был прежде всего у Сольского. Много говорили мы с ним о событиях минувшего лета.

Брак государя с Долгорукою, по всей вероятности, совершился; но достоверно этого никто не знает, за исключением наиболее приближенных лиц, которые молчат². Говорят, что Адлерберг сильно восставал против брака.

Сольский подтвердил мне слышанное мною уже и прежде, что упразднение Верховной Распорядительной Комиссии и III отделения собственной его величества канцелярии были в принципе решены еще весною, при чем приведение в исполнение обеих этих мер предполагалось только осенью. Лорис-Меликов ускорил принятием их собственно потому, что опасался усиления Валуева и Макова, которые, желая привлечь на свою сторону общественное мнение, отступили от прежней ретроградной своей политики и испросили разрешение государя заняться пересмотром, в либеральном духе, положения о земских учреждениях и законов о печати. Дабы предотвратить дальнейшие с их стороны попытки к упрочению их влияния, Лорис поспешил докладом его величеству о возможности закрыть Верховную Комиссию, а затем и об упразднении III отделения, с подчинением всей вообще полиции, не исключая и государственной, министру внутренних дел. Понятно, что пост этого министра достался самому Лорису³.

Чтобы не раздражить окончательно Макова, который пользуется особенным покровительством Долгорукой*, необходимо было сохранить за ним какой-либо портфель; иначе он лишился бы занимаемого им прекрасного помещения на Большой Морской и министерского оклада. В видах удовлетворения его, выделены для Макова из состава министерства внутренних дел: бывшее прежде самостоятельным министерство почт и телеграфов и, сверх того, департамент иностранных исповеданий. Оклад содержания оставлен ему прежний, т.е. по 26.000 рублей в год.

Оставление за Маковым почтового ведомства возбуждает, однако, теперь в Лорисе некоторые опасения, потому что начальник этого ведомства имеет в руках своих страшное политическое орудие — перлю-

* Маков вообще боится дам. Поэтому, вопреки всем обычаям, он, по назначении своим министром внутренних дел, не представлялся великим княгиням. Между тем, через посредство корпусного своего товарища Рыльева, он познакомился с Долгорукою и очень близок к ней. [Все подстрочные примечания принадлежат автору дневника. Ред.]

страцию: письма вскрываются, читаются и, в случае чего-либо выходящего из общего ряда, представляются в подлиннике государю, иногда же из них делаются только выписки, — и это самое опасное, так как в извлечении легко представить содержание письма в извращенном виде. Известен случай с Селивестровым. Покойный шеф жандармов Мезенцов просил государя о назначении Селивестрова ему в товарищи. Государь изъявил предварительное согласие. Но затем, через два или три дня, когда Мезенцов поднес к подписанию проект указа, его величество сказал, что берет слово свое назад, так как узнал о Селивестрове чрезвычайно невыгодное для него обстоятельство, при этом государь показал Мезенцову представленную почтовым ведомством выписку из корреспонденции Селивестрова, в которой сообщались самые неблагоприятные слухи как о самом государе, так и о великих князьях и о некоторых министрах. Мезенцов был совершенно поражен. Заявив его величеству, что убежден в невинности Селивестрова, которого знает чуть не с детства, он просил разрешения расспросить его самого. Государь согласился. Оказалось, что в письме, извлечение из которого было представлено государю, Селивестров рассказывал приятелю о весьма огорчившем его настроении петербургского общества, в котором легко и даже охотно распространяются самые неблагоприятные для правительства слухи, так, например, про государя говорят то-то, про великих князей рассказывают то-то, про министров то-то. Составитель извлечения сохранил только эти слухи, опустив ту часть письма, в которой выражалось несочувствие и даже порицание распространителям подобных вестей.

В настоящем случае, к счастью для Селивестрова, дело разъяснилось. Но сколько бывает случаев, когда обвинения, взводимые официальными чтецами чужих писем, остаются нерасследованными и непроверенными. В таких случаях в уме монарха нередко зарождается подозрение против людей, ни в чем не повинных, изгладить которое нет возможности.

Если в нынешнее смутное время нельзя, к сожалению, вовсе отказаться от перлюстрации писем, то оставлять такое оружие в руках людей, не безукоризненно честных, и притом враждебных первому министру, — для него более чем опасно. В виду этого понятно, что Лорис очень сожалеет об оставлении Макова министром почт.

Я оставил Сольскому записку о совещательном собрании гласных и просил его о совершенно откровенном отзыве. Он обещал заняться ею на этих днях.

29 сентября.

Ездил сегодня в Петергоф представляться цесаревичу⁴ по случаю возвращения. Его высочество принял меня в кабинете очень любезно, расспрашивал о том, где я провел лето, и много ли серьезных трудов предстоит Государственному Совету в нынешнюю сессию. Его высочество спросил меня также, имею ли я известие о великом князе Константине Николаевиче, о том, когда он вернется, и можно ли будет рассматривать в Совете серьезные дела в его отсутствии. Я отвечал, что обязанности председателя временно исполняются теперь принцем П. Г. Ольденбургским, что под руководством его серьезные прения

были бы невозможны, и что поэтому я вынужден отлагать все сколько-нибудь существенные дела до возвращения великого князя, которое, впрочем, должно надеяться, не замедлится. Цесаревич согласился с необходимостью отлагать важные дела до возвращения его высочества. Несмотря на то, что нерасположение наследника к дяде, как говорят, достигло высшей степени, — в словах и даже в тоне цесаревича я не мог заметить ничего враждебного к великому князю.

Вечером был у меня И. И. Шамшин. Он рассказал мне много интересного о трудах своих по Верховной Распорядительной Комиссии⁵. Все лето провел он, по поручению графа Лорис-Меликова, за разбором и пересмотром дел III отделения, преимущественно о лицах, высланных за политическую неблагонадежность. Таких дел пересмотрено им около 1.500. Результатом этого труда было, с одной стороны, освобождение очень многих невинных людей, а с другой — вынесенное Шамшиным крайне неблагоприятное впечатление о деятельности отделения. Весьма вероятно, что доклад об этом Лорису много способствовал предложению его упразднить это учреждение, столь ненавистное в России.

По словам Ивана Ивановича, дела велись в III отделении весьма небрежно. Как и понятно, они начинались почти всегда с какого-нибудь донесения, например, тайного агента, или записанного полицией показания дворника. Писаны были подобные бумаги большею частью безграмотно и необстоятельно; дознания по ним производились не всегда; если же и производились, то слегка, односторонним расспросом двух-трех человек, иногда даже почти не знавших обвиняемого; объяснений его или очной ставки с доносителем не требовалось; затем составлялась докладная записка государю, в которой излагаемое событие освещалось в мрачном виде, с употреблением общих выражений, неблагоприятно обрисовывающих всю обстановку. Так, например, говорилось, что обвиняемый — человек вредного направления, что по ночам он сходится, в преступных видах, с другими, подобными ему, людьми, ведет образ жизни таинственный; или же указывалось на то, что он имеет связи с неблагонадежными в политическом отношении лицами; далее упоминалось о чрезвычайной опасности для государства от подобных людей в нынешнее тревожное время и в заключение испрашивалось разрешение на ссылку, в административном порядке, того или другого лица. Бессодержательные докладные эти записки переписываемы были чрезвычайно красиво на отличной бумаге.

Естественно, что при таком образе действий происходили часто не только неосновательные или сильно преувеличенные предположения о виновности, но даже прямые, самые грубые ошибки; бывали случаи смешения имен, в роде следующих: Андрея Иванова принимали за Александра Иванова, Винберга за Вимберга, Власьева за Власова и т. п.

В виде иллюстрации к своему рассказу, Шамшин сообщил мне о двух бывших в действительности случаях, по которым ему удалось остановить административные кары. Одну девицу обвиняли в сношениях с пропагандистами, стали разыскивать ее, взяли по ошибке совершенно другую и заключили эту последнюю в полицейской части, рядом с помещением, занимаемым нижними полицейскими чинами; там бедная девушка страдала невыносимо не только от страха, одиночества и всего слышанного ею через деревянную перегородку, но даже от массы блох

и клопов, которыми снабжали ее в изобилии соседи. Так просидела она без допроса более двух недель, и тогда только обнаружилось, что она ни в чем не виновна. Другой случай несколько сложнее. На одного студента, жившего где-то на окраине города, дворник дома, где он занимал комнатку, донес, что он человек подозрительный, так как у него бывают собрания неизвестных людей, при чем одни из приходящих спрашивают студента, другие — часовщика, третьи — токаря. По случаю этого доноса, полиция явилась поздно вечером, забрала всех бывших у студента и заключила их всех под стражу в качестве неблагонадежных; в числе их был 12-летний мальчик, сын самого дворника, принесший молодым людям горячую воду для чая. Через три недели взялись за разбор дела, и оказалось, что ничего преступного в собраниях не было; в отобранных же при обыске книгах и бумагах не нашлось ничего подозрительного. Заподозренный оказался действительно студентом, имевшим склонность к механике; поэтому и при недостатке средств он охотно разбирал и чинил часы, и в то же время имел у себя токарный станок, на котором выделывал иногда разные безделушки.

По отзыву Шамшина, дела III отделения были в большом беспорядке. Часто не находилось в них весьма важных бумаг, на которых основано было все производство. Когда он требовал эти бумаги, отвечали обыкновенно, что их нет; при возобновлении же требования, особенно под угрозой пожаловаться графу Лорису-Меликову, производились розыски, и часто находимы были недостававшие листы; иногда оказывались они на дому у того или другого чиновника, иногда в ящиках столов в канцелярии; раз случилось даже, что какое-то важное производство отыскано было за шкафом.

В денежном отношении Иван Иванович нашел в делах III отделения также довольно важные беспорядки. Имена тайных агентов, получавших денежные оклады, были скрываемы от самого шефа жандармов, под предлогом опасения скомпрометировать этих лиц.

Таким образом, весьма значительные суммы находились в безотчетном распоряжении второстепенных деятелей и, может быть, употреблялись вовсе не на то, на что были предназначены. Далее, по случаю возникшей в последние годы революционной пропаганды, признано было необходимым усилить денежные средства III отделения по розыскной части. На это ассигнован был дополнительный кредит на 300.000 руб. в год. Как же употреблялась эта сумма? Более половины ее, вопреки основным сметным правилам, отлагалось для составления какого-то особого капитала III отделения. Остальное делилось на две части, из которых одна шла на выдачу наград и пособий чиновникам, а другая — агентам, наблюдавшим преимущественно за высокопоставленными лицами. Эта последняя деятельность отделения была, говорят, доведена до совершенства. Шефу жандармов было в точности известно, с кем знаком тот или другой правительственный деятель, какой ведет образ жизни, у кого бывает, не имеет ли любовницы и т. п. Обо всем этом, не исключая и анекдотов, случавшихся в частной жизни министров и других высокопоставленных лиц, постоянно докладывалось государю. Одним словом, наблюдения этого рода составляли чуть ли не главную заботу нашей тайной полиции.

При таком направлении деятельности III отделения не удивительно, с одной стороны, что ему частенько вовсе были неизвестны выдающиеся анархисты, а с другой, что оно почти без разбора ссылало всех подозрительных ему лиц, распложая людей, состоящих на так называемом нелегальном положении.

Для разъяснения этого термина, нужно сказать, что ссылаемые в административном порядке из столиц и других больших центров не имеют права жить нигде, кроме назначенного для них какого-нибудь отдаленного уездного городка, невозможного для жительства человеку, сколько-нибудь образованному. Поэтому и при неимении ни заработков, ни собственных средств для безбедного существования, административные ссыльные, пользуясь весьма слабым за ними надзором, нередко бегут из места ссылки под чужим именем, с подложным паспортом; таким образом они становятся людьми нелегальными, которым, в случае открытия их, угрожает уголовное наказание. В виду этого переход на нелегальное положение служит первым действительным шагом в число анархистов. Назад им идти невозможно, остается идти лишь вперед.

10 октября.

Сольский возвратил мне мою записку о совещательном собрании и очень одобрил ее. Он советовал только не пускать ее в ход на первых порах и вообще быть чрезвычайно осторожным в виду нерасположения цесаревича к великому князю. К прискорбию, известия с «Ливадии» не хороши⁶. Новая эта поправка, предназначенная служить яхтой для государя на Черном море, кажется, не удалась. Буря пробила ее в нескольких местах, и она чинится теперь в Ферроле, на севере Испании. Великий князь, желавший лично провести «Ливадию» в Черное море, возвращается сухим путем. Враги его торжествуют.

15 октября.

Графиня М. Э. Клейнмихель рассказала мне сегодня, что ненависть цесаревича к великому князю Константину Николаевичу все усиливается. Главные виновники этого — Победоносцев и Баранов, постоянно чернящие великого князя. Нерасположение наследника распространяется и на всех окружающих его дядю. По словам графини, единственным порядочным человеком при великом князе цесаревич считает меня. Может быть, впрочем, что это было сказано ею только так, из любезности.

Женитьба государя, о которой все говорили, но о которой никто не знал ничего достоверного, стала теперь общеизвестным событием. Венчание совершилось в июле, по словам одних — в Ропше, по уверению других — в сельской церкви близ Царского Села. При венчании присутствовали: князь Суворов, граф Д. А. Милютин и граф Лорис-Меликов. Граф А. В. Адлерберг, не советовавший государю вступать в брак, не был при венчании.

Рассказывают, что Долгорукая побудила государя к этому важному и решительному шагу тем, что незадолго до отъезда его в Ливадию, когда зашла речь об опасности, могущей предстоять ему на пути,

бросилась к его ногам и слезно умоляла взять ее в императорский поезд (до сих пор ездила она в отдельном поезде), чтобы, в случае несчастия, погибнуть вместе. Государь был растроган и согласился. Затем, опасаясь, в случае смерти своей, оставить ее и детей без имени и положения, он решился на брак. В обществе событием этим очень недовольны; в царской семье тоже. Цесаревич и цесаревна, которых государь вызвал в Ливадию для знакомства со своей женою, выказали ей только вежливость и притом весьма сдержанно. При первом свидании Долгорукая, теперь светлейшая княгиня Юрьевская, упала на колени перед цесаревною, умоляя о прощении. Разумеется, ее подняли, но без сердечной теплоты.

У княгини Юрьевской есть сестра, княгиня Мещерская, недавно овдовевшая. Со времени брака сестры, акции ее сильно поднялись. Недавно посватался к ней князь Святополк-Мирский, бывший помощник наместника Кавказа, теперь член Государственного Совета. Княгиня была не прочь принять предложение, но не решалась на это, не спросив предварительно разрешения в Ливадии. Как только узнал об этом Лорис-Меликов, — с Мирским он во вражде с давних пор, — немедленно поехал туда и добился отказа.

16 октября.

И. Д. Делянов, которого я посетил сегодня, выходит из себя при одном имени Лориса-Меликова. Он называет его фокусником и негодеем, ищущим только популярности. По словам Делянова, сочувствующие «преданные Лорису люди — пьяная, угорелая толпа, не понимающая, что она влечет Россию к пропасти».

Такие отзывы Ивана Давыдовича объясняются ультра-консервативными его убеждениями, отчасти же негодованием на Лориса за падение графа Толстого, которому Делянов искренно предан. Был также у М. Х. Рейтерна. Между прочим, говорили о Грейговских лесах. Рейтерн откровенно сознался, что он сам — невольный виновник этого огромного пожалования. Грейг желал иметь майорат в Царстве Польском, но это оказалось невозможным, так как все майораты были уже розданы. Тогда Рейтерн согласился просить у государя о пожаловании Грейгу, за успешное заведывание лесной частью в Царстве, леса в таком количестве, чтобы доход с него составлял около 4.000 руб. в год. Государь утвердил это представление. Затем, при исполнении, местные власти оценили отведенный Грейгу лес так низко, что ему досталось чуть не миллионное состояние. Впоследствии, когда Рейтерн оставил министерство финансов, преемником ему был назначен Грейг; этот последний спросил у государя пожалование Рейтерну леса на тех же основаниях; но Рейтерн отказался, сказав, что не может принять милости, размер которой его величеству неизвестен, и что если государю угодно его наградить, то он просит, чтобы ему пожалована была денежная сумма в таком размере, какой будет указан его величеством. Государь назначил сто тысяч рублей.

Показывая мне свои картины, из которых многие замечательны, Михаил Христофорович обратил мое внимание на небольшую картину Сверчкова, изображающую тройку. «Картинку эту я очень люблю, —

сказал Рейтерн, — не потому, чтобы она была произведение очень изящное, — есть много картин того же художника лучше этой, — но потому, что вижу в ней большое сходство с судьбами нашей родины. Взгляните: тройка мчится во весь опор, управляемая удалым ямщиком, несколько подгулявшим. Путь ее лежит через мост, который на середине прогнул. Гибель тройки и седоков кажется неизбежною... Вдруг коренник, завидев предстоящую беду, начинает всеми силами упираться в бок; пристяжные, следуя этому движению, невольно берут в сторону, — и опасность миновала».

17 октября.

Все газеты полны упреков морскому ведомству (между строк нужно читать: великому князю Константину Николаевичу) за неудачи, испытываемые поповкою «Ливадию». Непостижимо, как такой умный человек, как великий князь, может стоять столь упорно за проклятые поповки. Нет сомнения, что из этого нового типа судов может, со временем, выйти что-нибудь толковое; но много еще утечет воды, пока поповки усовершенствуются. Опыты над ними, стоящие таких громадных денег, надо бы предоставить Англии и другим государствам, более богатым, чем мы.

На месте великого князя, я давным давно отказался бы от морского министерства. В газетах появляются также заметки о том, будто бы предстоит упразднение кавказского наместничества, при чем великий князь Михаил Николаевич будет назначен председателем Государственного Совета. Это уже решительный поход против Константина Николаевича.

Валуев в негодовании от сенаторских ревизий⁷. По его мнению, это — добровольная критика всего царствования.

21 октября.

Получил от Лориса-Меликова конфиденциальную записку, в которой он сообщает мне волю государя, переданную ему по телеграфу из Ливадии, о поднесении мною его величеству проекта указа об увольнении Грейга от должности министра финансов, с оставлением членом Государственного Совета.

При составлении этого проекта, мною встречено было довольно важное сомнение относительно того, говорить ли в указе, что Грейг увольняется по прошению. Не сказать этого — было бы обидно для Грейга; сказать же я не имел права, так как знал, что Грейг не только не просил об увольнении, но даже узнал о намерениях государя на его счет от А. А. Абазы, заехавшего к нему перед отправлением в Ливадию для переговоров о министре финансов. Для разрешения моего сомнения я поехал к Лорису и застал его в прекрасном расположении духа. Очевидно, вызов Абазы в Ливадию и увольнение Грейга он считал новыми для себя победами. Сомнение мое он разрешил тем, что его величество, конечно, не пожелает обидеть Грейга, так как была даже речь о рескрипте ему. «Что ж, — сказал он потом в разговоре, — министерство финансов будет теперь недурно: министр — умнейший человек Абаза, а товарищем у него — тоже не глупый, а к тому же ученый человек — Бунге. Славная парочка».

Сегодня же Лорис-Меликов приехал ко мне и застал у меня тамбовского губернского предводителя дворянства Г. В. Кондоиди, очень с ним кокетничал, расспрашивая о местных делах и взглядах, а также говоря о важности выборной службы и о том, как он всегда рад встречаться и беседовать с представителями местных интересов.

Когда Кондоиди уехал, я заговорил с Лорисом о великом князе, о нападках на него в газетах, о нелюбви к нему цесаревича и, в заключение, сказал, что так как причиною всех этих бед морское ведомство, то, по возвращении его высочества, намерен советовать ему отказаться от морского министерства, чтобы упрочить себя в должности председателя Государственного Совета. Лорис, очевидно соглашаясь со мною, отвечал: «Если бы у председателя вашего был нюх, то он давно бы сложил с себя генерал-адмиральство. Впрочем, теперь это не главное. Дело также и не в злополучной поповке, о которой теперь так кричат. Придет ли «Ливадия» в Ялту с распущенными флагами и оркестром музыки, или доплетется с подшибленными крылышками, — вопрос не в том. Особенно важны теперь личные отношения к государю!..». И граф взглянул на меня многозначительно. Признаюсь, я не совсем понял его слова, но не просил объяснения, думая, что он сам даст мне ключ к разгадке. Лорис этого, однако, не сделал. Вдумываясь потом в сказанное графом, я пришел к заключению, что он намекал на необходимость сближения с княгиней Юрьевской. Этому бы я очень не сочувствовал. Конечно, нужно жить с ней в ладах, но особенно ухаживать за нею никак не следует. Не говоря уже о чувстве собственного достоинства, не нужно упускать из виду, что интимность с княгиней — лишний повод к неудовольствию цесаревича, а в этом-то главная наша беда.

Разговор с Лорисом перешел на известную ему мысль великого князя о призыве в Государственный Совет представителей дворянства и земства. Нужно сказать, что незадолго до нашего свидания, т. е. в сентябре месяце, Лорис призывал к себе всех редакторов повременных изданий и объявил им, чтоб они отложили в сторону всякие мечтания о центральном представительстве не только в виде конституционных палат, но даже и под видом совещательной Земской Думы. Меня очень беспокоило, не будет ли это заявление препятствовать осуществлению проекта, разработанного мною минувшим летом. Рассказав Лорису в кратких чертах о прошлогодних заседаниях (оказалось, что он об них знал) и о поручении, данном мне великим князем, я спросил его, есть ли, по его мнению, возможность успеха этого дела, или же следует сдать его в архив. «Отчего же, — сказал с живостью Лорис, — я восставал против конституционных стремлений, у нас теперь невозможных; но в то же время я вполне разделяю мысль о необходимости выслушивать мнение толковых и практичных людей. Мы не раз говорили о том с Абазою. Нет, не бросайте вашего проекта, — он может пригодиться. Нужно только подумать да подумать о том, как бы осторожнее и практичнее это сделать».

Я, разумеется, сказал Лорису, что без него великий князь не сделает по этому вопросу ни шага и, по всей вероятности, тотчас же по возвращении сообщит ему предположения свои.

2 ноября.

По случаю чрезвычайного возвышения цен на хлеб и муку, — возвышения, отчасти искусственного, вызванного стачкою крупных торговцев, Лорис-Меликов пригласил их к себе и уговаривал спустить цены. Торговцы эти возражали, указывая на неурожай во многих губерниях и на другие неблагоприятные обстоятельства. В заключение ими приведен был тот довод, что цена на хлеб и муку не определяется законом, и что поэтому нельзя принуждать их к понижению цен. Тогда Лорис объявил им, что говорил до сих пор в качестве министра внутренних дел, обязанного заботиться о народном продовольствии, но что если они не хотят внять разумным его доводам, то он будет говорить с ними как шеф жандармов, обязанности которого на него перешли. Нынешние чрезвычайно высокие цены на хлеб, не оправдываемые необходимостью, могут вызвать народные волнения, которые он обязан предупреждать. Поэтому он решительно объявляет всем хлебным торговцам, что [если] они не спустят цен в течение 24-х часов, то будут высланы из столицы административным порядком. Речь эта купцам очень не понравилась, но к цели она привела, так как на следующее утро появилось уже в газетах объявление о том, что, в видах облегчения пропитания для людей недостаточных, такие-то торговцы (Духинов, Полежаев и проч.) понижают цену на муку на столько-то

4 ноября.

За назначением Абазы министром финансов, должность председателя департамента экономии стала вакантною.

Заместить ее с успехом не легко. Естественным председателем был бы М. Х. Рейтерн, бывший так долго министром финансов и всеми уважаемый. Но он решительно сказал мне, что, за болезнью глаз, не только не может принять председательство, но даже просит об увольнении его к новому году из состава департамента экономии, так как не может читать всей массы рассылаемых записок, а ездить в заседание неприготовленным считает бессовестным. В виду отказа Рейтерна, оставалось два кандидата: граф Э. Т. Баранов и Д. М. Сольский. Первый из них имеет за собою старшинство, прекрасное положение при дворе, почетную репутацию, приобретенную им в качестве председателя железнодорожной комиссии, и, наконец, мягкий и ровный характер, снискавший ему общее расположение. Но, к сожалению, он не соединяет в себе ни того ума, ни тех сведений, ни той твердости, которая необходима для председателя департамента Государственного Совета. Всеми этими качествами безусловно обладает Дмитрий Мартынович. Назначению его сочувствуют и Абаза и Лорис-Меликов. Но он занимает должность государственного контролера, по которой, независимо от прекрасного содержания, имеет отличное помещение — истинный барский дом со всеми удобствами. Лишением его всего этого мы, несомненно, оказали бы ему медвежью услугу. Размышляя о трудном нашем положении, я пришел к тому заключению, что лучше всего было бы, если бы возможно было назначить Сольского председателем, с оставлением его в должности государственного контролера. Нового

большого труда это на него не возложило бы, так как, заседая в департаменте экономии и по нынешней своей должности, он обязан уже и теперь изучать все дела департамента. При первой встрече я переговорил об этом с Сольским. Предложение мое он принял вообще сочувственно, но положительного ответа не дал, прося некоторого времени, чтобы хорошенько обдумать вопрос. Сегодня он приехал ко мне с решительным отказом. Вот его доводы: соединить обе должности неудобно, так как до сих пор этого не допускалось, если же будет сделано исключение для него, то будут говорить, что ему не хотелось расстаться с казенным домом. Засим, он моложе большинства членов департамента, и назначение его председателем будет обидно для многих. Наконец, он любит контроль, изучил хорошо все отрасли его деятельности и надеется принести на нынешней своей должности пользу.

Против таких аргументов нельзя было возражать, оставалось только преклониться перед Дмитрием Мартиновичем.

8 ноября.

Имел сегодня совещание с А. А. Абазою о замещении должности председателя департамента экономии. Он сожалел об отказе Сольского и хотя назвал затем К. К. Грота, но, очевидно, боялся, чтобы я не предложил его серьезно. Очень хорошо понимая, что Константин Карлович, при многих прекрасных своих качествах, чрезвычайным упорством своим, пожалуй, отравил бы жизнь такому министру финансов, как Абаза, и может быть стеснил бы его деятельность, — я прямо высказал это Александру Аггеевичу. К тому же Лорис хочет просить Грота принять на себя управление тюремной частью, о чем мы думали при Макове и были надуты им. В виду этого я предложил, в свою очередь, графа Баранова. Абаза был этим очень доволен. Затем он отозвался с большой похвалою насчет сообщенной ему мною записки о совещании и собрании гласных; советует, однако, не торопиться и быть осторожным.

9 ноября.

Великий князь, наконец, возвратился. Все ему близкие встречали его высочество на станции Варшавской железной дороги с несколько смущенным и грустным чувством по случаю неудачи, постигшей «Ливадию».

Но великий князь вышел из вагона чрезвычайно веселый, стал при всех шутить с сыновьями своими и разговаривал с каждым из нас совершенно непринужденно. Можно было подумать, что он возвратился с торжества. Мы с Сольским переглянулись, недоумевая, что бы это могло означать: хорошо ли разыгранную роль или действительное ослепление «Ливадию»?

10 ноября.

Был утром у его высочества и вручил ему составленную по его поручению записку о совещательном собрании. Великий князь был очень доволен скорым окончанием этого труда, благодарил меня и обещал при случае переговорить с Лорис-Меликовым. Затем беседа перешла

на городские толки, прежде всего, разумеется, о «Ливадии», и о предполагаемом в газетах, а отчасти и в обществе, увольнении его высочества как от управления морским министерством, так и от председательства в Государственном Совете. Великий князь, предваренный уже об этих толках письмом Головнина, выслушал меня спокойно и сказал, что личный вопрос разъяснится очень скоро, вслед за возвращением государя. Что же касается «Ливадии», то распушенные о ней слухи совершенно несправедливы. Хотя она и имеет некоторые недостатки, но они с избытком вознаграждаются ее качествами. Поэтому великий князь считает «Ливадию» положительным успехом в деле кораблестроения. Чтобы доказать, как верит он в «Ливадию», великий князь намерен раннею весною отправиться в Ферроль и оттуда поплыть на «Ливадию» в Ялту. Великий князь говорил тоном вполне искренним и убежденным.

22 ноября.

Государь возвратился и, прибыв в Зимний дворец, позвал к себе в кабинет прежде всех других (не исключая и цесаревича) великого князя Константина Николаевича. Когда он вошел, его величество обнял брата и сказал: «Какой вздор распустили в городе! Все эти слухи о тебе не имеют никакого основания». Затем был разговор о некоторых текущих делах морского ведомства, при чем государь спросил вскользь о «Ливадии», без всякой горечи. Великий князь приемом этим очень доволен.

23 ноября.

Вчера вечером получил я от великого князя представленный ему министром финансов список с указа об отмене налога на соль. Я чрезвычайно был обрадован этою мерою, но вместе с тем был поражен тем, что она последовала без рассмотрения столь важного вопроса в Государственном Совете. Тотчас же написал я об этом великому князю, убедительно прося его высочество переговорить с А. А. Абазою, а если окажется возможным, то и с самим государем, чтобы предупредить на будущее время повторение подобных случаев.

Сегодня утром великий князь пригласил меня к себе и сказал, что вполне разделяет мой взгляд на неудобство подобных законодательных импровизаций, что с Абазою он переговорил, но что государю ничего уже сказать не может, — так как, вслед за подписанием указа, государь сам сообщил ему об этом, и великий князь, душевно обрадованный благотельною для народа реформою, горячо обнял брата и сказал ему, что отмена соляного налога напоминает ему первые счастливые годы нынешнего царствования. «Вы понимаете, — прибавил великий князь, — что после этого мне неудобно говорить с государем о том же указе в укоризненном смысле».

25 ноября.

Как нарочно, новый сюрприз Государственному Совету. В «Правительственном Вестнике» обнародован штат департамента государственной полиции, также не рассмотренный в Совете. Я опять написал

великому князю, прося его серьезно подумать об опасности утверждения разных законодательных мер по непосредственным докладом министров.

26 ноября.

На выходе по случаю георгиевского праздника виделся я, между прочим, с Сольским и графом Лорис-Меликовым. Первый, точно так же, как и я, был огорчен очень бесцеремненными действиями министров и сообщил мне, что заявлял уже свое мнение им обоим. Вместе с Сольским подошли мы к Лорису. Поздравив его с осуществлением заветной его мысли об отмене соляного налога *, я затем откровенно сказал графу, с некоторою даже горячностью (к сожалению, мне очень свойственно), что не ожидал от него и от Абазы проявившегося теперь дважды уклонении от законного порядка рассмотрения законодательных дел. Я заключил мои слова тем, что, несмотря на проповедываемую ими необходимость водворения законности, они сами нарушают ее, и притом без всякой нужды, так как Государственный Совет никогда бы не восставал против обеих предложенных ими мер. Между тем, обходя Государственный Совет, они подают крайне опасный пример другим министрам, которые станут, пожалуй, подносить к непосредственному утверждению государя такие меры, коим ни Лорис, ни Абаза не будут сочувствовать.

Лорису объяснение это было неприятно. Стараясь оправдаться, он сказал мне, что вопрос об отмене соляного налога его вовсе не касается; так как дело это ведено было министром финансов, и что штат департамента государственной полиции не мог быть внесен в Государственный Совет по очень важным причинам. Он прикажет изложить их в особой записке, которую доставит ко мне с просьбой доложить ее великому князю.

29 ноября.

Лорис-Меликов сообщил о моих возражениях Абазе, который заехал ко мне вчера, но не застал меня дома. Сегодня утром я поехал к нему. После нескольких вступительных слов, он перешел к занимавшему нас обоим предмету и стал горячо защищать право министра финансов подносить к непосредственному утверждению императора предложения об отмене тяжких для народа налогов. Я возразил, что, по учреждению Государственного Совета, это вообще не так: рассмотрению его подлежат и случаи отмены действующих положений, но, кроме того, теперь речь идет не только об отмене налога с соли, но и о необходимости заменить чем-либо те 12.000.000 рублей, которые он доставлял. Так как, при нынешнем состоянии наших финансов, нельзя оставить эту сумму невозмещенною, то Государственному Совету, когда он будет рассматривать проекты новых заменяющих налогов, придется утверждать почти без разговоров представление министра, потому что импровизировать другие налоги в самом заседании — невоз-

* Лорис неоднократно докладывал государю о необходимости этой меры, и его величество, поручая Абазе министерство финансов, выразил ему свое желание об отмене налога на соль.

можно. Александр Аггеевич возразил, что Государственный Совет не будет нисколько стеснен: не беда, если 12 милл. останутся в дефиците. Очевидно, это — вздор, так как дефицит и без того большой, и департамент экономии всячески старается по возможности его уменьшить. Затем Абаза приводил многие другие аргументы, столь же мало убедительные.

В конце-концов, он, не сознаваясь в своей ошибке и настаивая на своем, — удивительное самолюбие, — обещал мне, однако, строго соблюдать впредь порядок, установленный для дел законодательных, и в случае сомнений совещаться со мною.

Он сообщил мне потом, что Лорис-Меликов доводил о возражениях Сольского и моих до сведения государя. Его величество, выслушав Лориса, подумал немного и затем сказал: «Странно, когда я сообщил об этом указе брату Константину Николаевичу, он не только ничего не возразил мне, но даже обнял и поздравил меня».

30 ноября.

Как счастлив я, что отказался от земли, предназначавшейся для меня в Уфимской губернии! Теперь несомненно, что при разделе этих земель были большие злоупотребления, мало-по-малу всплывающие. Все, получившие там участки, причисляются к Грейгам, Ливенам и К°. Более чем когда-либо благодарен я Сольскому за добрый совет, окончательно побудивший меня к отказу.

1 декабря.

Сегодня 50-летний юбилей принца П. Г. Ольденбургского. С раннего утра у него толпы поздравителей. В 10 часов был государь со всей свитой. Затем, одно за другим, высшие государственные учреждения, депутаты от дворянства, духовенства разных вероисповеданий, городского и других сословий, учебные заведения всякого рода и, наконец, множество посетителей самого разнообразного звания и положения в обществе, людей, почитающих принца и благодарных ему. Поздравления и пожелания были совершенно искренние, не казенные. Видно, не нужно большого ума для приобретения общих уважения и любви; утешительно, что в наш век сердце чего-нибудь да стоит. Сделанными ему овациями принц был совершенно растроган, пожимал руки направо и налево и произносил отрывочные слова благодарности. Меня принц отвел в сторону и сказал: «Я сегодня начал день с того, что приобщился. Поэтому вы можете безусловно верить искренности моих слов. Прошу вас, устройте так, чтобы меня уволили от должности председателя гражданского департамента Государственного Совета. Я стар и слишком занят. В сущности, мою должность по гражданскому департаменту исправляет другой (Д. Н. Замятин). За что же я отнимаю у него почет и место?». Я отвечал, что доложу о желании его высочества великому князю Константину Николаевичу, но уверен, что великому князю желание это будет весьма прискорбно, так как он чрезвычайно любит и уважает принца. И это — действительно правда.

3 декабря.

Лорис дуется на меня за откровенные объяснения с ним на георгиевском празднике. Он говорит со мною не иначе как «ваше превосходительство» и вообще в церемонном тоне. Я рассказал об этом полшутя великому князю Константину Николаевичу, прибавив, что, может-быть, Лорис, теперь почти всемогущий, нажалуется на меня государю под тем или другим предлогом. «Не бойтесь, — возразил великий князь, — государь очень хорошо поймет, в чем дело, и никогда не будет сетовать на вас; напротив того, он вполне оценит исполнение вами своей обязанности».

5 декабря.

Абаза, я думаю, очень сожалеет теперь, что не внес в Государственный Совет вопроса об отмене соляного налога. В подробностях высочайшего повеления по этому делу оказывается такой промах, который стоит казне семи миллионов рублей, а между тем грозит разорением мелким солепромышленникам. Акциз за отпущенную в последнее время соль возвращается из казны не тому, кому следовало бы. Крупные солепромышленники, как, например, купец Блинов, получают даром по миллиону и по полутора миллионов рублей; между тем, внесенный ими в казну акциз получен ими уже от второстепенных торговцев, приобретших от них соль. Положение же последних критическое. Если бы дело было внесено на рассмотрение Государственного Совета, то промах этот был бы, без сомнения, замечен и исправлен.

15 декабря.

Несмотря на натянутые мои отношения к Лорису, мне пришлось поехать к нему для объяснений по одному довольно серьезному делу. Он внес в Государственный Совет представление по вопросу о порядке отбывания воинской повинности лицами, состоящими под надзором полиции по случаю прикосновенности их к социально-революционной партии. В существе своем вполне правильное, представление это страдает в отношении к подробностям проектированных правил и к самому приложению их. Желая предупредить напрасные споры в заседании по такому щекотливому делу, я поехал к Лорису и объяснил ему свои замечания.

Выслушав меня, он тотчас же понял, в чем дело, и сказал: «Замечания ваши я нахожу правильными и охотно с ними соглашаюсь. Но если в заседании будут возражения по существу дела, то я не уступлю ни одного волоска. Вы понимаете меня: речь идет об охране особы государя. До сих пор мне удалось его уберечь, но за будущее никто отвечать не может. Раздайся снова какой-нибудь злополучный выстрел, и я пропал, а со мной пропала и система моя. От «новых веяний» (так окрестила вся журналистика либеральную систему графа Лорис-Меликова) мы перейдем опять чуть ли не к инквизиции».

Эти слова показались мне знаменательными: несмотря на весь блеск своего положения, Лорис не обманывает себя на счет своей

шаткости. Окончив объяснения по делу, я хотел переговорить с графом относительно предположения великого князя просить государя о назначении к новому году двух новых членов Государственного Совета, именно Любоцинского и Ковалевского. На счет последнего нужно было переговорить предварительно с Лорисом потому, что на Ковалевского, в качестве сенатора, возложено было обревизование некоторых губерний. Само собою разумеется, что нами не предполагалось отрывать его от ревизии раньше ее окончания, но все же, без уговора с министрами внутренних дел и юстиции, неудобно было бы докладывать о Ковалевском государю.

Когда Лорис услышал, что Ковалевского предполагается назначить членом Государственного Совета, он вскочил со своего кресла и бросился меня обнимать. «Ну, спасибо вам, — сказал он. — Как я рад за Михаила Евграфовича. Вот будет настоящий член Государственного Совета! Прелесть, а не человек. Да вы его хорошенько еще не знаете. Я изучил его близко в Верховной Распорядительной Комиссии. Когда все другие поддакивают или молчат, он преспокойно запустит руку в карман и говорит: «А я с вами не согласен, нужно сделать совсем не то, что вы предлагаете, а вот что». И окажется потом, что он прав. Побольше бы таких людей! Я хотел просить государя о назначении его генерал-губернатором. Хоть он и невоспитанный, да не беда. Ведь был же Сперанский генерал-губернатором Сибири. Теперь я отказываюсь от своей мысли. Он будет нужен в Государственном Совете».

Слушая эти восторженные речи, я очень рад был за Лориса. С Ковалевским он не имел никаких связей; следовательно, ценил и любил его исключительно как умного, честного и прямого деятеля.

«Я не совсем понимаю вас, граф, — сказал я наконец. — Вот вы так отзываетесь о Ковалевском за то, что он человек правдивый и самостоятельный, а в то же время вы на меня дуетесь только за то, что я сказал вам правду и исполнил свою обязанность, оберегая права Государственного Совета».

«Ну, полноте, — сказал он. — Кто старое вспомнит, тому глаз вон. Теперь мы с вами опять друзья и, надеюсь, не будем более ссориться».

«От души желаю этого», — отвечал я. Затем, хотя граф очень любезно пригласил меня остаться завтракать с ним, я уехал в Совет, куда являюсь всегда за некоторое время до заседания.

В Совете я переговорил о предполагаемых членах с министром юстиции. Он был чрезвычайно рад за обоих и сказал, что лучшего выбора мы не могли бы сделать.

18 декабря.

С разрешения государя, Лорис окончательно просил К. К. Грота принять на себя управление тюремной частью на тех же основаниях, как предполагалось нами два года тому назад. Государь не встретил с своей стороны никаких препятствий. Теперь очевидно, что в то время Маков нас надул. Вот разница между Маковым и Лорисом, т. е. способным чиновником и действительно умным человеком, понимающим, что министр должен радоваться, когда может передать таковому человеку часть своего бремени.

20 декабря.

Обедал у Грейга. Обед был в честь великого князя Константина Николаевича. Приглашены были преимущественно лица, близкие его высочеству: Головин, Рейтерн, Абаза, кн. Урусов, Набоков, Сольский и я. Обед был замечателен в гастрономическом отношении. Беседа была оживленная и совершенно непринужденная. Сольский, мой сосед за столом, рассказал мне, что великий князь в очень хороших отношениях с княгиней Юрьевской и, согласно обычаю своему в отношении ко всем молодым дамам, целует у нее руку. При дворе говорят, разумеется, что он делает это из угодничества. Цесаревич крайне недоволен такою интимностью.

После обеда Набоков сообщил мне, что государь одобрил предположения его об очищении состава 2-го департамента Сената и о назначении в этот департамент людей умных и свежих. Это в высшей степени важно. Старшим сенатором, за уходом Любоцинского, будет назначен Арцимович. Я был этим очень удивлен и обрадован, так как при Палене государь два раза отказывал в назначении Арцимовича первоприсутствующим в уголовный кассационный департамент, говоря, что он — красный. Набоков объяснил мне, что и на этот раз в уме государя возникли сомнения в отношении к Арцимовичу, но что он взял на себя подробно доложить его величеству о несправедливости взводимых на Арцимовича обвинений, корень которых заключался в том, что он, будучи калужским губернатором, энергически и без послабления сильным мира сего (особенно богачу Мальцеву) вводил в действие положение 19 февраля 1861 года.

«Уверен ли ты в этом?» — спросил государь. — «Совершенно уверен, ваше величество, — отвечал Набоков. — Я знал Арцимовича с училища правоведения; потом мы долго служили вместе с ним, и я отвечаю за него головою».

«Ну, очень рад, что он не таков, каким его мне многие описывали, — сказал государь. — Согласен на его назначение».

22 декабря.

Указы о Любоцинском и Ковалевском подписаны. При этом государь сказал великому князю, что, предоставляя ему заботу о приискании полезных членов Государственного Совета, людей трудящихся, его величество в то же время сохраняет за собою право назначать в Совет людей, по прежним их заслугам достойных получать высшее в империи служебное положение. На этом основании назначается теперь членом Совета киевский генерал-губернатор Чертков. Относительно его великий князь спросил: «Не глуп ли он?» — Государь отвечал: «Совсем не глуп. Беда только в том, что он преисполнен строгановской спеси*». Я не могу оставить его генерал-губернатором, так как он не может переварить мысли о посланной мною в Киев сенаторской ревизии. Между ним и сенатором Половцевым происходят чуть ли не ежедневные столкновения. Между тем, вовсе уволить его я не хочу». Назначается также членом Совета варшавский генерал-губернатор Альбединский.

* Мать Черткова — гр. Строганова.

27 декабря.

Обедал у принца Ольденбургского. В числе гостей был московский генерал-губернатор князь Вл. А. Долгоруков. Он человек хотя и ограниченный, но очень милый и обходительный, обладающий вполне светскими приличиями. При всем том он сделал после обеда крайне странное заявление, доказывающее, как глубоко вкоренилось у нас на Руси если не местничество, то, по крайней мере, чиновничье чванство. Сидел он за столом по левую руку принцессы Евгении Максимиллиановны, которая почти все время с ним разговаривала. После обеда князь подходит к гофмейстеру принца барону Гюне, спрашивая его, почему его посадили по левую, а не по правую сторону принцессы, тогда как он старше сидевшего по правую ее руку сенатора Щербинина. Гюне подошел доложить об этом принцессе в то время, когда она со мной беседовала. Ответ ее также замечателен: «Скажите князю Долгорукову, что он неправ. Я сама назначаю места по спискам старшинства. Щербинин произведен в действительные тайные советники в 1866 году, а Долгоруков в полные генералы только в 1867». Когда Гюне отошел, я позволил себе в шутку заметить ее высочеству, что в ее устах странно звучат такие формулярные сведения. Принцесса ответила мне: «Вы считаете это пустяками, а между тем, поверьте, оно не так. Немногие, как Долгоруков, прямо заявляют о своем старшинстве. Но если они не следуют его примеру, то это вовсе не доказывает, чтобы они о старшинстве своем не думали. Поэтому лучше быть *«tout à fait correct»*».

31 декабря.

Сегодня было чрезвычайно интересное заседание Государственного Совета по случаю рассмотрения в общем собрании государственной росписи на 1881 год. В ответ на очень обстоятельные и толковые соображения А. В. Головина (он каждый год представляет общему собранию подробные замечания по проекту государственной росписи), А. А. Абаза, соглашаясь с справедливостью многих заявлений Александра Васильевича, выразил очень красноречиво и интересно как взгляды свои на наше финансовое положение, так и финансовую программу свою. Прежде всего он объяснил, что главная причина нынешних наших бед — минувшая война, стоившая нам более миллиарда рублей. Одних процентов по этой сумме приходится платить 50 миллионов рублей в год. Затем, весьма многие расходы возросли вследствие упадка стоимости наших денег, происшедшего от усиленного выпуска кредитных билетов.

Для поднятия нашего финансового положения Абаза считает нужным прежде всего уменьшить количество бумажных денег, но не вдруг, чтобы не произвести кризиса, а постепенно, внося ежегодно в смету в течение 8 лет по 50 миллионов рублей на погашение кредитных билетов. Этим способом изъяты будут 400 миллионов, т. е. то именно количество бумажных денег, которое выпущено было на военные потребности. Такою мерою кредитный рубль восстановится, — конечно, не в полной ценности, но, по крайней мере, в том курсе, какой он имел до войны. Затем, для усиления средств государственного казначей-

ства, министр финансов считает необходимым ввести разные новые налоги, преимущественно с людей достаточных, мало платящих в настоящее время. Между прочим, предполагается восстановить налог с золото-промышленников, который совершенно справедлив, и притом может доставить казне около полутора миллионов рублей в год. С другой стороны, Александр Аггеевич полагает нужным значительно облегчить неимущие классы, во многих местностях изнемогающие под бременем платежей. Независимо от последовавшей уже отмены соляного налога, он считает возможным уменьшить выкупные платежи приблизительно на 9 миллионов рублей, которые будут почерпнуты не из общих средств государственного казначейства, а из особого, приисканного им источника. Кроме того, в министерстве финансов производятся работы по вопросу, неоднократно возбуждавшемуся и при М. Х. Рейтерне и при С. А. Грейге, — об отмене подушной подати.

С приведением в исполнение всех этих предначертаний, податная система наша улучшится и будет более справедлива, с чем вместе придутся и платежные силы огромной массы крестьян, которые нередко лишаются теперь последней лошади или коровы, продаваемых для уплаты податных недоимок, постоянно возрастающих.

В заключение министр финансов объяснил, что все это будет бес- сильно к водворению у нас здоровой финансовой политики, если не будут приняты самые решительные меры к сокращению государственных расходов. Прежде и важнее всего сокращение расходов по военному ведомству. Россия решительно не в состоянии содержать теперь такую армию, какую имела она до войны. Потом, нужны сбережения и по другим частям управления, кроме лишь таких, на которые не нужно жалеть денег, собственно потому, что издержки на них ведут к подъему народного благосостояния; к таким расходам Абаза относит издержки на училища и школы, на устройство судебной части и на пути сообщения. При строгом соблюдении экономии в государственных расходах, по мнению Александра Аггеевича, необходимо всячески поощрять трудолюбие и бережливость частных лиц — главные источники народного богатства. Речь Абазы, изложенная мною наскоро и в самых общих чертах, но в действительности весьма обдуманная и подробная, произвела в Совете очень благоприятное впечатление.

1881 г.

5 января.

Великий князь после сегодняшнего моего доклада завел речь о газетных статьях, передающих по слухам суть речи Абазы о финансовых его видах и изъясняющих при этом сожаление о непубличности заседаний Государственного Совета. Выразив и с своей стороны сочувствие этой мысли, великий князь спросил меня, что я об ней думаю. Я сказал, что, к крайнему сожалению, не могу разделять взглядов его высочества. Публичность суждений имеет, конечно, много за себя; но в отношении к нашему Совету едва ли оно применимо.

Совет так беден силами, что открытие для публички дверей его совершенно уронит это высшее у нас учреждение в мнении общества. Теперь хотя и порицают нас иногда за то или другое законоположение, но вообще имеются все-таки весьма высокие понятия о Государственном Совете. В сущности, дела рассматриваются у нас — насколько возможно для людей, преимущественно кабинетных — очень основательно, а читая наши отчеты и мотивированные мнения Совета, можно предположить, что в Совете сидят чуть не Солоны. При публичности заседаний иллюзия совершенно исчезнет, а это было бы, конечно, нежелательно. Далее, непривычка говорить публично и опасение сказать что-либо такое, что могло бы быть подхвачено и осмеиваемо в печати, наверное, удержит от участия в суждениях многих из наших старичков, познания и опытность которых теперь иногда полезны. В результате бы оказалось, что говорило бы всего пять-шесть человек (например: Абаза, Сольский, Милютин, Урусов, Головин, Победоносцев, Грот), т.-е. лица, большею частью занимающие министерские должности. Для авторитета Государственного Совета, который должен обсуждать представления министров, это не выгодно.

Великий князь возразил, что хотя отчасти я прав, но упускаю из виду, что публичность заседаний побудила бы членов к более тщательному изучению дел и к всесторонней предварительной разработке заявляемых замечаний. Я позволил себе выразить сомнение в безусловной справедливости этого возражения. Действительно, — сказал я, — можно ожидать особого усердия со стороны некоторых членов, представляющих не более как самоуверенными посредственностями, но что выиграем мы от их болтовни? При настоящем порядке, о наивности этих господ мы иногда посмеемся между собою, *

а затем они пропадают бесследно, в случае же открытия советской залы для публики и печати, наивности эти будут разноситься по всей России. Наконец, некоторые из членов пожелают, пожалуй, рисоваться перед публикой... тогда будет беда совершенно иного рода.

Хотя великого князя слова мои несколько коробили, и он не сдался официально, но, кажется, убедился моими соображениями или, по крайней мере, поколебался в совершенной правильности первоначального своего взгляда. Разговор наш его высочество заключил тем, что нужно бы дать ход записке об учреждении при Совете совещательного собрания гласных, о чем он, при первом удобном случае, переговаривает с Лорис-Меликовым. Кстати, запиской этой великий князь очень доволен.

В приемной его высочества нашел я члена Государственного Совета А. П. Заблоцкого-Десятовского, который приехал просить великого князя о напечатании на казенный счет составленного им весьма интересного исторического труда о графе П. Д. Киселеве и его времени. Через графа Д. А. Милютину, с которым Заблоцкий дружен, сочинение это было представлено в рукописи государю, очень любившему Киселева, первоначального автора мысли об уничтожении крепостного права в России. Его величество так интересовался книгой, что читал ее ежедневно по вечерам, засиживаясь до 2-х часов ночи. Замечательны сообщенные мне сегодня Заблоцким слова государя, сказанные им на днях Милютину по поводу отношений Киселева к императору Николаю Павловичу: «Покойный отец очень любил и уважал Павла Дмитриевича и не раз готов был приступить к осуществлению заветной мысли его — освободить крестьян; но беда в том, что большая часть людей, окружавших батюшку, его пугала и обманывала. Впоследствии меня также старались запугать, и даже до такой степени, что я два раза почти решался отказаться от начатого... Но господь спас меня».

12 января.

Граф П. А. Шувалов, с которым я давно не видался по случаю его отъезда на праздники в Москву, выразил мне сегодня сочувствие назначению членами Государственного Совета Любоцинского и Ковалевского, которых он считает людьми умными и полезными. «А знаете ли, — прибавил он, — что было время, когда Любоцинский висел на волоске? В 1866 г. государь был очень недоволен прениями петербургского земского собрания, в которых принимал участие и Любоцинский. Его величество, будучи рассержен, хотел уволить его от службы. Тогда я доложил, что этого сделать нельзя, так как Любоцинский — сенатор кассационного департамента, а потому пользуется правом несменяемости наравне со всеми членами новых судебных мест. Государя это чрезвычайно поразило, и он сначала не хотел мне верить. Оказалось, что в свое время вопрос о несменяемости не был в точности разъяснен его величеству. Государь предполагал, что новый закон будет ограждать судей только от произвола министра, но ничуть не ограничит собственных его прав. Когда истинное значение закона было вполне разъяснено, государь приказал оставить без последствий первоначальное его намерение об увольнении Любоцинского».

13 января.

Сольский сообщил мне, что Лорис, вследствие неоднократных разговоров с великим князем о желательности призыва в Государственный Совет гласных от земств и городов, советовался с ним о том, как бы лучше и осторожнее привести эту мысль в исполнение. Предложить ее в том же виде, как предположено в нашей записке, Лорис боялся, потому что цесаревич, не далее как в прошлом году, был против проекта великого князя. В виду этого он намерен, кажется, не предлагая теперь никакого постоянного учреждения при Государственном Совете, просить о призыве депутатов от земств и городов в редакционную комиссию, на которую будет возложено предварительное рассмотрение законодательных предположений, имеющих быть составленными по окончании сенаторских ревизий. Может-быть, он и прав, хотя это не совсем то, что нами предполагалось, но все же лучше сделать шаг вперед, чем вовсе его не делать. Сольский сообщил мне еще несколько интересных вещей.

Граф П. А. Шувалов, говоря с ним о Лорисе, сказал, что, по его мнению, Лорис ведет дело хорошо и что до сих пор им не сделано ни одной ошибки. — Другое. В конце декабря Сольский был приглашен к государю обедать. Княгиня Юрьевская вела себя совершенно естественно, говорила о предметах простых и не вдавалась в какие-либо глубокомысленные суждения. Государь, повидимому, очень занят ею и наблюдает за тем, как держит она себя и как обращаются с нею другие. Совет она государю — Сашей. По случаю приглашения нужно было сделать визит княгине Юрьевской. Между министрами, удостоившимися приглашения, возник вопрос: как ехать к ней, т.-е. в каком платье: в сюртуке ли, как к частному лицу, или в мундире, как представляются особам императорского дома. Из этого сомнения выручил князь С. Н. Урусов, присоветовавший ехать прямо из Комитета Министров, в заседание которого ездят в мундирном фраке.

Затем, по случаю нового года, возник другой вопрос: нужно ли в первый день праздника расписаться у княгини. Валуйев предложил министрам обращаться к нему, посоветоваться об этом в Комитете и поступать однообразно.

На деле он поступил иначе: в Комитете об этом не было и речи, а в первый день нового года Валуйев с Маковым и Урусовым, во время церковной службы, отправились расписаться, приглашая с собой и Сольского. Он отказался и не пошел, заявив, что общего уговора не было и что не считает возможным действовать без соглашения с прочими товарищами. Урусов, по возвращении в церковь, сказал Сольскому: «Нужно сознаться, мы порядочно подловаты».

Сабуров оказался еще подловатее: он ездил расписываться у княгини Юрьевской не только в новый год, но и в рождество.

25 января.

Граф Н. П. Игнатьев, заехавший сегодня ко мне, рассказал между прочим, что Горчакову несправедливо приписывают спасение чести России от посягательства на нее со стороны иностранных держав во время польского восстания. Горчаков привез в Совет Министров,

собравшийся по этому поводу, два проекта депеш: один — принимавший дружеское предложение западных держав, а другой — отклонявший его. Оба проекта были написаны одинаково щеголевато. К счастью, огромное большинство голосов и голос самого государя оказались за последний проект.

Игнатъев божится, что это было так; может быть, но верить безусловно нельзя. При всем уме своем, Игнатъев — страшный враль*.

18 февраля.

Против Лориса большая оппозиция в высших кругах. Главную виною ставят ему то, что он в погоне за популярностью совершенно распустил печать, позволяющую себе судить не только свободно, но и дерзко и резко про все и про всех. Наиболее ожесточенные крикуны — Тимашев, Делянов и Победоносцев. Валуев и Маков тонко улыбаются, но благоразумно молчат..., потому что, несмотря на все эти обвинения, Лорис всемогущ.

Предложенная им государю мысль об учреждении редакционной комиссии с призывом в нее депутатов от земств и городов принята его величеством хорошо⁸. Для обсуждения этого вопроса учреждено совещание, под председательством Валуева, с участием цесаревича, великого князя Константина Николаевича, Лориса, Абазы и Сольского. Собираются они в Аничковом дворце.

20 февраля.

Лорис, кажется, тоже не чужд подловатости. Говорят, он сильно ухаживает за княгиней Юрьевской. Рассказывают даже, будто бы он намекнул государю на то, что следовало бы официально признать ее императрицей и короновать ее. Государь не высказался за это, но и не возражал. Быть-может, что семя, заброшенное в его ум, даст через несколько времени ростки. Это тем более возможно, что, будучи страстно влюблен в нее, он очень недоволен недостатком сердечности и внимания к ней со стороны цесаревича, цесаревны и некоторых других членов императорской фамилии.

В народе рассуждают о женитьбе государя различно. Мне рассказывали, что, видя княгиню Юрьевскую гуляющую в Летнем саду с государем, простолюдины называют ее мамзелью. Затем рассказывали мне также, будто бы бабы говорят, что батюшку-царя попутал леший и что бог теперь оставил его. Напротив того, с другой стороны, меня уверяли, что мужики рассуждают так: «Как же быть без хозяйки? Матушка-царица умерла, так делать нечего, — пришлось повенчаться с другою».

У графини Клейнмихель встретился я сегодня с княгиней Мещерской, сестрой княгини Юрьевской, и был ей представлен. Вид у нее торжественный.

* Впоследствии я узнал из верного источника, что хотя действительно Горчаков привез депешу в двух видах, но защищал ту, которая отклоняла предложение.

28 февраля.

Совещание под председательством Валуева, собиравшееся в Аничковом дворце, единогласно одобрило, с некоторыми изменениями в подробностях, предположения Лорис-Меликова о редакционной комиссии с призывом в нее депутатов от земств и городов. Государю представлен совещанием журнал по этому делу. Прочтя его, его величество изъявил предварительное согласие на проектированную меру, сделал несколько частных замечаний и в заключение решил, что по важности дела оно должно быть окончательно обсуждено в Совете Министров.

Когда сообщили об этом великому князю Константину Николаевичу, он сказал, в присутствии цесаревича: «Как жаль! Там будет, вероятно, оппозиция со стороны Победоносцева». — «Что ж за беда, — возразил цесаревич, — тем лучше. Разные взгляды могут только способствовать разъяснению вопроса».

Третьего дня арестован один из главных вожakov социалистической партии, Желябов, участвовавший в различных покушениях на жизнь государя. Аресту этому придают весьма важное значение.

1 марта.

В два часа приехал ко мне статс-секретарь Государственного Совета Н. М. Рембелинский, совершенно встревоженный, и сообщил мне, что до него дошел с двух различных сторон слух о новом и притом ужасном покушении на жизнь государя. Я немедленно поехал с ним в Зимний дворец. К несчастью, весть была справедлива. По улицам была заметна какая-то особенная суетливость; все спешили ко дворцу. Туда же шли быстрым шагом войска; около дворца разъезжали казачьи патрули. В темном коридоре дворца*, находящемся около покоев государя, застал я уже многих высших сановников и придворных, а также дам. О подробностях страшного покушения узнали мы от конвойных казаков, бывших в коридоре. Некоторые из них, несмотря на раны, наскоро перевязанные носовыми платками, не покидали своих мест. Надежды на спасение государя не было.

В кабинете государя, куда его величество был принесен на походной кровати, была только царская семья, граф Адлерберг и граф Лорис-Меликов. В три четверти четвертого пришли нам сказать, что государь скончался. Почти все плакали. Горе было неподдельное.

В шестом часу вышел из кабинета государя великий князь Константин Николаевич, бледный, как мертвец, но спокойный. Крепко пожав мне руку, великий князь сообщил мне прерывающимся голосом, что вид тела покойного ужасен. Нижняя часть туловища страшно обезображена: кости обнажены и раздроблены, мясо висит кусками... Его высочество не мог окончить того, что хотел сказать, закрыл себе лицо руками и зарыдал. Это происходило в конце коридора, вдали от собравшихся во дворце.

* В сущности, длинная-преддлинная зала. Он называется темным, потому что не имеет окон; освещается и днем лампами.

Когда великий князь несколько успокоился, я доложил ему о необходимости созвать членов Государственного Совета в чрезвычайное заседание для принесения присяги новому императору. Вместе с тем я просил дозволения приехать к его высочеству, хотя бы поздно вечером, если бы оказалось необходимым сделать какое-либо экстренное распоряжение.

Великий князь разрешил мне это. Затем он мне объявил, что воцарившийся государь примет Государственный Совет завтра, после выхода, в малахитовой зале. Между тем, еще до прихода великого князя, я поручил Рембелинскому немедленно вытребовать из архива дело о вступлении на престол императора Александра Николаевича для того, чтобы иметь под собою твердую почву в необходимых распоряжениях.

Когда великий князь уехал, я встретился в коридоре с Сольским, совершенно расстроенным. Он сообщил мне, что в кабинет его величества для поклонения праху были допущены министры. Вступивший на престол государь, присутствовавший при этом, был в ужасном волнении. Валуев подошел к его величеству и напомнил о том, что надо издать манифест. Составление манифеста государь поручил Валуеву и бывшему тут же министру юстиции. Они, со своей стороны, вышед затем в коридор, пригласили при мне для совещания князя Урусова и Сольского. Валуев приосанился, воображая, что будет снова играть первую роль.

Встретился потом с Лорис-Меликовым в коридоре. Он ужасно бледен, но, повидимому, спокоен.

Из темного коридора пошел я в государственную канцелярию. Так как в 7 часов дела еще не было, то я уехал домой. Вернулся в канцелярию в девятом часу. По случаю воскресения, необходимости разыскивать чиновников и общей суматохи, дело было привезено только в исходе десятого часа. Из него я увидел, что покойный государь, по вступлении на престол, принимая Совет в полном составе, произнес ему прекрасную и очень обстоятельную речь, записанную от слова до слова. Я поехал с этой речью к великому князю. Его высочество признал необходимым сегодня же, хотя бы ночью, передать ее графу Адлербергу для доклада императору. Я поехал к графу; не застав его дома, я отправился во дворец. Там узнал я, после долгих расспросов, что граф в кабинете покойного, где присутствует при бальзамировании тела.

Когда пошли доложить графу Адлербергу о моем приезде, в ту комнату, где я ждал, явилась дама в глубоком трауре и заплаканная. Это была княгиня Юрьевская. Узнав, что тело бальзамируют, она удалилась. Граф Адлерберг вышел ко мне почти немедленно; было 12 часов. Граф был совершенно удручен горем. Он рассказал мне, что сегодня еще утром, перед разводом, покойный государь сказал ему, что давно так хорошо себя не чувствовал.

Речь покойного граф Адлерберг взялся немедленно представить воцарившемуся императору.

2 марта.

Рано утром получил я манифест. Он совершенно приличен, но, в сущности, не говорит ничего.

Чрезвычайное заседание Государственного Совета было назначено в 12 часов. В заседании этом, по прочтении мною манифеста, было поло-

жено принести присягу императору и его наследнику. Затем все мы отправились к выходу государя. Он и императрица вышли не только заплаканные, но, можно сказать, распухшие от слез. Несмотря на очевидное волнение, императорская чета весьма милостиво раскланивалась на обе стороны.

Перейдя через концертный зал, где были высшие государственные учреждения, и приблизясь к войскам, государь сказал им краткую речь, в которой выразил надежду, что они будут служить ему, как служили незабвенному его отцу, а в случае, если бы угрожала его величеству такая же участь, как покойному императору, перенесут преданность свою на наследника престола.

По произнесении государем этих слов, весь дворец огласился громким и продолжительным: «ура!», смолкшим только тогда, когда императорская чета вступила в дворцовый собор, куда последовали за нею, кроме царской семьи, члены Государственного Совета, сенаторы, статс-секретари и высшие придворные и военные власти.

В соборе, после прочтения министром юстиции манифеста, духовник их величеств Бажанов прочитал во всеуслышание присягу на верность подданства, которая повторялась вполголоса всеми присутствовавшими. По произнесении присяги Государственный Совет удалился из церкви и собрался в назначенной государем для приема Совета малахитовой комнате.

Государь вышел в 2 часа. Прежде всего он подошел к стоявшему во главе Совета великому князю Константину Николаевичу и подал ему руку. Великий князь обнял государя, который тогда, в свою очередь, обнял его. Затем его величество произнес, с некоторою расстановкою и чрезвычайно взволнованным голосом, приблизительно следующее:

«Господа!

«Душевно сожалею, что я лишен возможности передать вам, по поручению самого покойного государя, его благодарность*. Смерть постигла его так внезапно, что он не мог ничего сообщить мне перед кончиной. Но, зная его чувства к вам, я смело могу взять на себя выражение вам, от его имени, благодарности за честную и усердную службу, которою вы в продолжение стольких лет оправдали доверие незабвенного императора.

«Я до сих пор не имел еще возможности заслужить любовь и доверие ваши; но надеюсь, что вы перенесете на меня те чувства, которые питали к моему родителю, что буду достоин их и, трудясь вместе с вами, принесу пользу России. Да поможет мне бог!

«Еще раз благодарю вас всех от имени моего батюшки».

По произнесении этих слов, государь подошел к великому князю Михаилу Николаевичу, горячо обнял его, пожал руку принцу Ольденбургскому и некоторым другим старейшим членам Государственного Совета, поклонился всем и ушел.

По удалении государя, Государственным Советом подписаны были присяжные листы и журналы чрезвычайного собрания.

* Речь императора Александра Николаевича начиналась с изъявления, по поручению отца, благодарности всем министрам и другим высшим сановникам.

Когда большинство разъехалось, Урусов сообщил мне в двух словах, что для изложения манифеста они собрались вчера вечером у Валуева и что выручил их Сольский. Сам же Дмитрий Мартынович объяснил мне вслед за тем, что Валуев заготовил проект в том смысле, что задачи нового царствования заключаются в восстановлении порядка, в репрессии за совершенное преступление, одним словом, — в реакции. Кроме того, Валуев говорил в своем проекте не о русском народе, а о населяющих Россию народах. Против всего этого возражал Сольский, другие с ним согласились, и тогда, соединенными силами, наскоро набросали манифест в том виде, как он опубликован.

3 марта.

Тело покойного императора перенесено вечером торжественно в дворцовый собор. Гроб несли государь, великие князья и принцы. Княгиня Юрьевская шла вслед за гробом. После панихиды она прикладывалась к праху вслед за сыновьями и братьями усопшего.

4 марта.

В 2 часа у великого князя Константина Николаевича по вопросу, не терпевшему отлагательств.

Застал его высочество совершенно спокойным в кабинете за чтением. После объяснений по делу великий князь просил меня остаться и в разговоре сообщил мне следующее:

Положение его высочества в отношении к новому императору не выяснилось; поэтому он считает долгом, впредь до времени, ничего не предпринимать, не навязываться. Точно так же поступил он в 1855 г. Воцарившегося тогда, ныне покойного, государя все считали в семье человеком в высшей степени добрым и исполненным лучших намерений, а в то же время и способным, но при этом опасались, не будет ли он слаб и бесхарактерен. Более всех это озабочивало императрицу Марию Александровну и королеву вюртембергскую Ольгу Николаевну; обе они очень упрямивали великого князя стараться как можно более сблизиться с государем и быть ему советником по всем важнейшим вопросам. Будучи с братом в наилучших, вполне дружеских отношениях, великий князь не хотел, однако, навязываться и решился не подавать ни одного совета, пока сам император не спросит его мнения. Иногда его спрашивали, а очень часто и не спрашивали...

Я, с моей стороны, был этим очень удивлен, так как предполагал, что с самого начала прошлого царствования великий князь имел большое влияние на ход дел и на выбор людей. Поэтому я напомнил его высочеству, что в обществе называли «константиновцами» выведенных им многих государственных деятелей.

«Не напоминайте мне этой клички, — сказал с горячностью великий князь. — Она изобретена моими врагами, всячески старавшимися поселить между государем и мною чувства взаимного раздражения и недовольства... Правда, — но не в начале царствования, а немного позднее, — я рекомендовал государю нескольких людей, оказавшихся способными по морскому ведомству.

«Когда он ознакомился с ними и оценил их, он сам дал им ход. Но если я и имел иногда некоторое влияние на назначения, то зато сколько бывало назначений мне не по сердцу. И я ничего не мог сделать.

«Доверие покойного государя ко мне начало особенно проявляться в 1857 году, когда он сам назначил меня членом Главного Комитета об упразднении крепостного состояния. В этом Комитете я был представителем либерального направления и настаивал на том, чтобы за крестьянами сохранена была их усадебная оседлость и чтобы они поставлены были в такое имущественное положение, в котором они имели бы возможность уплачивать казенные подати и повинности помещику. Мысль эту, в то время еще не выяснившуюся вполне, следует считать зародышем предоставления крестьянам поземельного надела.

«На заявление мое в Комитете смотрели косо, при чем между мною и председателем князем Орловым, отъявленным крепостником, желавшим свести все дело к нулю, происходили довольно часто столкновения и горячие споры. Слух о них проник сначала в высшие сферы петербургского общества, а потом в помещичьи кружки всей России. Мне приписывали бог знает что, даже прямые неслыханные грубости в отношении к князю Орлову, который будто бы доведен был раз до того, что для укрощения меня должен был ударить кулаком по столу. Некоторые, особенно дамы, прибавляли к этому: «Et pour lever la séance devenue impossible, le président a été obligé de se couvrir»⁹. Они, вероятно, не знали, что у нас председателю никакого головного убора не полагается... Большая же часть обо мне слухов была столь же справедлива, как то, что председатель должен был накрыться. Бывали, правда, очень часто разномыслие и горячие споры, но более ничего».

«Ваше высочество, — спросил я, — не говорили ли вы иногда в горячности, понятной в молодые тогдашние ваши лета, вещей, — простите меня, — несколько резких? До меня доходил слух, будто бы вы сказали раз в заседании князю Орлову, который отстаивал категорически заслуги дворянства: «Плевать я хочу на русское дворянство!».

«Никогда. Слова эти — решительная клевета, изобретенная крепостниками. Самое резкое выражение, которое раз я позволил себе употребить в пылу спора, — теперь я каюсь в этом, — было: «жалует царь, да не жалует псарь». Но, при всей своей резкости, выражение это было глубоко верно и справедливо. Государь всей душой желал освободить крестьян, а ближайшие советники его не хотели и делали все возможное, чтобы затормозить дело.

«Все эти столкновения привели к тому, что государь посоветовал мне ехать за границу. Я отправился в Италию, но остался там недолго. По случаю бывших тогда опасений на счет возможности войны, меня вызвали. Возвратясь в Петербург, я снова принял в 1860 и 1861 годах самое горячее участие в деле освобождения крестьян. Но не думайте, чтобы я интриговал или агитировал, как уверяют многие. Я даже не был в постоянных сношениях с Милютиным, Самариным, Черкасским и другими выдающимися деятелями редакционных комиссий. Я просто защищал в Главном Комитете, а потом и в общем собрании Государственного Совета, труды редакционных комиссий потому, что находил их справедливыми, и глубоко сочувствовал делу, которое считал святым. В это время государь имел ко мне большое доверие. Вскоре

он послал меня наместником в Царство Польское, в котором признано было нужным, — заметьте, без всякого участия моего в обсуждении этого вопроса, — ввести политику примирительную, с самостоятельным польским министерством. Встречен я был там враждебно; в меня даже стреляли. Несмотря на это, я свято исполнил данную мне программу. К глубокому сожалению, она не привела к доброму результату, и в России, без всякой [? Ред.] с моей стороны, сочли меня изменником... Положение мое было ужасное. Государь хорошо понимал всю несправедливость взводившихся на меня обвинений; но вместе с тем, желая успокоить умы, он не признал возможным оставить меня в Царстве и пожелал, чтобы я на некоторое время уехал за границу. В 1864 г. я возвратился и был назначен к 1 января 1865 г. председателем Государственного Совета. В течение 16-ти лет занимаю я эту должность и, несмотря на часто возобновляющиеся интриги против меня, — могу даже сказать, на постоянные жалобы со стороны реакционеров: сначала Муравьева, потом Шувалова, Палена, Тимашева и Валуева, — я до последней минуты был с братом в наилучших отношениях, обладая полным доверием его. Хотя по временам он и бывал под впечатлением наговоров, но, в сущности, он был твердо уверен, что я душою ему предан и веду дело согласно собственным его видам.

«Что будет теперь, не знаю. Буду ждать. Кажется, мои акции плохи. Я слышал, что в совещание, бывшее вчера, приглашен был Валуев... а меня не пригласили...»*.

Выслушав весь этот рассказ, врезавшийся в моей памяти и изложенный мною почти дословно, я отвечал великому князю, что принятое им решение весьма мудрое, но что, при всем том, оставаться в совершенном бездействии едва ли возможно. Не следует себя обманывать: новый государь не имеет к великому князю тех чувств, которые питал к нему покойный император. Мало того, я почти уверен, что он предубежден против его высочества. Сколько я знаю, причина предубеждения и корень неудовольствия — морское ведомство. Государю, когда он был наследником престола, постоянно жаловались с разных сторон, между прочим, Баранов — вообще, а Победоносцев — по Добровольному флоту¹⁰. Цесаревич верил им и даже сам выражался несочувственно о деятельности великого князя как генерал-адмирала. Но я никогда не слышал, чтобы нынешний государь когда-либо порицал деятельность его высочества по Государственному Совету. В виду этого мне казалось бы наиболее благоразумным для великого князя самому отказаться от управления морским министерством. Таким образом, может-быть, оказалось бы возможным сохранить за собою пост председателя Государственного Совета, на котором его высочество почти незаменим и может принести еще много пользы.

Великий князь отвечал: «Тяжело было бы мне отказаться от флота, с которым я сроднился... Но, может-быть, вы правы. Я подумаю... Знаете что? Попросите Сольского заехать ко мне. Хочу посоветоваться с ним».

* Это действительно так. Между тем, речь шла о порядке суда над злоумышленниками. В совещании этом необходимо было бы участие председателя Государственного Совета, который по закону председательствует в верховном уголовном суде.

От великого князя я поехал прямо к Сольскому. По его мнению, Лорис будет советовать государю оставить великого князя Константина Николаевича на должности председателя Государственного Совета, — так как признает его чрезвычайные способности и не любит ни великого князя Михаила Николаевича, ни Валуева.

5 марта.

М. С. Каханов сообщил мне некоторые интересные сведения.

Вслед за покушением 1 марта, Валуев написал Лорису, для доклада государю, длинное письмо, в котором давал советы, клонившиеся к реакции. Письмо это было представлено государю и «оценено им по достоинству».

В самый день покушения Лорис просил его величество подумать о преемнике ему. Государь ответил, что питает к нему доверие и просит не оставлять [?] «пока мы живы».

При докладе 2-го марта Лорис выразил государю всю свою благодарность за милостивое доверие его величества, но вместе с тем снова просил об увольнении, говоря, что обстоятельства изменились. На престол взошел государь молодой, свежий, энергический, имеющий возможность сосредоточить непосредственно в своих руках все распоряжения по главным предметам государственного управления. С другой стороны, увольнение его вызывается и тем, что он не оберег покойного императора. Хотя он служил ему всею душой и прилагал все заботы к предотвращению постигшего Россию ужасного зла, но, к несчастью своему, не достиг цели. «А другой разве предотвратил бы это несчастье? — возразил государь. — Оставьте же это и займитесь докладами».

6 марта.

У Лориса было уже два столкновения с Победоносцевым. Конвойный казак, убитый 1-го марта, Малевич, был раскольник, как и все почти конвойные казаки. Лорис признавал необходимость разрешить если не торжественное, то по крайней мере явное погребение его по обрядам его верования. Победоносцев сильно возражал против такого соблазна, не допускаемого действующими постановлениями о раскольниках. Государь согласился с Лорисом и разрешил погребение.

6 марта.¹¹

Абаза рассказал мне кое-что о первом своем докладе нынешнему государю. Он представил на благоусмотрение его величества одобренные уже покойным императором предположения о понижении выкупных платежей на 9 миллионов рублей в год. Государь вполне одобрил эту меру также и с своей стороны, выразив желание, чтобы дело могло быть рассмотрено в Государственном Совете в нынешнюю же сессию. При этом докладе его величество поручил Абазе сообразить, нельзя ли упростить всеподданнейшие доклады по министерству фи-

нансов с тем, чтобы на высочайшее усмотрение представлялись лишь предметы серьезные, все остальные же разрешались собственною властью министра.

Подобного рода предположения не раз возникали при покойном императоре, но он всегда их отклонял. Между тем, по существующему порядку, государь обременен массою дел, по большей части пустых; например, его величеству докладывают просьбы об отпуске пажей и об определении или увольнении дворцовых гренадер.

Я должен по этому случаю сказать, что покойный государь был замечательно добросовестный работник. Все представлявшееся его величеству, — а представлялась ему масса дел, в числе которых бывали и сложные записки, — рассматривалось безотлагательно. Я знаю это не только по рассказам других, но и по собственному опыту. По заведенному издавна порядку, мемории Государственного Совета должны быть на столе у государя во вторник, рано утром. Если мемория не слишком объемиста, т.-е. листов не более 40-50, то я получал ее обратно часам к 4-м, если она более этого размера, листов до 80, то к вечеру, а если она еще толще, то на следующее утро. Замечательно, что государь не прерывал своих занятий и в путешествиях, читая дела [не только] на пароходах и железных дорогах, но даже и в городах, где оставался короткое время. Мне случалось высылать мемории в Харьков и в Москву, где государь оставался проездом день или два. Мемории всегда рассматривались и возвращались безотлагательно, несмотря на то, что у государя бывало очень много другого дела, как, например, присутствие при богослужении, выход, смотр войскам, прием местных властей, обеды и проч., а иногда и посещение учебных заведений, больниц и т. п. Одним словом, каждому из нас можно было бы научиться у покойного государя чрезвычайной добросовестности в исполнении обязанностей.

Урусов рассказал мне, что записку Лориса о призыве в редакционную комиссию депутатов от земства и городов и журнал к ней особого совещания нынешний государь сообщил на предварительное рассмотрение Победоносцева ¹².

7 марта.

Церемония перенесения тела покойного императора в крепость устроена и исполнена была крайне небрежно. Стройности в шествии не было, многие из чиновников разговаривали и шли не по-парно, как бы следовало, а кучками, даже курили. Несшие ордена обращались с ними иногда бесцеремонно, держа, например, подушку под мышкой. Между тем холода большого не было. Циркулярная депеша министра иностранных дел по случаю восшествия на престол императора Александра III чрезвычайно хороша. Встретясь сегодня с Н. К. Гирсом, я высказал ему это. Он очень скромно отвечал, что заслуга не его, а Жомини. Сам он только дал основную мысль о миролюбии России и о том, что она должна заяться преимущественно внутренними делами. На эту тему Жомини тут же написал депешу, почти без помарок, в какие-нибудь четверть часа. Государь остался депешей весьма доволен и сказал, что содержание ее вполне соответствует личным его убеждениям.

[8 марта].

На 8 марта в два часа пополудни назначено было заседание Совета Министров ¹³. В повестке, полученной мною накануне, поздно вечером, не было назначено предмета совещания. Поэтому, и так как государственный секретарь присутствует в заседаниях Совета Министров собственно для представления объяснений по делам Государственного Совета, то я просмотрел, насколько позволяло время, записки по всем нашим важнейшим делам. Заботы мои оказались напрасными, так как вопрос, подлежавший обсуждению, совершенно выходил из общего ряда. Приехав в Зимний дворец за четверть часа до назначенного времени, я застал в указанной для сбора малахитовой комнате многих министров, от которых узнал, что обсуждаться будет предположение графа Лорис-Меликова об учреждении редакционных комиссий с участием представителей от земства и городов.

Кроме министров, председателей департаментов Государственного Совета, меня и заведывающего делами Совета статс-секретаря Н. П. Мансурова, прибыли великие князья Владимир Александрович, Константин Николаевич и Михаил Николаевич и граф С. Г. Строганов.

Ровно в два часа государь прислал спросить, все ли налицо, и когда ему было доложено, что не явился только великий князь Николай Николаевич по случаю болезни, его величество вышел в малахитовую комнату и, остановясь у дверей, попросил всех перейти в назначенную для заседания залу (через комнату от малахитовой). С каждым из проходивших государь приветливо здоровался, подавая руку, которой с чувством пожимал руку проходившего. В зале стоял большой продолговатый стол, накрытый малиновым сукном; вокруг стола было поставлено 25 кресел; перед каждым креслом лежала на столе бумага и карандаш. Посреди стола, спиною к окнам, обращенным на Неву, было место государя. Напротив его величества, подле заведывающего делами Совета, поместился министр внутренних дел, который должен был докладывать свои предположения; все же остальные разместились, как случилось. Вот вид стола:

	Пустое место.	Посьег.	Урусов.	Гр. Баранов.	Мансуров.	Лорис.	Победоносцев.	Абаза.	Набоков.	Сольский.	Маков.	
Гирс.												Сабуров.
Кн. Ливен.												Пешуров.
	Принц Ольденб.	Валуев.	Строганов.	Государь.	В. к. Конст. Н.	В. к. Вл. Ал.	В. к. М. Н.	Милотин.	Адлерберг.			

Когда все заняли места, его величество, не без некоторого смущения, сказал:

«Господа! Я собрал вас сегодня, несмотря на переживаемое нами крайне тягостное время, для обсуждения одного вопроса, в высшей степени важного.

«Граф Лорис-Меликов, озабочиваясь возможно всесторонним рассмотрением предположений, которые будут выработаны после окончания сенаторских ревизий, а также для удовлетворения общественного мнения, докладывал покойному государю о необходимости созвать представителей от земства и городов. Мысль эта в общих чертах была одобрена покойным моим отцом, который приказал обсудить ее подробно в особом совещании под председательством графа Валуева, при участии моем, великого князя Константина Николаевича и некоторых других лиц.

«Журнал совещания, которое в сущности согласилось с проектом, был представлен его величеству и одобрен им. Покойный государь сделал, однако, некоторые замечания относительно частных. Нам предстоит теперь обсудить эти замечания. Но прошу вас быть вполне откровенными и говорить мне ваше мнение относительно всего дела, несколько не стесняясь. Предваряю вас, что вопрос не следует считать предрешенным, так как и покойный батюшка хотел, прежде окончательного утверждения проекта, созвать для рассмотрения его Совет Министров».

Затем, обратясь к графу Лорис-Меликову, государь поручил ему прочесть записку о предположениях и проект публикации в «Правительственном Вестнике».

Записка, прочитанная Лорисом, была составлена еще до катастрофы 1 марта; в начале ее говорилось об успехах, достигнутых примирительной политикой последнего времени.

В этом месте государь прервал чтение словами: «Кажется, мы заблуждались».

Затем говорилось в записке о замеченных беспорядках в местном управлении и необходимости устройства его на лучших основаниях. Прежде всего, нужно было обстоятельно изучить существующее, узнать, в чем именно заключаются его недостатки, и зависят ли они от одних только злоупотреблений или же от несовершенства самого закона. С этою целью, по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел, покойному государю благоугодно было назначить сенаторские ревизии, которыми собирается, а отчасти уже и собран, богатый материал, требующий разработки. Придется составить весьма важные законодательные проекты. Но для того, чтобы проекты эти действительно соответствовали ощущаемым потребностям, министр внутренних дел считает необходимым, чтобы они были составлены и обсуждены при участии людей практических, знающих условия губернской и уездной жизни. Поэтому граф Лорис-Меликов испрашивал соизволение в бозе почившего императора на учреждение особой редакционной комиссии, в которой, кроме должностных лиц правительственных ведомств, участвовали бы представители земства (по два от каждой губернии) и городов (по одному от каждого губернского города и два от столиц). Комиссия должна подразделяться на отделы для первоначального обсужде-

ния отдельных проектов, а затем соединиться в общее собрание под председательством лица, назначенного государем императором. Выработанные таким образом проекты должны быть внесены на рассмотрение Государственного Совета, права которого остаются без всякого изменения.

В проекте публикации выражена была сущность изложенного в записке, при чем сказано было, что предположенные меры были одобрены покойным государем и утверждены царствующим императором.

По прочтении графом Лорисом-Меликовым записки и проекта публикации, его величество, вновь обращаясь ко всем присутствующим, просил их, в виду важности предлагаемой меры и тех последствий, к которым она может привести, высказывать совершенно откровенно мнение их, несколько не стесняясь предварительным одобрением как покойного государя, так и его самого.

Засим государь обратился прежде всех к сидевшему рядом с ним графу С. Г. Строганову, спрашивая его, что думает он о предполагаемой мере.

Граф Строганов сказал приблизительно следующее:

«Ваше величество, предполагаемая вами мера, по моему мнению, не только не своевременная при нынешних обстоятельствах, требующих особой энергии со стороны правительства, но и вредная.

«Мера эта вредна потому, что с принятием ее власть перейдет из рук самодержавного монарха, который теперь для России безусловно необходим, в руки разных шалопаев, думающих не о пользе общей, а только о своей личной выгоде. В последнее время, и без предполагаемой новой меры, власть значительно ослабла, в журналах пишут бог знает что и проповедуют невозможные доктрины. Дошло до того, что, как я слышал, сам министр внутренних дел признал необходимым призвать к себе журналистов, чтобы потребовать от них некоторой умеренности (обращаясь к Лорису-Меликову). Не так ли?».

Граф Лорис-Меликов. «Ваше величество, граф Сергей Григорьевич не совсем прав. Я лично не видал редакторов повременных изданий с осени. В последнее же время, с разрешения вашего, я действительно объявил им,—но не сам, а через начальника главного управления по делам печати,—что если в каком-либо периодическом издании будет напечатана статья о необходимости конституции, то такое издание будет мною немедленно прекращено, притом не на основании закона 6 апреля 1866 года, а в силу особого полномочия, дарованного мне вашим величеством. Угроза эта подействовала».

Граф Строганов. «И слава богу... Но, государь, подобная мера не будет уже возможна тогда, когда вы вступите на путь, вам предлагаемый.

«Путь этот ведет прямо к конституции, которой я не желаю ни для вас, ни для России...».

Государь. «Я тоже опасаясь, что это — первый шаг к конституции». Затем, обратясь к графу Валуеву, его величество сказал: «Граф Петр Александрович, вы, как председатель комиссии, которая рассматривала проект, вероятно, пожелаете высказать ваш взгляд».

Граф Валуев. «Ваше императорское величество, я, с моей стороны, не могу разделять тех опасений, которые только-что были высказаны глубокоуважаемым мною графом [Сергеем] Григорьевичем.

«Предполагаемая мера очень далека от конституции. Она имеет целью справиться с мнением и взглядами людей, знающих более, чем мы, живущие в Петербурге, истинные потребности страны и ее населения, до крайности разнообразного. В пределах необъятной империи, под скипетром, вам богом врученным, обитают многие племена, из которых каждое имеет неоспоримое право на то, чтобы верховной власти вашего величества были известны его нужды.

«Вам, государь, безызвестно, что я — давнишний автор, могу сказать, ветеран рассматриваемого предположения. Оно сделано было мною, в несколько иной только форме, в 1863 году, во время польского восстания, и имело, между прочим, привлечь на сторону правительства всех благомыслящих людей. Покойный император, родитель вашего величества, изволил принять мое предложение милостиво, однако не признал своевременным дать ему тогда ход. Затем я возобновил свое ходатайство в 1866 году, но и на этот раз в бозе почивший государь не соизволил на осуществление предложенной мною меры. Наконец, в прошлом году я дозволил себе вновь представить покойному государю императору записку по настоящему предмету. Участь ее вашему величеству известна. Особым совещанием, состоявшимся под председательством его императорского высочества великого князя Константина Николаевича, признано было опять-таки несвоевременным издать к юбилейному торжеству 19 февраля 1880 г. какое-либо законоположение о призыве представителей земства.

«Из этого краткого очерка ваше императорское величество изволили усмотреть, что я постоянно держался одного и того же взгляда на настоящий вопрос. Я не изменю своих убеждений и теперь. Напротив того, я нахожу, что при настоящих обстоятельствах предлагаемая нам мера оказывается в особенности настоятельно и необходимою. Граф Сергей Григорьевич совершенно справедливо указывает на то, что теперь в газетах пишут бог знает что. Такие злоупотребления печатным словом могут иметь гибельные для государства последствия. Поэтому необходимо озаботиться, чтобы журналистам, этим самозванным представителям общественного мнения, был создан противовес настоящих, законных представителей общества, которое, без малейшего сомнения, и мыслит, и чувствует совершенно иначе, нежели авторы газетных статей.

«Вот, ваше императорское величество, соображения и убеждения мои по существу дела. Что же касается затронутого графом Строгановым вопроса о своевременности издать теперь же проектированное нами положение, то в этом отношении я воздержусь от какого бы то ни было заявления. Ваше величество, будучи в сосредоточии дел и обстоятельств, без сомнения, будете сами наилучшим судьей того, следует и возможно ли в настоящую именно минуту предпринимать предлагаемую нам важную государственную меру. Разрешение этого вопроса должно зависеть исключительно от державной воли вашего величества».

После речи Валуева, государь обратился к великим князьям, но все они пожелали высказать свое мнение после других, когда вопрос более выяснится. Тогда попросил слова военный министр.

Граф Д. А. Милютин. «Предлагаемая вашему величеству мера, — сказал он, — по моему мнению, совершенно необходима, и необходима

именно теперь. В начале каждого царствования новый монарх, для пользы дела, должен заявить народу свои намерения и виды относительно будущего. По части внешней политики взгляды вашего величества нашли себе прекрасное выражение в циркулярной депеше министра иностранных дел. Как видно из известий, приходящих со всех концов Европы, депеша эта произвела всюду наилучшее впечатление. Но она касается собственно международных наших сношений, — из нее не видно, какой внутренней политики будет держаться император Александр III. Между тем вопрос этот естественно озабочивает всю Россию. Безотлагательное разрешение его представляется мне в высшей степени настоятельным.

«Покойный государь, по вступлении на престол, предпринял целый ряд великих дел. Начатые им преобразования должны были обновить весь строй нашего отечества. К несчастью, выстрел Каракозова остановил исполнение многих благих предначертаний великодушного монарха. Кроме святого дела освобождения крестьян, которому покойный государь был предан всей душой, все остальные преобразования исполнялись вяло, с недоверием к пользе их, при чем нередко принимались даже меры, несогласные с основною мыслью изданных новых законов. Понятно, что при таком образе действий нельзя было ожидать добрых плодов от наилучших даже предначертаний, в России все затормозилось, почти замерзло, повсюду стало развиваться глухое неудовольствие... В самое последнее только время общество ожило, всем стало легче дышать, действия правительства стали напоминать первые, лучшие годы минувшего царствования. Перед самой кончиной императора Александра Николаевича возникли предположения, рассматриваемые нами теперь. Слух о них проник в общество, и все благомыслящие люди им от души сочувствуют. Весть о предполагаемых новых мерах проникла и за границу...».

Государь. «Да, но император Вильгельм, до которого дошел слух о том, будто бы батюшка хочет дать России конституцию, умолял его в собственноручном письме не делать этого; на случай же, если бы дело зашло так далеко, что нельзя отступить и обойтись вовсе без народного представительства, император германский советовал устроить его как можно скромнее, дав представительству поменьше влияния и сохранив власть за правительством».

Граф Милютин. «Ваше величество, не о конституции идет у нас теперь речь. Нет ее и тени. Предлагается устроить на правильных основаниях только то, что было и прежде. Когда рассматривались проекты крестьянских положений и других важнейших законов, всякий раз, с соизволения покойного государя, приглашаемы были, для предварительного обсуждения этих проектов, люди практические, которые знают действительную жизнь, потому что живут не в столице, а в уездах и деревнях, где многие вопросы представляются в ином свете, нежели в нашей среде. Теперь предстоят важные законодательные труды по окончании сенаторских ревизий. Естественно, что для успеха дела необходимо сообразить их всесторонне, т. е. не с канцелярской только или бюрократической точки зрения. В виду этого, ваше величество, я позволяю себе горячо поддерживать предложение графа Лорис-Меликова».

Министр почт и телеграфов Л. С. Маков. «Ваше императорское величество, предложения графа Лорис-Меликова мне не были вовсе известны; я ознакомился с ними в первый раз в настоящем заседании и поэтому не могу сообразить их как бы следовало. Но сколько я мог понять из записки, прочитанной министром внутренних дел, основная его мысль — ограничение самодержавия. Доложу откровенно, что я, с моей стороны, всеми силами моей души и моего разума, решительно отвергаю эту мысль. Осуществление ее привело бы Россию к гибели. Таков мой взгляд на этот вопрос вообще. Но кроме того, по долгу совести, я считаю себя обязанным высказать, что не в такие минуты, как те, которые, к несчастью, переживаем мы, возможно заниматься проектами об ослаблении власти и об изменении формы правления, благодетельной для отечества.

«В смутное нынешнее время, по глубокому убеждению моему, нужно думать только о том, чтобы укрепить власть и искоренить крамолу.

«Воля вашего императорского величества, без сомнения, священна. Если вам, государь, благоугодно будет утвердить одобренные в бозе почивающим императором предложения графа Лорис-Меликова, то все мы должны преклониться, и все возражения наши должны смолкнуть. Тем не менее, я считаю священной обязанностью обратить всемирнейшее внимание вашего величества на то, что при обнародовании постановления по этому предмету нужно принять совершенно иную форму, нежели та, которая предлагается графом Лорис-Меликовым. Нельзя говорить о важной этой мере так, как будто она исходит от министра внутренних дел. Подобный правительственный акт может исходить исключительно от вас, по завету покойного государя и силою собственной державной воли вашего императорского величества, а не по мысли и представлению министра внутренних дел. О нем в публикации не должно быть и речи».

Министр финансов А. А. Абаза (с некоторою горячностью). «Ваше императорское величество, о министре внутренних дел речь идет вовсе не в публикации, приготовленной для «Правительственного Вестника», а в докладной записке, которая может исходить только от министра.

«Затем, что касается других возражений министра почт и телеграфов, то я попрошу разрешения остановиться прежде всего на указании его о невозможности принять предлагаемую меру в нынешние смутные времена. Я бы понял это возражение, если бы смута исходила из народа. Но мы видим совершенно противное. Смута производится горстью негодяев, не имеющих ничего общего с народом, исполненным любви и преданности своему государю. Против шайки злодеев, ненавидимых всем населением империи, необходимо принять самые решительные и строгие меры. Но для борьбы с ними нужны не недоверие к обществу и всему народу, не гнет населения, а совершенно иные средства, — нужно устроить сильную, деятельную и толковую полицию, не останавливаясь ни перед какими расходами. Государственное казначейство отпустит на столь важную государственную потребность не только сотни тысяч, но миллионы, даже многие миллионы рублей.

«Наконец, по поводу возражений министра почт, я не могу не заметить, что в предложениях графа Лорис-Меликова, которые по воле покойного государя обсуждались в особой комиссии при участии вашего величества, нет и тени того, чего опасается статс-секретарь Маков. Если бы они клонились к ограничению самодержавия, которое более чем когда-либо необходимо в нынешнее время, то, конечно, никто из нас не предложил бы и не поддерживал бы этой меры.

«Проектированные редакционные комиссии должны иметь значение учреждения только совещательного. Без совещания с представителями общества обойтись невозможно, когда речь идет об издании важных законов. Только посредством такого совещания познаются действительные нужды страны. Трон не может опираться исключительно на миллион штыков и на армию чиновников. В царствование покойного государя не раз приглашаемы были и в различные комиссии, и даже в Государственный Совет лица выборные, именно предводители дворянства, председатели земских управ, городские головы и т. п. Теперь предлагается поступить несколько иначе, т. е. приглашать не людей, избранных обществом для совершенно иной цели, а людей, которым население доверит его голос именно для рассмотрения законодательных проектов. Я, с моей стороны, считаю этот прием важным усовершенствованием, потому что очень хороший предводитель дворянства, городской голова или председатель земской управы могут быть очень плохими советниками по части законодательной.

«Ваше императорское величество, предлагаемая графом Лорис-Меликовым мера представляется мне, как министру финансов, совершенно необходимою еще и потому, что, как вашему величеству известно, нам предстоит издать целый ряд законов о новых налогах. Подобного же рода вопросы не могут быть рассматриваемы путем исключительно кабинетным. Для справедливости и практического удобства налога, он непременно должен быть соображен при участии тех лиц, которым придется платить его».

Министр внутренних дел граф М. Т. Лорис-Меликов. «Ваше императорское величество, при обсуждении настоящих предположений было не раз упоминаемо, что в нынешние смутные времена нужны иные меры, нежели те, которые теперь предлагаются. В этих отзывах слышится косвенный укор мне за то, что я не сумел уберечь незабвенного покойного государя и общего благодетеля. Я не буду оправдываться. Я, действительно, виноват, как о том и докладывал вам, государь, тотчас же после ужасного события 1-го марта. Но если я не мог уберечь покойного императора, то не по недостатку усердия. Я служил ему всеми силами, всею душою, и при всем том не мог предупредить катастрофы... Несмотря на убедительную просьбу мою, вашему величеству не угодно было уволить меня...».

Государь. «Нет. Я знал, что вы действительно сделали все, что могли».

Граф Лорис-Меликов. «В настоящее время я полагаю, что в отношении к злодеям нужно принять самые энергические меры; но вместе с тем я убежден, что относительно всего остального населения империи правительство не должно останавливаться на пути предпринятых реформ. По окончании сенаторских ревизий нам предстоит

издание весьма важных законодательных мер. Необходимо, чтобы меры эти соображены были как можно тщательнее для того, чтобы они оказались полезными в практическом применении.

«Затем, не менее важно и то, чтобы на стороне правительства были все благомыслящие люди. Предлагаемая теперь мера может много этому способствовать. В настоящую минуту она вполне удовлетворит и успокоит общество; но если мы будем медлить, то упустим время, — через три месяца нынешние, в сущности весьма скромные, предположения наши окажутся, по всей вероятности, уже запоздалыми.

Обер-прокурор св. Синода К. П. Победоносцев (бледный, как полотно, и, очевидно, взволнованный). «Ваше величество, по долгу присяги и совести, я обязан высказать вам все, что у меня на душе. Я нахожусь не только в смущении, но и в отчаянии. Как в прежние времена перед гибелью Польши говорили: «*Finis Poloniae*», так теперь едва ли не приходится сказать и нам: «*Finis Russiae*». При соображении проекта, предлагаемого на утверждение ваше, сжимается сердце. В этом проекте слышится фальшь, скажу более: он дышит фальшью...

«Нам говорят, что для лучшей разработки законодательных проектов нужно приглашать людей, знающих народную жизнь, нужно выслушивать экспертов. Против этого я ничего не сказал бы, если б хотели сделать только это. Эксперты вызывались и в прежние времена, но не так, как предлагается теперь. Нет, в России хотят ввести конституцию, и если не сразу, то, по крайней мере, сделать к ней первый шаг... А что такое конституция? Ответ на этот вопрос дает нам Западная Европа. Конституции, там существующие, суть орудие всякой неправды, орудие всяких интриг. Примеров этому множество, и даже в настоящее именно время мы видим во Франции охватившую все государство борьбу, имеющую целью не действительное благо народа или усовершенствование законов, а изменение порядка выборов для доставления торжества честолюбцу Гамбетте, помышляющему сделаться диктатором государства. Вот к чему может вести конституция.

«Нам говорят, что нужно справляться с мнением страны через посредство ее представителей. Но разве те люди, которые явятся сюда для соображения законодательных проектов, будут действительными выразителями мнения народного? Я уверяю, что нет. Они будут выражать только личное свое мнение и взгляды...».

Государь. «Я думаю то же. В Дании мне не раз говорили министры, что депутаты, заседающие в палате, не могут считаться выразителями действительных народных потребностей».

Победоносцев. «... И эту фальшь по иноземному образцу, для нас непригодную, хотят, к нашему несчастью, к нашей гибели, ввести и у нас. Россия была сильна благодаря самодержавию, благодаря неограниченному взаимному доверию и тесной связи между народом и его царем. Такая связь русского царя с народом есть неоцененное благо. Народ наш есть хранитель всех наших доблестей и добрых наших качеств; многому у него можно научиться. Так называемые представители земства только разобщают царя с народом. Между тем правительство должно радовать о народе, оно должно познать действительные его

нужды, должно помогать ему справляться с безысходною часто нуждою. Вот удел, к достижению которого нужно стремиться, вот истинная задача нового царствования.

«А вместо того предлагают устроить нам говорильню, в роде французских *états généraux*. Мы и без того страдаем от говорилей, которые, под влиянием негодных, ничего нестоящих журналов, разжигают только народные страсти. Благодаря пустым болтунам, что сделалось с высокими предначертаниями покойного незабвенного государя, принявшего под конец своего царствования мученический венец? К чему привела великая святая мысль освобождения крестьян?.. К тому, что дана им свобода, но не устроено над ними надлежащей власти, без которой не может обойтись масса темных людей. Мало того, открыты повсюду кабаки; бедный народ, предоставленный самому себе и оставшийся без всякого о нем попечения, стал пить и лениться к работе, а потому стал несчастною жертвою целовальников, кулаков, жидов и всяких ростовщиков.

«Затем, открыты были земские и городские общественные учреждения, — говорильни, в которых не занимаются действительным делом, а разглагольствуют вкривь и вкось о самых важных государственных вопросах, вовсе не подлежащих ведению говорящих. И кто же разглагольствует, кто орудует в этих говорильнях? Люди негодные, безнравственные, между которыми видное положение занимают лица, не живущие со своим семейством, предающиеся разврату, помышляющие лишь о личной выгоде, ищущие популярности и вносящие во все всякую смуту.

«Потом открылись новые судебные учреждения, — новые говорильни, говорильни адвокатов, благодаря которым самые ужасные преступления, — несомненные убийства и другие тяжкие злодеяния, — остаются безнаказанными.

«Дали, наконец, свободу печати, этой самой ужасной говорильни, которая во все концы необъятной русской земли, на тысячи и десятки тысяч верст, разносит хулу и порицание на власть, посеивает между людьми мирными, честными семена раздора и неудовольствия, разжигает страсти, побуждает народ к самым вопиющим беззакониям.

«И когда, государь, предлагают вам учредить, по иноземному образцу, новую верховную говорильню?.. Теперь, когда прошло лишь несколько дней после совершения самого ужасающего злодеяния, никогда не бывавшего на Руси, — когда по ту сторону Невы, рукой подать отсюда, лежит в Петропавловском соборе непогребенный еще прах благодушного русского царя, который, среди белого дня, растерзан русскими же людьми. Я не буду говорить о вине злодеев, совершивших это ужасающее, беспримерное в истории преступление. Но и все мы, от первого до последнего, должны каяться в том, что так легко смотрели на совершавшееся вокруг нас; все мы виновны в том, что, несмотря на постоянно повторявшиеся покушения на жизнь общего нашего благодетеля, мы, в бездейственности и апатии нашей, не сумели охранить праведника. На нас всех лежит клеймо несмываемого позора, павшего на русскую землю. Все мы должны каяться!...».

Государь. «Сущая правда, все мы виновны. Я первый обвиняю себя».

Победоносцев. «В такое ужасное время, государь, надобно думать не об учреждении новой говорильни, в которой произносились бы новые растлевающие речи, а о деле. Нужно действовать!».

Речь эта произвела на многих, в особенности на государя, весьма сильное впечатление. Сознывая это, А. А. База произнес взволнованным голосом, но при этом весьма решительно:

«Ваше величество, речь обер-прокурора св. Синода есть, в сущности, обвинительный акт против царствования того самого государя, которого безвременную кончину мы все оплакиваем. Если Константин Петрович прав, если взгляды его правильны, — то вы должны, государь, уволить от министерских должностей всех нас, принимавших участие в преобразованиях прошлого, — скажу смело, — великого царствования.

«Смотреть на наше положение так мрачно, как смотрит Константин Петрович, может только тот, кто сомневается в будущем России, кто не уверен в ее жизненных силах. Я, с моей стороны, решительно восстаю против таких взглядов и полагаю, что отечество наше призвано к великому еще будущему. Если при исполнении реформ, которыми покойный император вызвал Россию к новой жизни, и возникли некоторые явления неутешительные, то они не более как исключения, всегда и везде возможные и почти необходимые в положении переходном от полного застоя к разумной гражданской свободе. С благами реформами минувшего царствования нельзя связывать постигшее нас несчастье — совершившееся у нас царевичество. Злодеяние это ужасно. Но разве оно есть плод, возросший исключительно на русской почве? Разве социализм не есть в настоящее время всеобщая язва, с которой борется вся Европа? Разве не стреляли недавно в германского императора, не покушались убить короля итальянского и других государей? Разве на днях не было сделано в Лондоне покушение взорвать на воздух помещение лорда-мэра?

«Обер-прокурор св. Синода заявил нам, что вместо учреждения так называемой им «верховой говорильни» нужно главным образом заботиться и радовать о народе. Ваше величество, в этом последнем общественно-отношении, т.-е. относительно забот о возможном благе народа, взгляды наши совершенно сходятся. Несмотря на то, что всего в ноябре месяце отменен ненавистный всем соляной налог, при чем народ освобожден от уплаты в год 15 миллионов рублей, я, не более двух недель тому назад, имел счастье докладывать покойному государю, в присутствии вашем, предложения министра финансов и внутренних дел о понижении выкупных крестьянских платежей на сумму 9-ти миллионов рублей в год. При первом моем всеподданнейшем докладе вашему величеству я считал долгом вновь обстоятельно доложить это дело, испрашивая разрешения вашего внести его в самое благоугодно было на это соизволить, выразив желание, чтобы дело было рассмотрено в нынешнюю же сессию Совета. Смею думать, что предложения подобного рода служат доказательством заботы нашей и радения нашего о народе. Но заботясь и радея о нем, не нужно забывать, что, кроме простого народа, в населении государства есть и образованные классы общества. Для пользы дела необходимо, по

мере возможности, привлекать их к участию в управлении, выслушивать мнение их и не пренебрегать их советами, весьма часто очень разумными».

Государственный контролер Д. М. Сольский (совершенно спокойно). «Ваше императорское величество, обер-прокурором св. Синода было высказано много такого, с чем согласны все. Поэтому между нами нет такого коренного различия в убеждениях, как казалось бы с первого взгляда. Разногласие происходит главным образом от недоразумения. Ни министр внутренних дел, ни все те из нас, которые согласны с его предложением, вовсе не считают предлагаемую им меру — средством, ограждающим против преступлений социализма. И при действии ее, преступления социалистов будут попрежнему возможны. Для борьбы с социализмом нужно иметь прежде всего хорошую полицию, которой у нас нет.

«С другой стороны, никто не помышляет о конституции или об ограничении самодержавия. В проекте министра внутренних дел, одобренном особым совещанием, в котором ваше величество изволили участвовать, прямо выражено, что редакционная комиссия с участием земства и городов имеет лишь голос совещательный; далее сказано также, что существующий порядок рассмотрения дел в Государственном Совете остается без изменения. В виду этого о конституции нет и речи.

«Если бы в проекте была хотя тень такой мысли, то каждый из присутствующих, без сомнения, отверг бы ее с негодованием. Не конституция, не ограничение власти нужны нам теперь, — нам нужна, напротив того, власть сильная, энергическая, неограниченная, какою она была до сих пор на Руси. Одним словом, нам нужно самодержавие. Но вместе с тем необходимо, чтобы самодержавная власть могла действовать сознательно, основываясь на познании действительных народных нужд. Константин Петрович уподобил предлагаемую меру составу французских *états généraux*. Уподобление это совершенно неправильное. Всем известно, из кого состояли *états généraux* и какое их было значение. Разве предлагается что-либо подобное этому учреждению?.. Предлагается созвать около ста человек, избранных губернскими земскими собраниями и городскими думами губернских городов. Нельзя сомневаться в том, что избранные лица будут люди вообще умеренные. Они будут совещаться при участии правительственных деятелей и под председательством лица, назначенного высочайшею властью. Затем, если бы это собрание увлеклось, то нельзя думать, чтобы русское правительство, сильное, в некоторых отношениях всемогущее, не имело средств остановить подобное увлечение.

«Опасения, и притом напрасные, у нас не новость. Когда покойным государем возбужден был вопрос об освобождении крестьян, тогда многие у нас боялись революции. Последующие события доказали, что опасения эти не имели ни малейшего основания. Когда введены были земские учреждения, многие предсказывали, что вводимый порядок будет постоянно расти, что земство будет стремиться к приобретению политического значения, что силою вещей правительство будет вынуждено уступить и что таким образом водворится в России правление конституционное. Но разве опасения эти были справедливы? Разве

земство стало политической силою и вышло из тех пределов, которые были ему предугазаны законом? За исключением некоторых отдельных случаев не серьезного даже сопротивления, а скорей невинной болтовни, которые были тотчас же остановлены распоряжением правительственной власти, земство наше никогда не выходило из границ. Его можно обвинить скорее в бездеятельности, в апатии. Итак, неоднократно возникавшие у нас до сих пор опасения по случаю принимавшихся либеральных законодательных мер, как дознано непровержимыми фактами, были напрасны, были несправедливы.

«Ваше императорское величество, возвращаясь к первоначальному заявлению, я должен снова указать на то, что между нами нет коренного различия в убеждениях. Сам Константин Петрович не отвергает пользы соображения важных законодательных мер при участии людей практических. Но решительно то же самое предлагается и нами. Может быть, мы не сойдемся с Константином Петровичем в подробностях, но подробности есть дело дальнейшего рассмотрения. Обсуждать проект вновь во всех мельчайших его постановлениях, в виду важности дела, может быть только полезно. Теперь речь идет собственно об основной мысли, а относительно ее, по глубокому моему убеждению, нет различия во взглядах. Нынешний порядок администрации признан самим правительством во многих отношениях неудовлетворительным и требующим исправления. С этим согласен и Константин Петрович. По возвращении сенаторов, которым поручена ревизия многих губерний, и по рассмотрении их трудов, будут составлены предположения об изменениях в разных частях законодательства. Необходимо, чтобы изменения эти удовлетворяли действительным потребностям и не остались мертвою буквою. Для этого нужно содействие людей, знающих действительную жизнь.

«Кроме общих проектов, касающихся порядка управления, нельзя оставлять без внимания крайней необходимости изменения нашей податной системы. Нынешнее податное обложение в высшей степени несправедливо и тягостно для некоторых классов населения. Но для того, чтобы облегчать одних, нужно обременить других, нужно ввести новые налоги, о чем упоминал еще сегодня министр финансов. Введение же новых налогов обыкновенно возбуждает ропот и увеличивает число недовольных. Почти ничто не ожесточает так людей, как то, если их бьют по карману. Поэтому правительство должно озаботиться не только о том, чтобы подати были справедливые и чтобы они распределялись, по возможности, равномерно, — в этом много помогли бы представители разных местностей и разных классов общества, — но также и тем, чтобы не нести одному всей ответственности в принятых мерах. Коль скоро меры эти будут предварительно обсуждены представителями страны, то ответственность будет разделяться ими, правительство найдет в них опору.

«Ваше величество, в заключение я должен сказать, что речью своей Константин Петрович всех нас расстроил. При этом он представил в самых мрачных красках весь ужас нынешнего нашего положения. Но [далее?] этого он не пошел. Он раскритиковал все, но сам не предложил ничего. В конце своей речи Константин Петрович справедливо сказал, что во времена, подобные настоящим, нужно дей-

ствовать. Нам предложен план действий. Если он не хорош, то нужно заменить его другим; но ограничиваться одною критикою и оставаться неподвижным — невозможно».

После Сольского попросил слова министр путей сообщения К. Н. Посыет. Довольно нескладно и темно он объяснил, что предполагаемые меры несвоевременны, тем более, что они могут быть приняты за уступку требованиям и угрозам социалистов.

Почти в один голос Лорис-Меликов, Абаза и Сольский заявили, что этого бояться нечего, так как социалисты требуют совсем не того и что предлагаемая мера их, конечно, не удовлетворит.

Председатель департамента законов кн. С. Н. Урусов. «Ваше императорское величество, если предложение министра внутренних дел будет принято, то, по моему мнению, нужно рассмотреть его не как меру политическую, а как меру практически полезную.

«Коль скоро правительство должно искать себе помощи в содействии представителей общества, то необходимо, чтобы эти представители были лучшие люди страны.

«Но из рассматриваемого нельзя вынести убеждения, что представители земства и городов будут именно такие люди. Поэтому, ваше величество, я, с моей стороны, признавал бы полезным и необходимым пересмотреть проект предварительно в Комитете Министров».

Управляющий министерством народного просвещения А. А. Сабуров. «Ваше императорское величество, проект министра внутренних дел признается здесь многими за меру слишком либеральную. Я не могу согласиться с таким мнением. Весьма основательно было возражаемо, что предложение графа Лорис-Меликова не есть что-либо совершенно новое и что, в сущности, оно есть лишь видоизменение и усовершенствование того, что делалось в прежние времена при рассмотрении важных законодательных проектов. При нынешних грустных обстоятельствах мера эта особенно необходима. Она вызывается неотложною потребностью опереться на здоровые силы страны. В настоящее время правительство опирается в своих действиях собственно на одних чиновников, т.-е. на людей, хотя и образованных, но дышащих исключительно петербургским воздухом и усваивающих себе взгляды и убеждения газет, не всегда верные и не всегда соответствующие истинным потребностям государства. Нужно выслушать и людей другой среды. Мнения их во многом не согласны с газетными статьями. Люди земские, особенно за Москвою, думают совершенно иначе, чем петербургские деятели. Они несравненно более консервативны и самостоятельны, а потому представят, несомненно, более твердую опору для правительства».

Министр юстиции Д. Н. Набоков заявляет тихим голосом (в нашем конце стола его почти не слышно) и в довольно туманных выражениях полное свое сочувствие проекту министра внутренних дел.

Принц П. Г. Ольденбургский. «Ваше величество, я присоединяюсь вполне к предложению князя С. Н. Урусова о пересмотре проекта в Комитете Министров. К этому я прибавляю, что для упрочения порядка и благосостояния государства, по глубокому моему убеждению, нужны два условия: мир и поправление наших финансов,

главным образом, посредством бережливости в расходах. Если не будет этих двух условий, то ничто не поможет».

Очередь доходила теперь до меня. Я был в чрезвычайном затруднении: говорить мне или нет. С одной стороны, вопрос почти уже выяснился, с другой же, государственный секретарь не есть министр и присутствует в совете собственно для объяснений по делам Государственного Совета. После некоторого размышления и, — не скрою — волнения, я решил так: если государь обратится прямо ко мне, то, высказав в кратких чертах сочувствие свое проекту, я приведу в виде практического аргумента в пользу предлагаемой меры то, что, как видно из многих наших дел, издаваемые у нас законы на деле часто не соответствуют благим намерениям правительства, главным образом потому, что они неудобоприменимы, что недостатком этим страдают, в особенности, те законы, при составлении которых вовсе не были выслушаны отзывы людей дела и практики, например: парциальное положение и закон, ограничивающий право городских и сельских обществ исключать из своей среды порочных людей. Как известно, оба эти узаконения, вызвали массу справедливых жалоб, повлекших за собой пересмотр первого из них и приостановление действия второго в административном порядке. Засим, если бы его величество не обратилось ко мне, я решился молчать.

По окончании принцем Ольденбургским коротенького своего заявления, государь посмотрел вопросительно в наш угол, т.-е. на управляющего министерством государственных имуществ князя Ливена и меня. Князь Ливен попросил слова и затем, несколько кудряво, объяснил, что вполне сочувствует мысли опереться на здоровые силы страны, но полагает, однако, что им следует предоставить широкую долю участия в местном самоуправлении. Призывать же депутатов земства в Петербург для участия в делах управления, по мнению князя Ливена, во многих отношениях опасно.

Выслушав Ливена с несколько утомленным видом, государь обвел взглядом все собрание, как бы спрашивая: не желает ли еще кто-нибудь говорить? Я понял, что мне лучше воздержаться от прений.

Слова попросил великий князь Константин Николаевич. «Ваше величество, — сказал он, — в начале наших суждений П. А. Валуев заявил, что он считает себя давнишним автором или ветераном рассматриваемых предложений, так как основная их мысль была им предложена покойному государю в 1863 году. Хотя и несколько позднее, именно в 1866 году, я счел также обязанностью, не зная ничего о предположениях Петра Александровича, представить покойному императору записку, в которой выражал убеждение свое в необходимости привлечения сил общественных к рассмотрению важнейших законодательных дел. Государь не давал хода этой записке в течение 15 лет.

«Только в январе прошлого года она подверглась обсуждению в особом совещании при участии вашего величества. Осуществление мыслей моих признано было тогда несвоевременным. Я, с моей стороны, покорился этому, сохранив за собой право возобновлять предложения мои впоследствии. Если бы министр внутренних дел не представил ныне своего проекта, во многом сходного с моим, то я счел бы обязанностью

снова заявить о прежних, давнишних моих мыслях. Говорю об этом собственно для того, чтобы выразить, в какой степени я разделяю основную мысль обсуждаемого государственного дела.

«Главный противник проекта — обер-прокурор св. Синода. Но и он, если вникнуть хорошенько в сказанное им, как правильно заметил государственный контролер, не отрицает пользы призыва к рассмотрению важных законодательных дел людей свежих, практических. Следовательно, и Константин Петрович признает полезным, чтобы существовало звено между государем и его народом. Такое звено я, с моей стороны, считаю безусловно необходимым. Благодаря такому звену, русский монарх мог бы узнавать как истинные потребности своего государства, так и недостатки законодательных предположений, составленных людьми кабинетными. Не подлежит сомнению, что в тысячу раз лучше убедиться в таких недостатках прежде, чем после утверждения закона. Какое именно должно быть это звено, из кого состоять и как должно действовать, в этом отношении возникают в нашей среде разные мнения. В виду этого, я присоединяюсь к предложению князя Урусова и принца Ольденбургского о дальнейшем еще пересмотре проекта. Покойный мой отец, дед вашего величества, неоднократно говорил мне, что любимую поговоркою императора Александра I было: «десять раз отмерь и один раз отрежь». Мне кажется, что поговорка эта, как нельзя более, применима к настоящему предмету первостепенного государственного значения. Нужно несколько раз отмерить наши предположения, но в конце-концов нужно их отрезать».

Великий князь Михаил Николаевич не считает возможным высказаться, пока не ознакомится с окончательными по этому предмету предположениями.

Великий князь Владимир Александрович (с некоторым жаром). «Ваше величество, всеми сознается, что нынешнее положение наше — невозможное. Из него необходимо выйти. Нужно сделать или шаг вперед, или шаг назад. Я убежден, что назад идти нельзя, поэтому нужно сделать шаг вперед. На это нужно решиться. Если против меры, предположенной графом Лорис-Меликовым, и были возражения, то, как оказывается, возражения возникли собственно в отношении к подробностям, а не относительно основной мысли. В виду этого не позволите ли, ваше величество, признать полезным повелеть, чтобы проект был пересмотрен? Но отвергать его, по моему мнению, не следует».

Граф С. Г. Строганов. «Государь, я тоже не возражал бы против пересмотра проекта в Комитете Министров».

Князь С. Н. Урусов. «Ваше величество, если вам благоугодно будет принять мысль о дальнейшем еще пересмотре проекта, то не лучше бы было обсудить его сначала не в Комитете Министров, а в составе небольшой комиссии из лиц, назначенных вашим величеством?».

Государь. «Я не встречаю к тому препятствий. Цель моя заключается в том, чтобы столь важный вопрос не был разрешен слегка, но, напротив того, был соображен как можно основательнее и все-стороннее. (Обращаясь к графу Строганову.) Граф, не примете ли вы на себя председательство в комиссии?».

Граф Строганов. «Я всегда и во всем готов служить вашему величеству. Но позвольте заметить, что 86-ти лет от роду нельзя быть председателем».

Государь. «Так не согласитесь ли, по крайней мере, быть членом комиссии?».

Гр. Строганов. «Охотно, государь».

Государь. «Благодарю вас. Я очень бы желал, чтобы вы участвовали в этом деле».

Граф Строганов, видимо довольный, молча поклонился.

Граф Валуйев. «Ваше императорское величество не изволите определить состав комиссии? Или, может-быть, вашему величеству угодно будет определить его впоследствии?».

Государь: «Да (вставая). Мы можем окончить заседание. Благодарю вас, господа. (Обращаясь к Лорис-Меликову.) Граф Михаил Тариелович, я должен поговорить с вами. Пойдемте ко мне».

Заседание окончилось в 4 часа 45 минут. При разъезде, Валуйев подошел к Абазе со словами: «J'espère que vous êtes content de moi». — «Parfaitement. Mais je n'en dirai pas autant de votre élève (разумея Макова), c'est un laquais»¹⁴.

Возвратясь домой, я немедленно начертил себе план стола, означив имена сидевших и порядок, в котором говорились речи. Затем против каждого имени я тут же набросал сущность сказанного и отметил даже наиболее рельефные выражения.

После обеда, несмотря на усталость, я тотчас же принялся за подробное изложение (на особых листах) всего бывшего в заседании и не отрывался от этого дела до поздней ночи. Однако мне не удалось окончить все за один раз. Я употребил на это дело еще целых два вечера. В эту книжку я внес составленное таким образом изложение, по обычаю своему, летом.

В заседании я следил за всем с таким напряженным вниманием, что у меня осталось в памяти едва ли не каждое слово. Лыцу себя надеждою, что изложение мое почти фотографически верно.

9 марта.

Великий князь Константин Николаевич доволен результатом вчерашнего заседания. Зато крайне недоволен назначением Баранова в градоначальники. Назначение это состоялось не по представлению Лориса, а по совету Победоносцева.

Относительно заседания я сказал великому князю, что был поражен, как выступил вчера великий князь Владимир Александрович, заявление которого много способствовало успеху дела. — «А я этому нисколько не удивляюсь», — отвечал великий князь, — Владимир умный и хороший человек. Беда его в том, что он ленив и мало образован, даже в светском отношении. Все внимание покойного государя и императрицы было обращено на воспитание цесаревича Николая Александровича, который был чуть не совершенство. Нынешний же государь и Владимир Александрович в детстве и юношестве были предоставлены почти исключительно самим себе».

Как узнал я в Государственном Совете, государь по окончании вчерашнего заседания сказал Лорис-Меликову, что председателем комиссии для пересмотра его предположений назначает великого князя Владимира Александровича.

Лорис очень недоволен исходом вчерашнего заседания. По-моему, он неправ: исход очень хороший, цель почти достигнута; конечно, дело не увенчалось тут же полным успехом, но разве такие серьезные вопросы когда-либо разрешаются в одно заседание?

Лорис избалован, — до сих пор все давалось ему слишком легко.

С другой стороны, Лориса многие винят в том, что он побудил государя в назначении заседания до погребения тела покойного императора. Дело вовсе не так спешно, а между тем недели через две или три речь Победоносцева не произвела бы такого впечатления, какое произвела она теперь.

12 марта.

В церемониальной экспедиции, заведывающей погребением, страшный беспорядок. В случае сомнений, которых возникает много, там не добиться толку. К общему стыду нашему должно сказать, что и дежурство при теле покойного императора неисправно, по крайней мере по ночам. В ночные часы нередко вовсе не являются некоторые из лиц, назначенных дежурными. Я приехал минут за двадцать до своего часа и нашел место свое пустым, — значит предшественник мой не приехал.

Затем, по истечении назначенного для меня времени, я перестоял еще полчаса в ожидании смены, которая так и не явилась. Хорошо еще, что дежурят разом человек до 12-ти разных чинов; по крайней мере, вокруг гроба бывает все-таки человек до восьми или десяти.

И, при такой небрежности, позволяют себе говорить о преданности монарху. А при жизни его эти не являющиеся теперь — считали бы для себя величайшим счастьем побыть вблизи его хотя десятую часть времени, назначенного для дежурства; многие из них готовы были бы скакать для этого на край света.

Во время дежурства я имел утешение видеть, с каким благоговением поклонялся праху простой народ. Тут были и старики, и старухи, и люди в зрелом возрасте, и даже дети. Большею частью все приближавшиеся к гробу, — а их были тысячи, — набожно молились, клали земные поклоны, многие плакали, даже рыдали. Собственно любопытства я ни у кого не заметил.

14 марта.

Тимашев мечет гром и молнии против Лориса, обвиняя его в том, что так называемые «новые веяния» [являются] причиною смерти императора и всех наших несчастий.

Сегодня утром он снова завел об этом разговор. Сольский, находившийся с Тимашевым в очень хороших, даже почти дружеских отношениях, не выдержал и при всех (нас было человек пять-шесть) прямо сказал ему, что не может с ним согласиться: «Социализм не мог развиваться у нас и достичь таких ужасных размеров в какие-нибудь 10—12 месяцев. Он развивался несравненно долее, и ответственность

за совершающееся ныне лежит скорее на министрах, бывших у власти в прошедшие 10 или 15 лет (разумеется, в том числе на Тимашеве, бывшем более 10 лет министром внутренних дел). Меры, принимавшиеся со времени покушения Каракозова, не достигавшие действительной цели, вели только к тому, что отчуждали общество от правительства и давали социализму в руки новое оружие. Затем, даже в прямой, открытой борьбе с ним, правительство обнаруживало полную неумелость. Забрали более тысячи человек и, вместо того, чтобы судить их по мере открытия их вин, централизовали все дело, держали людей в заключении годами, ожесточая их и давая им всем возможность сообщаться между собою. Понятно, что мальчики, взятые тогда только за легкомысленно сказанные слова или за чтение запрещенной книжки, сделались, таким образом, настоящими закоренелыми злодеями. Тогда приступили к суду над ними. И что же оказалось? Из тысячи слишком человек, за недостатком улик, можно было предать суду только 193-х. Остальных сослали в административном порядке. Но и из этих 193-х особое присутствие сената, рассматривавшее дело, признало виновными только 30 человек. Отчасти причиной оправдания некоторых подсудимых была крайняя небрежность, с которой велось обвинение. Против пяти лучших адвокатов, напугавших все силы для защиты своих клиентов, правительством выставлен был почти мальчик — товарищ прокурора Желеховский, произнесший цветистую речь с громкими фразами, но дела серьезно не изучивший и не бывший даже в состоянии отвечать на указания защитников, почерпнутые из судебного производства. Я сам присутствовал на суде и могу засвидетельствовать, что дело ведено было, как часто у нас бывает, спустя рукава. В последнее время политические дела велись гораздо тщательнее. Поэтому не следует считать Лориса виновником нынешних бед».

Тимашев крутил ус и ответил только, что судебная часть его не касалась, что новые судебные учреждения — чуть ли не главные рассадники социализма... и уехал.

Сольский, по моему мнению, прав. Со времени Каракозовского выстрела правительство посредством беспрестанного исключения молодых людей из учебных заведений и ссылки в административном порядке, можно сказать, само распложило социалистов. В то же время оно раздражало общество разными бюрократическими придирками и стеснениями.

Между тем, в борьбе с анархистами, несмотря на постоянные заявления министров о необходимости энергии, агенты правительства всегда оказывались неумелыми, неисполнительными, слабыми; напротив того, социалисты бывали обыкновенно распорядительны, энергичны и толковы.

Слабость наша обнаружилась как в полицейском, так и в судебном отношении. Маков, будучи после Тимашева министром внутренних дел, сам рассказывал мне тогда, что шеф жандармов Дрентельн, по соглашению с ним, признал нужным произвести обыск в одной подозрительной меблированной квартире. Для исполнения этого назначен был толковый жандармский штаб-офицер, которого призвал к себе управляющий III отделением и, лично вручив ему открытый лист, сказал, чтобы, в виду важности дела, он отправился немедленно к при-

ставу Спасской части и вместе с ним хорошенько обыскал меблированные комнаты. Когда штаб-офицер приехал к приставу, этот последний встретил его словами: «Вы, вероятно, за производством обыска в такой-то квартире?» — «Да». — «Но у меня сейчас была хозяйка квартиры; она убедительно просит не делать скандала, который принесет ей убытки; между тем, она божится, что у нее живут все порядочные люди».

Спрашивается, каким образом она могла знать о предстоявшем обыске? Конечно, ее предупредили из III отделения, в числе агентов которого был, вероятно, социалист.

Неудивительно, что такая полиция не имела средств к открытию злоумышленников. Хорошо также и рассуждение пристава, заступающегося, некоторым образом, за хозяйку. По части судебной, кроме приведенного Сольским дела 193-х, можно указать, в виде примера, знаменитое дело Засулич. За отказом нескольких лиц прокурорского надзора от обвинения Засулич (хороши прокуроры), к исполнению этой обязанности был назначен ничтожный товарищ прокурора Кестнер или Кеслер, имени которого до того времени никто не слышал. Когда графа Палена, тогдашнего министра юстиции, предвляли о том, что он слаб, граф отвечал: «Все равно; это — такое пустое и ясное дело». Обвинитель действительно осрамился. Он не произнес, а прочитал написанную заранее плохонькую речь; затем на блестящую в полном смысле слова защиту не возразил ни слова. Кроме того, он не воспользовался принадлежащим ему по закону правом отвести шесть присяжных заседателей и, вследствие того, защитник мог отвести вместо шести — 12. Таким образом, состав присяжных был благоприятный подсудимой. Наконец, обвинительной властью не было собрано никаких сведений о прежней жизни Засулич, представлявшей много несомненных доказательств принадлежности ее к социалистической партии, — несмотря на то, что еще до судебного заседания было известно, что защита всяческими путями собирала самые тщательные и подробные сведения об обращении генерала Трепова с арестантами дома предварительного заключения.

Не менее был бестактен и председатель суда Кони. Без всякой необходимости, он позволил на суде следствие об обращении Трепова с арестантами, при чем оно было изображено в отвратительных красках. Справедливо говорили многие, что суд был не над Засулич, а над Треповым. В сущности же защита имела право только на прочтение в суде той газетной статьи, которая попала в руки Засулич, — но не более того, так как преступница вовсе не присутствовала при сечении арестанта и потому не могла объяснить, что была возмущена отвратительной обстановкой сечения, которого сама не видела. В заключительном своем слове председатель воспроизвел с большим талантом и с чрезвычайной отчетливостью доводы как обвинения, так и защиты. Казалось бы, правильно и справедливо. Но на деле вышло совсем не так. Так как обвинением не было приведено почти ничего, а защитой высказано было очень много, то от обстоятельного воспроизведения происходившего и сказанного на суде вышло новое усиление обвинения против Трепова и поводы к оправданию Засулич.

Покойный император понял очень хорошо все промахи судебного ведомства по этому несчастному делу, послужившему сигналом для

дальнейших покушений со стороны социалистов. Увольняя через некоторое время графа Палена от должности министра юстиции, государь сказал великому князю Константину Николаевичу, что Пален увольняется за небрежное ведение дела Засулич.

15 марта.

При погребении тела покойного императора, происходившем сегодня, можно было заметить на многих лицах истинное горе. К погребению было много иностранных принцев и в числе их наследник германского престола.

Говорят, что после неоднократных бесед с юным нашим государем он сказал: «Je suis heureux d'être venu. Pour moi l'empereur c'est une révélation»¹⁵. Вероятно, слова эти относились к тому, что принц думал найти в государе ненавистника немцев, а между тем нашел его дружелюбным и благоразумным. При погребении присутствовал и Николай Максимилианович Лихтенбергский. Сначала он не хотел приезжать из Рима, где он живет с Акинфиевой. Но государь, узнав об этом, поручил принцессе Евгении Максимилиановне сообщить брату, что если он не приедет, то за такое неприличие будет исключен из русской службы. Дай бог государю и впредь столько же энергии! А. В. Головин тоже советовал великому князю Константину Николаевичу отказаться от морского ведомства. Мы сочинили с ним вместе для великого князя проект письма к государю в том смысле, что взгляды императора на управление флотом и устройство его не согласны с воззрениями его высочества, быть-может, и ошибочными. В виду этого великий князь считает долгом просить об увольнении от управления морским министерством. Засим о Государственном Совете не было упомянуто вовсе.

При составлении проекта этого письма Александр Васильевич рассказал мне сегодня, что один из главных источников неудовольствия против великого князя в прошлое время был отзыв М. Н. Муравьева в 1866 г. о том, будто бы в деле расследования каракозовского заговора ему препятствовал Мраморный дворец¹⁶. Разумеется, это был сущий вздор, но Муравьев ненавидел великого князя и хотел погубить его в общественном мнении.

Вот причина его ненависти. В Русском Географическом Обществе, состоящем под председательством великого князя, было с самого начала две партии: одна серьезная, работающая, во главе которой стоял Литке и потому прослывшая под названием «немецкой»; другая, ограничивавшаяся почти только критикой того, что делала первая, именовалась «русскою» и имела во главе М. Н. Муравьева. Вице-председателем общества избирался постоянно Литке огромным большинством голосов. И однажды, в конце пятидесятых годов, случилось, что в день выборов была свадьба одного из моряков, пользовавшегося среди товарищей большой популярностью. Поехав к нему на свадьбу, очень многие опоздали ко времени выборов и, вследствие того, большинство оказалось на стороне Муравьева. Великий князь был чрезвычайно раздосадован низвержением Литке, и, к крайнему сожалению, не принял Муравьева, когда он приехал представиться в качестве помощника его

высочества по Географическому Обществу. Отсюда заклятая вражда со стороны Муравьева, которая нашла себе впоследствии новую пищу в разномыслиях с великим князем по крестьянскому делу и по управлению Царством Польским.

16 марта.

Лорис и Абаза, вследствие заседания 8 марта, не подают руки Макову и Победоносцеву и почти не говорят с ними. По моему мнению, они неправы. Нельзя считать политических противников прямыми врагами. Можно не сочувствовать их взглядам, даже не любить их, но необходимо соблюдать правила приличия и вежливости.

Абаза сообщил мне сегодня, что акции Лориса высоки, но что и Победоносцев не совсем без влияния. Много еще перемен будет. «Мы,—продолжал он,—обязаны были высказаться вполне и вступить в открытую борьбу, так как стояли на министерских постах. Но на вас не лежит этой обязанности; потому будьте осторожны и не сжигайте своих кораблей. Поберегите себя для будущего». И он крепко пожал мне руку.

Желал бы я знать, что значит это наставление. Искренно ли оно, или же только светская любезность, соединенная с некоторым расчетом на случай падения?

Последнее едва ли не вернее: мне невольно приходит в голову эпизод с Владимиром 1-й степени.

17 марта.

Заготовленный Головинным и мною проект письма представлен великому князю. Его высочество одобрил проект, но не хочет до времени отправлять его. Между тем, как слышал я из верного источника, государь [отозвался] о великом князе Константине Николаевиче чрезвычайно неблагоприятно: «Я не могу его видеть; пусть уедет он, куда хочет»,—сказал государь великому князю Владимиру Александровичу. Этот последний всячески старался успокоить брата, говоря, между прочим, что нельзя делать скандала и что семейные их раздоры не должны проникать в публику.

Слова Абазы о силе Лориса подтвердились. Министерство почт и телеграфов присоединяется к министерству внутренних дел, и Маков назначается членом Государственного Совета. Повод к этому подал сам Маков. Через несколько дней после кончины покойного императора он представил государю доклад, в котором объяснил, что в ведении его состоит перлюстрация писем, которая производится на основании секретной инструкции, утвержденной скончавшимся императором. Маков испрашивал разрешения, как поступать ему впредь.

Государь оставил доклад у себя и спросил у Лориса его мнения. Лорис отвечал, что почтовым ведомством нередко делаются по этой части большие злоупотребления; что перлюстрация есть орудие чрезвычайно опасное, и пользоваться ею нужно лишь в крайних случаях, собственно по делам политическим; что, между тем, по этим-то именно делам не всегда можно иметь государственной полиции все необходимые сведения, так как перлюстрация состоит в ведении другого мини-

стерства. В виду всего Лорис полагал бы присоединить ведомство почт и телеграфов вновь к министерству внутренних дел, как было до прошлого года.

Государь согласился, выразив при этом свою волю, чтобы перлюстрацию писем злоупотреблений не было.

Маков и не подозревал о всем происшедшем. О присоединении его ведомства к министерству внутренних дел и о назначении своем членом Государственного Совета он узнал только из доставленного ему мною указа.

19 марта.

Всех поразило сообщение «Правительственного Вестника» о том, что при петербургском градоначальнике учреждается совет из членов, избираемых населением столицы, при чем решения совета для градоначальника обязательны. Еще курьезнее то, что выборы должны были быть произведены в несколько часов, на основании правил довольно неясных и сбивчивых. Нет сомнения, что это — просто фокус Баранова, ищущего популярности.

Как слышно с разных сторон, выборы в совет производились чрезвычайно бестолково и небрежно. Только к очень немногим приходила комиссия, как бы следовало по правилам; большею же частью голоса отбирались единолично окологородным надзирателем. В одних участках к подаче голоса, за отсутствием мужчин, допускались лица женского пола; в других — нет. Такое же разнообразие происходило и при разрешении вопроса о том, можно ли выбирать кандидата из лиц, живущих в другом участке. Одни окологородные предлагали, для облегчения избирателей, заготовленный заранее список нескольких кандидатов; другие, напротив того, требовали самостоятельного указания избираемого лица. Ко многим жильцам, в том числе и ко мне, не приходил никто. Одним словом, чепуха страшная. Несмотря на то, выборы состоялись. Очевидно, что все это была комедия, при чем члены совета были заранее указаны градоначальником.

20 марта.

Великий князь Константин Николаевич объявил мне сегодня, что он, по долгом размышлении, решил не посылать государю просьбы об увольнении. Вместо того, он просил великого князя Владимира Александровича быть посредником между ним и его величеством: «Je l'ai prié d'offrir et non de demander ma démission¹⁷. Разделять морское ведомство от Государственного Совета я не могу. Я слишком сроднился с флотом. Я не могу себе представить, что приеду в Кронштадт чуть не частным лицом. Если я не гоюсь более в генерал-адмиралы, то не хочу оставаться и председателем Государственного Совета. Признаюсь, лично для себя, я бы всего охотнее уехал: я бы чувствовал себя несравненно более спокойнее и счастливее вне Петербурга. В Крыму, в Орианде, теперь прелесть. Но если я желал бы остаться здесь, — этого я не скрою, — то исключительно для пользы дела, для самого государя. Увольнение мое было бы для многих торжеством, я это знаю. Оно было бы даже вообще популярно. Но через короткое время в общественном мнении наступила бы реакция. Об уходе моем стали бы сожалеть... Это для государя было бы невыгодно».

В крепости была панихида. Виделся там, между прочим, с графом Шуваловым. Говоря о заседании 8 марта, о котором он имеет довольно верные сведения, граф высказал мне свой взгляд на дело. По его мнению, совещательное собрание не принесет истинной пользы. Нужно прямо приступить к конституционному устройству: учредить две палаты и предоставить им голос решительный. Если же этого сразу сделать нельзя, то нужно, по крайней мере, положить такое основание, из которого впоследствии развилось бы настоящее представительное правление. Ему более нравится поэтому прежний валуевский проект. Я заявил графу несогласие мое с его взглядом; но разговор наш, происходивший в стороне от собравшегося двора, должен был прекратиться за приближением императорской фамилии и началом панихиды.

23 марта.

Великий князь имел сегодня первый свой доклад у государя и вернулся очень довольный. И его величество, и великий князь были оба очень сдержаны. Несмотря на то, что речь шла о Попове и о «Ливадии», столкновения не произошло.

В великом князе, всегда легко увлекающемся, возродилась надежда на возможность хороших отношений. Хотя и тяжело было разочаровывать его высочество, тем не менее я счел необходимым открыть глаза великому князю, объяснив, что сегодняшний доклад сошел благополучно просто потому, что он был первый после кончины императора, а главное потому, что обе стороны всячески сдерживались. Впоследствии этого не будет. При существующем издавна раздражении, при коренном различии взглядов и при некоторой горячности великого князя, должно опасаться неоднократных столкновений.

«Бог весть, — отвечал его высочество. — До сих пор дурные наши отношения происходили, главным образом, оттого, что выслушивали только одну, враждебную мне, сторону. Если же будут выслушивать и другую, то отношения могут перемениться. Кроме Баранова, отъявленного негодяя, все обвинители мои были дилетанты, ничего не смыслящие в морском деле».

Затем великий князь сообщил мне, что Лорис очень жалуется на Баранова, который раза по три или по четыре в день является к государю и испрашивает разрешение на принятие тех или других мер.

По поводу Баранова я слышал сегодня же, что отличительная черта его — чрезвычайная ловкость. Покойный Краббе, очень хорошо понимавший людей, употреблял его в тех случаях, когда нужно было показать товар лицом. Так, например, если надобно было представить в исправном виде какое-нибудь негодное судно, то это поручалось Баранову, и дело всегда сходило с рук великолепно. С обычным своим цинизмом в выражениях Краббе говорил про Баранова, что он к кому угодно без мыла влезет.

Баранов представил государю чинов совета при градоначальнике. Перед тем он сказал им блестящую речь и тут же предложил немедленно принять, для надзора за прибывающими в столицу, две меры: во-1-х, устроить заставу на всех дорогах, ведущих в Петербург, и, во-2-х, установить, чтобы приезжающие по железным дорогам брали извозчиков через посредство полиции, с означением ею номеров экипа-

жей и с внушением извозчикам запоминать адрес приезжающих. Обе эти меры были приняты без всяких рассуждений, *par acclamation*. Между тем, многие из членов совета понимали, что меры эти не достигнут цели и что первая из них будет крайне тяжела для пригородного населения. Баранову нужны были не возражения и рассуждения, а только согласие совета. Хорош совет!

24 марта.

Две важные перемены в министерском составе: по министерству просвещения Сабуров заменен бароном Николаи, а по министерству государственных имуществ князь Ливен — графом Игнатьевым.

Увольнение Сабурова и Ливена давно предусматривалось и, говорят, было решено в принципе еще покойным государем. Уходу их нельзя не радоваться. Сабуров много наобещал и ничего не сделал, только путал. Ливен же, человек хотя не глупый, но взбалмошный и притом подлый. Нет низости, которой бы он не сделал, чтобы понравиться и угодить сильным мира.

Обе перемены совершились под влиянием Лориса. Государь и императрица с детьми переехали совершенно внезапно на жительство в Гатчину, где несравненно легче установить надзор за прибывающими. Мера эта, весьма благоразумная, была приветствована Лорисом. Быть-может, он желал достигнуть ею еще другой цели — удалить государя от влияния Баранова и Победоносцева, имевших здесь постоянный доступ к его величеству.

25 марта.

Сольский имел вчера первый свой доклад у государя. Его величество был вполне спокоен, вникал во все существенное и не вдавался в мелочи.

Виделся с бароном Николаи. Назначением своим он доволен. Предложение сделано было ему через посредство Победоносцева. По изъявлении им согласия на принятие министерства, государь пригласил его к себе и, между прочим, выразил, что не охотник до нового и крутых переворотов. Его величество признает нужным постепенное развитие и усовершенствование существующего.

28 марта.

Три дня я провел в суде над злоумышленниками первого марта. Рысков — слепое орудие. Это — несчастный юноша, имевший прекрасные задатки, сбитый совершенно с толку и с прямого пути социалистами. Михайлов — дурак. Кибальчич — очень умный и талантливый, но озлобленный человек. Геся Гельфман кем-то из соучастников справедливо названа неинтеллигентною еврейкою. Душа дела — Желябов и Перовская. Первый из них похож на ловкого приказчика со Щукина двора, произносящий громкие фразы и рисующийся; Перовская — блондинка небольшого роста, прилично одетая и причесанная, должна владеть замечательною силой воли и влиянием на других. Преступление 1-го марта, подготовлявшееся Желябовым, было, после его арестования, приведено в исполнение по ее плану и благодаря замечательной ее энергии.

Речь прокурора Муравьева была очень хороша, даже блестяща. На мой взгляд, однако, она слишком длинна, произносилась она с 10-ти утра до 5-ти часов пополудни и с двумя только перерывами. Я бы ее сократил, по крайней мере, на половину, и думаю, что от этого [она] только выиграла бы. Тем не менее она и так очень хороша.

Производство суда было необычайно торжественно. Этому отчасти способствовал висевший в зале суда портрет во весь рост покойного императора, покрытый черным крепом.

Первоприсутствующий сенатор Фукс вел дело толково и беспристрастно, но немного вяло.

Во время производства, кажется в первый день его, приезжал в суд Баранов. Прямо из суда поехал он к Победоносцеву и пожаловался на слабость председателя, дозволившего подсудимым вдаваться в подробные объяснения их воззрений. Победоносцев поспешил к государю. Его величество немедленно послал за Набоковым и потребовал от него объяснений. Набоков заступился за Фукса, доложив, что, несмотря на мягкость его, никаких неприличий на суде не происходило. Уходя от государя, Набоков предложил Победоносцеву проехать вместе в суд, чтобы убедиться самому в том, как производится дело. Победоносцев поблагодарил, но отказался, сказав, что «дал себе слово не ставить ноги в новые судебные учреждения». Мне передал это сам Набоков в суде во время перерыва.

Арестован великий князь Николай Константинович и привезен в Павловск, где содержится в местном правлении, именуемом крепостью. Крепость эта — такой же дом, как и все другие; но выбрана она потому, что есть единственное здание в Павловске из состоящих в распоряжении правительства, которое отапливается зимою.

Причиною ареста — отчасти сумасбродные выходки молодого великого князя по кончине покойного императора, в роде следующих: когда ему не было дозволено приехать на погребение*, он сказал, что если его считают сумасшедшим, то не будет и присягать, так как сумасшедших к присяге не приводят; затем он угрожал, что наденет андреевскую ленту и пойдет в народ. Кроме этих выходок, которые, на ряду со многими другими, подтверждают предположение о сумасшествии великого князя, к арестованию послужила поводом переписка Николая Константиновича с одним жандармским штаб-офицером, оказавшимся неблагонадежным в политическом отношении.

По поводу ареста Николая Константиновича в городе распространился слух, будто бы одновременно с ним арестован великий князь Константин Николаевич, избалованный в сношениях с социалистами, и что для него приготовлено помещение в Шлиссельбургской крепости. Удивительно, как не любят его и как пользуются всяким случаем, чтобы набросить на него невыгодную тень.

* Великий князь Николай Константинович был удален из Петербурга вследствие обвинения в похищении у матери своей, великой княгини Александры Иосифовны, бриллиантов. Полагали, что он страдал kleptomanieй, случаи которой встречались в Альтепбургском доме.

29 марта.

Великий князь Владимир Александрович виделся с государем и переговорил о великом князе Константине Николаевиче. Его величеству угодно, чтобы Константин Николаевич уехал весною; государь просит, однако, дождаться окончания сессии Государственного Совета, так как желательно, чтобы под председательством великого князя рассмотрено было представление министра финансов об уменьшении выкупных платежей и обязательном выкупе. В капитальном этом вопросе, касающемся крестьянского быта, совершенно необходимы опытность его высочества и близкое знакомство его с крестьянским делом. Затем осенью великий князь может подать прошение об увольнении его от обеих этих должностей.

Сообщая мне это, великий князь был, видимо, доволен тем, что государь считает присутствие его необходимым для успешного разрешения предстоящего нам крупного дела. Чрезвычайно интересуясь, и с своей стороны, упомянутым вопросом, он тут же просил меня принять меры к тому, чтобы мемория и положение по этому делу могли быть подписаны им же до отъезда*. «Вы понимаете, — сказал он, — что, потрудясь двадцать лет над крестьянским делом и вложив в него свою душу, я желаю связать имя свое с завершением этого дела.

«Что же касается желания государя, чтобы я осенью просил об увольнении, то этого я не могу исполнить. Он волен меня уволить без прошения. Пусть так и сделает. Просить я его сам не буду. Покойный мой отец завещал мне служить скончавшемуся брату и его наследникам. Потом покойный брат доверил мне высший в империи пост председателя Государственного Совета. В этой должности, равно как и в качестве генерала-адмирала, я намерен служить и новому государю со всем усердием и преданностью. Этим я исполню завет отца».

Я позволил себе заметить, что, конечно, стремление это заслуживает полного уважения, но что едва ли возможно служить кому-либо против его собственной воли, что...

Великий князь прервал меня словами: «Я знаю все, что вы мне скажете: что нельзя занимать моих должностей, не пользуясь полным доверием императора, что у нас будут с ним постоянные столкновения, что, отказываясь исполнить то, что желают, я жертвую собственным достоинством и т. д. Во всем этом есть много справедливого. Но я имею свои основания. Я много думал об этом вопросе и, наконец, остановился на решении, которое сообщил вам. Я его не изменю. Пусть меня увольняют!».

Как ни странно было для меня это решение, но возражать уже было нельзя. Высказав свой ультиматум, его высочество перешел к другим предметам. Выразив полное сочувствие совершившимся переменам в составе министров, великий князь рассказал мне, что Игнатьев, представлявший ему на днях, сообщил ему интересный факт, до того времени ему неизвестный. По словам Игнатьева, покойный государь, еще в декабре прошлого года, призывал его к себе и предложил

* Мемория и положения подписываются председателем Государственного Совета; первые — совместно с государственным секретарем, а последние — им одним.

ему пост министра народного просвещения. Игнатьев должен был, к сожалению своему, отказаться, так как мало знаком с учебною частью.

Зная хвастливость Игнатьева, а в то же время честолюбие его и жажду деятельности, я усомнился в правдивости его слов.

Великий князь был поражен: «Вы слишком подозрительны, — сказал он. — Я тоже знаю, что Игнатьев хвастун, но так нагло лгать невозможно».

30 марта.

Желая выяснить, справедливы ли слова Игнатьева, я спросил сегодня Абазу, не знает ли он, может-быть, о предложениях Игнатьеву покойным государем какого-либо министерского поста. Абаза ответил, что, сколько ему известно, такого предложения делаво ему не было, были некоторые разговоры в этом смысле, но только не со стороны покойного государя. Игнатьев очень ухаживал за Лорисом, и этот последний, выражая ему свое неудовольствие против Сабурова, — это было в половине нынешнего марта, — спросил его полшутя: не согласился [ли] бы он принять министерство народного просвещения? Игнатьев был очень обрадован перспективой сделаться министром, но просил некоторого времени на размышления. На другой день он приехал и, не отказываясь прямо от министерства просвещения, сказал, что предпочел бы пост министра государственных имуществ, так как думает, что, обладая многими практическими сведениями по части хозяйства, надеется принести на этой должности несравненно большую пользу. Лорис и сам был того же мнения и через несколько дней предложил Игнатьева государю в министры государственных имуществ, вместо князя Ливена, увольнение которого уже было решено.

Недаром называли Игнатьева в Константинополе: «Menteur-Pacha» и «Peu de mensonge»¹⁸.

Абаза рассказал мне про Лориса [sic! Р е д.] замечательное обстоятельство, доказывающее всю его подлость. Вслед за назначением Баранова петербургским градоначальником, Ливен послал к нему состоявшего при нем чиновника, исправлявшего должность правителя канцелярии (одет он был в форму коннозаводского ведомства), с извещением о положении известном князю весьма важном обстоятельстве. На Литейном, в доме под №, кажется, 10-м, бывают у г-жи Каншиной подозрительные собрания, в которых много говорится против правительства и в особенности против нынешнего государя. Весьма возможна связь посещающих эти собрания лиц с социально-революционной партией. Собрания у г-жи Каншиной тем более опасны, что в них принимают участие великий князь Константин Николаевич и граф Валуев.

Баранов немедленно довел об этом до сведения Лориса, который расхохотался и сказал: «Знаю я эту Каншину. Но к ней ездят не за политикой, а за совершенно иным. Я сам не раз приволакивался за ней». Между тем, не считая возможным оставить показания Ливена вовсе без внимания, Лорис поручил Баранову призвать к себе посланное князем лицо, объявить ему о чрезвычайной серьезности обвинения и потребовать изложения его на письме. Посланный этот счел необходимым вернуться к Ливену и, на основании новых его инструкций,

написал у Баранова, что князь Ливен знает от карлика, служившего у г-жи Капшиной и ею уволенного, что у нее бывают подозрительные собрания и что ее посещает иногда великий князь Константин Николаевич. О Валуеве уже ничего, — ни слова, а о великом князе показание уже совершенно изменено.

Александр Аггевич сообщил мне также, что в последнее время на должность председателя Государственного Совета прочат графа Д. А. Милютина, который не останется военным министром.

3 апреля.

Одна из барановских мер — установление застав — оказалась до такой степени стеснительною для пригородного и вообще рабочего населения, что ее пришлось уже отменить.

6 апреля.

Третьего дня Лорис написал мне любезную записку, в которой говорил, что имеет крайнюю надобность видеться со мною, но, будучи очень занят и притом нездоров, просит меня навестить его. Я поехал к нему вечером. Несмотря на множество бывшего у него народа, Лорис принял меня немедленно, повел в кабинет и объяснил там, что имеет ко мне большую просьбу. Будучи чрезвычайно обязан М. С. Каханову, который не только служит ему правою рукою, но пошел для него с должности независимой в положение подчиненное, он считает священной обязанностью устроить его как следует на случай весьма возможного оставления им самим должности министра внутренних дел. В виду этого, Лорис просил государя о назначении Каханова членом Государственного Совета, с оставлением в то же время товарищем министра. Его величество изъявил на это согласие.

Передавая мне лично бывшее у него на столе официальное извещение об этом, Лорис просил меня не возбуждать вопроса о несовместимости этих двух должностей, как сделано было мною в прошлом году по отношению к барону Кистеру.

Я отвечал, что, считая Каханова человеком умным, знающим и полезным, я могу только сочувствовать назначению его членом Совета, для которого он будет приобретением, но что в то же время нужно подумать о форме, чтобы не подать повода сажать в Совет, по примеру Каханова, других товарищей министров. Чтобы избежать этого, я предложил составить указ в том смысле, что Каханов назначается членом Государственного Совета с возложением на него временно по министерству внутренних дел обязанностей, особым высочайшим повелением определенных. Когда Лорис понял, в чем дело, он, не споря со мною, попросил меня набросать тут же карандашом проект указа, чтобы сообразить и подумать. Я охотно исполнил это.

Потом разговор наш перешел к положению Лориса. Повидимому, он считает себя пока крепким, но не думаю, чтобы он считал себя прочным. «Беда в том, — сказал он, — что при чрезвычайной трудности нашего положения мы совещаемся в одно и то же время и с рара, и с тапан (он разумел, очевидно, государя, себя и Победоносцева) и поневоле слушаемся то того, то другого».

«Но возьмите на час терпения, — прибавил он. — Я твердо уверен, что жизнь выработает его».

Был сегодня с докладом у его высочества и передал великому князю содержание объяснений моих с Лорисом насчет Каханова. Великий князь одобрил мое предложение.

7 апреля.

Лорис объявил мне в Совете, что был вчера в Гатчине и представил его величеству набросанную мною редакцию указа о Каханове. Государь не согласился с нею, предпочитая остаться при первоначальной мысли.

Вместе с тем, узнав о причинах, по которым я признал нужным прибегнуть к некоторому извороту, его величество сказал: «Пусть будет спокоен. Назначение Каханова не будет служить примером для других».

Вслушав сообщение Лориса, я сказал ему, что, в виду приведенных слов государя, я считаю цель нашу вполне достигнутою.

Оказывается, что, прося меня набросать редакцию, Лорис надул меня. Он не сказал, что будет у государя и покажет редакцию его величеству. По всей вероятности, докладывая о ней, он сам просил не принимать ее, доказывая необходимость оставить Каханова именно товарищем министра. Но какая же цель?

Одна только и может быть — желание показать свою силу и значение, испросив для своего товарища звание члена Государственного Совета, наиболее почетное и уважаемое.

В сегодняшнем заседании Государственного Совета рассматривалось в соединенных департаментах дело об обязательном выкупе и понижении выкупных платежей. В начале заседания великий князь превосходно разъяснил как прежние значения [sic! Ред.] Главного Комитета о значении выкупных платежей, так [и] исторический ход выкупных операций и значение нынешних предположений министерства финансов. Вслед за вступительною речью его высочества, очень подробно и интересно, министр финансов заявил, что при предварительном докладе этого дела покойному императору его величество сказал: «В прежнее время я всегда был против обязательного выкупа. Мне хотелось дать время помещикам устроиться с крестьянами домашним образом, отнюдь не допуская над ними насилия. Но я никак не ожидал, чтобы в 20 лет дело это не могло окончиться, а потому полагаю ныне, что оно должно быть завершено». При этом государь с обычною своею скромностью добавил: «Из всего, что помогли мне совершить, крестьянскую реформу я считаю самым важным делом всего моего царствования».

По сообщении Абазою этих слов покойного императора, великий князь склонил голову к столу, закрыл себе лицо руками и зарыдал. Все смолкли; минута была торжественная и трогательная.

Когда начались прения и обнаружилось, что ни с чьей стороны нет серьезных возражений по существу, Лорис-Меликов заявил, что желательно обнародовать предполагаемый закон в возможно непродолжительном времени, так как в разных местах, между прочим в Бежецком и Весьегонском уездах Тверской губернии, злонамеренными людьми распространяется между крестьянами слух, что нынешний государь, по

наущению помещиков, хочет вновь закрепить людей. Слухам этим народ отчасти верил, и были даже случаи нападения на помещиков. В виду этого необходимо доказать народу, и как можно скорее, что царствующий император следует в крестьянском деле воззрениям своего родителя. Все согласилось с мыслью Лориса.

Относительно подробностей говорили: Игнатъев, Островский, Рейтерн, Сольский и некоторые другие. Несмотря на то, что заседание длилось до 6-ти часов, рассмотрение дела не было окончено. Положено вновь собраться завтра.

8 апреля.

Опять сидели до 6-ти часов и окончили рассмотрение дела. По общим отзывам, великий князь вел его превосходно. Абаза сообщил мне, что председателем Государственного Совета будет, по всей вероятности, не Милютин, а великий князь Михаил Николаевич. Это сказано Лорису государем, который любит великого князя и питает доверие к его беспристрастию.

10 апреля.

Отъезд великого князя Константина Николаевича назначен на 11 мая, т.-е. вслед за последним заседанием общего собрания Государственного совета. Сольский рассказал мне, что Киреев, бывший адъютант великого князя, состоящий и теперь при нем, отказался сопровождать его высочество под тем предлогом, что великий князь берет с собою в Орианду Кузнецову.

Великий князь, доселе никогда не говоривший о связи своей с Кузнецовой, выразился по поводу отказа Киреева так: «Не могу же я бросить женщину, которая вполне отдалась мне, от которой имею детей и которой обязан 15-ю годами счастья».

Со мной великий князь никогда не говорил о Кузнецовой. Ни Сольский, ни я никогда ее даже не видели.

12 апреля.

Я сообщил великому князю переданное мне Абазою сведение о том, что преемником его высочества по Государственному Совету будет, по всей вероятности, великий князь Михаил Николаевич. «Я тоже слышал об этом, — сказал его высочество, — но не от брата... От души рад этому выбору. Брат Миша — честный и прекрасный человек. Председательствовать он будет хорошо, толково и беспристрастно. Во многих отношениях он будет лучше меня: спокойнее, обходительнее и внимательнее к каждому. Мне это никак не давалось. Уступит он мне, вероятно, в инициативе. Он будет менее возбуждать вопросов, не будет так принимать к сердцу дела, касающиеся свободы совести, земства, новых судебных учреждений и т. п.

«Одним словом, он будет гораздо консервативнее меня. При всей нашей дружбе, это различие во взглядах обнаруживалось всегда. Оно зависит, главным образом, от нашего воспитания и от той среды, в которой мы вращались. Благодаря Федору Игнатьевичу (?) (Литке), я с молодых лет питал уважение к наукам и верил в необходимость поступательного движения человечества на пути просвещения. Брат

был воспитан преимущественно с военной точки зрения. Затем, сделавшись самостоятельным, я старался сблизиться с людьми самых разнообразных слоев общества и потому узнал многое, о чем мы, великие князья, вообще не имеем понятия. Брат жил исключительно в высшем кругу, будучи окружен Барятинскими, Воронцовыми, Шуваловыми, Толстыми и т. п. В виду этого, вам будет совершенно понятно различие наших воззрений... Но, повторяю, председатель он будет отличный. В нем не будет моих недостатков, а отсутствие инициативы в председателе, быть-может, даже хорошо».

13 апреля.

И. Д. Делянов продолжает кричать во всеуслышание, что Лорис — интриган, фокусник и думает только о либеральничаньи, и что пользы от него никакой, а вред громадный. Сегодня он сообщил мне, между прочим, что Победоносцев совершенно разделяет его взгляды, и на вопрос Ивана Давыдовича о том, отчего же он, при близости своей к государю, не откроет глаза его величеству, Победоносцев отвечал, что нужно поискать человека, который мог бы заменить Лориса.

Победоносцев, действительно, близок к государю. Я знаю из верного источника, что он часто пишет в Гатчину записки по разным общим вопросам.

16 апреля.

Лорис, несмотря на вражду к нему очень многих лиц высшего слоя, все еще очень крепок. В городе ходят слухи, что им возбужден вопрос о необходимости единства в управлении. Средством к этому предполагается им если не назначение министров исключительно из лиц одного направления (едва ли государь пожертвовал бы Победоносцевым), то, по крайней мере, необходимость совещаться между министрами предварительно предложения государю какой-либо важной меры.

Сольский сообщил мне интересные сведения о графине Лорис-Меликовой. Она — женщина не светская, простая, но очень умная. Дочери ее, много выезжающие в свет, стали несколько зазнаваться. Тогда мать сказала им: «Полноте важничать, давно ли вы на простых извозчиках ездите. Пожалуй, скоро опять будете ездить на извозчицких дрожках».

Многие из лиц, нуждавшихся в Лорисе, твердили графине, что дочери ее чуть ли не красавицы. На любезные эти фразы она, говорят, отвечала: «Прежде они были некрасивы, а с прошедшей зимы очень похорошели».

17 апреля.

Сегодня 50-летний юбилей графа Валюева. На прошедшей неделе великим князем, как делается всегда в подобных случаях, была представлена памятная об этом записка, которая возвращена с резолюцией его величества: «Полагаю ограничиться рескриптом, так как ему пожаловано в прошлом году графское достоинство». Из этих слов я понял, что рескрипт не должен быть тепел; но вместе с тем мне казалось необходимым составить его прилично, т.-е. соответственно занимаемой им должности председателя Комитета Министров.

Заготовленный нами проект, вполне одобренный великим князем, был представлен государю за три дня до юбилея, но возвращена была [sic! Ред.] только сегодня с надписью: «Редакция рескрипта мне не понравилась, и я поручил переделать ее». При этом выслан был другой рескрипт, подписанный его величеством. Переделка заключалась единственно в том, что исключены были все фразы, сколько-нибудь приятные для Валуева, как, например, о высоких дарованиях его, о важности возлагавшихся на него трудов и о том, что государь надеется, что престол и отечество еще долгое время будут пользоваться просвещенною его опытностью. Признаться, я сам задумался над последнею фразою, но оставил ее потому, что если бы Валуев и сошел с деятельного поприща, то он все-таки остался [бы] членом Государственного Совета и, следовательно, опытностью его можно было бы пользоваться.

Переделанный рескрипт был чрезвычайно сух и, в сущности, чуть не простою выдержкой из послужного списка Валуева. Переписан он был довольно плохо, зеленоватыми чернилами, на почтовой бумаге, притом очень не важной, с подскобками; одним словом, он вовсе не имел того внешнего даже вида, какой имеют акты, подносимые к высочайшему подписанию. Где переделывали и переписывали рескрипт, я не знаю.

20 апреля.

И. И. Шамшин, приехавший в Петербург на краткое время, навел меня и, просидев довольно долго, рассказал много интересного о производимой им ревизии. Общий вывод из всего сообщенного им тот, что в губернском и уездном управлении страшная неурядица, что лень и апатия — явление общее, и что реформы минувшего царствования, преимущественно земская, и отчасти судебная, при всей их благодетельности, имеют большой недостаток — непрочность. Можно было бы совершить их несравненно удачнее, если бы государственные деятели наши были ближе знакомы с местными условиями и обстоятельствами.

По слухам, завтра должно быть в Гатчине совещание у государя по вопросу о единстве в управлении ¹⁹.

22 апреля.

Чтобы узнать о результате бывшего в Гатчине совещания, я поехал к Абазе и застал его в самом лучшем настроении. Я понял из этого, что результатом совещания он совершенно доволен. Без особой просьбы с моей стороны, Александр Аггеевич рассказал мне весь ход дела со всеми подробностями. Изложу их вкратце.

В виду постоянного противодействия со стороны Победоносцева, чуть не ежедневно являвшегося к государю, пока его величество был в Петербурге, а затем часто отправлявшего в Гатчину длинные записки по разным предметам, Лорис и Абаза пришли к убеждению о необходимости представить на благоусмотрение государя, что существующая рознь между министрами, из которых каждый имеет непосредственный всеподданнейший доклад, может привести к неблагоприятным последствиям. Необходимы непосредственная связь и единство. С этой целью предложено было, чтобы по всем важнейшим вопросам своего ведомства министры, прежде представления их на вы-

чайшее воззрение, совещались между собою и давали ход только тем предположениям, которые одобрены большинством их товарищей, или же, по крайней мере, докладывали его величеству о встреченной ими оппозиции. Таким образом, мало по малу образовался бы кабинет, составленный из министров приблизительно одного и того же направления.

Государь отнесся к этой мысли сочувственно и признал необходимым обсудить ее в особом совещании, в связи с общим вопросом о нашем положении и о нынешних обстоятельствах. В совещание это приглашены были: великий князь Владимир Александрович, граф Лорис-Меликов, граф Милютин, А. А. Абаза, граф Игнатьев, барон Николай, Д. Н. Набоков и К. П. Победоносцев. Замечательно, что к столь важным вопросам не были приглашены ни председатель Государственного Совета великий князь Константин Николаевич, ни председатель Комитета Министров граф Валуев. Заседание началось в 11 часов 5 минут. После нескольких вступительных слов его величества, объявившего собравшимся лицам о желании своем посоветоваться с ними о мерах к наиболее успешному исходу из затруднительных нынешних обстоятельств, — первым говорил Победоносцев, в обычном плаксивом тоне своем; он указывал на то, что все беды нашего времени происходят от страсти к легкой наживе, от недобросовестности чиновников, от недостатка нравственности и веры в высших слоях общества, от распущенности молодежи, от пьянства в простом народе, которое губит целые поколения, и, наконец, от общего неуважения к властям. Речь Константина Петровича была вообще эффектна, но в ней далеко не слышалось той уверенности и силы, которыми отличалась речь, произнесенная им в Совете Министров 8 марта.

Доводы Победоносцева, не приводившие, как и всегда, ни к какому положительному заключению, кроме желательности строгости и бдительности со стороны правительства и необходимости водворения честности и правды, не произвели ни на кого серьезного впечатления. Константину Петровичу возражали поочередно все министры почти одним и тем же аргументом. Граф Лорис-Меликов заявил при этом о необходимости единства в управлении; в числе возражавших Константину Петровичу был и барон Николай, состоящий с Победоносцевым, как известно, в хороших отношениях. Речь его, строго логическая, произнесенная с большим спокойствием и достоинством, была выслушана всеми, не исключая и государя, с большим вниманием и уважением. Между прочим, произвело впечатление то место, в котором барон Николай выразил, что как вообще, так и в особенности в применении к молодежи, несравненно важнее строгости — законность и справедливость, что потому к водворению их нужно стремиться всеми силами, и что, напротив того, нужно всячески избегать употребляемых иногда без разбора крутых мер и произвола, коими правительство только компрометирует себя, отчуждая от государя сердца подданных, и достигает цели, диаметрально противоположной той, которую желает достигнуть.

После барона Николай, почти последним говорил сам Абаза. Он начал с того, что многие из указанных Победоносцевым больных мест нашего общественного быта действительно существуют. Но речь Константина Петровича — скорее произведение моралиста, чем программа государственного деятеля. Им совершенно верно указаны наши раны,

однако не предложено при этом никакого серьезного средства к исцелению. Конечно, мораль и церковь должны делать свое дело, но они одни не в силах победить зла. Никакое постановление, изданное в смысле предложений Константина Петровича, хотя бы даже оно было облечено в наиболее торжественную форму высочайшего манифеста его императорского величества, не окажет в трудных наших обстоятельствах действительной помощи.

Константин Петрович жалуется на упадок нравственности и на то, что администрация наша во многих отношениях бездействует и послабляет дурным наклонностям. Упрек этот, отчасти справедливый, относится, однако, не к одним только светским властям, против которых восстает обер-прокурор св. Синода. Если действительно многие отрасли управления находятся в положении плачевном, то к числу их нужно отнести прежде всего ведомство духовное. В каком положении находится наше сельское духовенство? В самом отчаянном. Можно без преувеличения сказать, что оно само отчуждает прихожан от церкви. Вынуждая у них непосильную для бедных людей плату за крестины, за браки, даже за похороны, а в то же время далеко не подавая им примера христианской жизни, священники наши часто способствуют уклонению крестьян в раскол — штунда растет не по дням, а по часам — и даже просто к распространению безверия в народе. Пробуждение нашего духовенства к проведению евангельского учения не только словом, но и самим делом, — вот обильное поле для деятельности обер-прокурора св. Синода, который, между тем, постоянно упрекает других министров в распущенности вверенных им частей ведомства.

Да, действительно многое требует у нас исправления и улучшения. Для достижения желаемой цели нужно время и дружные энергические усилия правительственных властей.

Справедливо указывает граф Лорис-Меликов и некоторые другие министры на то, что мы страдаем отсутствием единства в управлении. Каждое министерство считается у нас чуть ли не отдельным государством; весьма нередко один министр не знает, что предпринимает другой; не только не всегда можно рассчитывать на помощь своих товарищей, но в некоторых из них встречаешь противодействие. Вследствие этого выходит полный разлад; цель же, преследуемая правительством, не достигается. Такое положение правительства невозможно. Общество не имеет к нему необходимого доверия. Можно сказать более, — общество не доверяет правительству. Главная причина такого недоверия в настоящее время заключается в том, что в общество проникают слухи о коренных разногласиях в составе высших правительственных лиц, о том, что в заседании 8 марта произнесена была одним из участвовавших в суждениях громкая речь против наиболее невинных по существу своему предложений в либеральном смысле, о том, что государю императору постоянно представляются записки в ретроградном направлении; наконец, о том, что один министр сообщает в «Московские Ведомости» и «Русь» статьи в том же духе (опять намеки на Победоносцева, состоящего с Катковым и Аксаковым в постоянных сношениях)...

В виду всех этих соображений, Александр Аггеевич, согласно с предложениями Лорис-Меликова, признал необходимым как вообще

для пользы дела, так и для успокоения общества, чтобы его величеству докладывались министрами предположения о важных по их ведомству мерах не иначе, как по обсуждении этих предположений другими министрами. Тогда только будет единство в действиях и можно рассчитывать на успех принимаемых правительством мероприятий.

Победоносцев не возражал.

Государь выслушал речь Абазы спокойно, и когда она была окончена, объявил, что совершенно понимает необходимость в высшем управлении единства, которое не может вполне достигаться при существующем порядке. Поэтому его величество просит министров предложения их по предметам, имеющим существенное значение, вносить предварительно на обсуждение особого совещания из министров внутренних дел, финансов, военного, юстиции, народного просвещения, государственных имуществ и обер-прокурора св. Синода; в случае надобности, могут быть приглашены в заседание и другие министры, а также и государственный контролер. В совещании этом председательствовать будет великий князь Владимир Александрович. Никакого учреждения или положения для совещания издано не будет. Собираться они должны частным образом, по мере необходимости; чем менее будет формальностей, тем лучше. Затем, вероятно, опыт укажет на пользу каких-либо дополнений или изменений в этом устройстве, и тогда можно будет вновь собраться у государя для обсуждения возникших вопросов.

Заседание окончилось далеко за 1 час — время завтрака.

Абаза в восторге от успеха и от своей речи. Он считает Победоносцева уничтоженным, потому что записки свои он должен будет обращать не прямо к государю, а в совещание, которое не будет соглашаться с ним. Он будет, так сказать, поглощен мнением большинства.

На возвратном пути из Гатчины Победоносцев подошел к Лорису и Абазе, подал им руку и сказал, что чрезвычайно сожалеет о происшедших между ними недоразумениях; в заседании 8 марта он только выражал убеждения свои, нисколько не желая вредить им.

Примирение состоялось.

Вечером Абаза получил через кого-то известие из Гатчины, что государь, бывший постоянно в мрачном настроении, несколько повеселел после заседания.

Одним словом, Абаза считает, что наступило полное торжество Лориса и его. Я позволил себе заметить, что едва ли хорошо он делает, дав речи своей оборот прямого обвинения против Победоносцева. К чему его раздражать? Обстоятельства могут измениться. При этом я счел долгом рассказать, что, говоря о Лорисе, Победоносцев всего несколько дней тому назад выражался недоверчиво о его прочности и [считал] нужным поискать другого человека.

«Не беспокойтесь, — отвечал Абаза. — Это могло быть неделю тому назад, а теперь Победоносцев уничтожен, истерт в порошок».

По окончании беседы нашей Александр Аггеевич показал мне только-что полученное письмо Валуева, который крайне обижен тем, что не был приглашен в совещание; между прочим, он спрашивал, когда его уволят, и выражал надежду, что это сделают прилично, т. е. с хорошим окладом. Абаза намерен сам заехать к нему и предложить

свои услуги к испрошению ему, в случае отставления его от нынешней должности, прежнего содержания.

24 апреля.

В городе только и разговоров, что о полном поражении Победоносцева. Все в неопisanном восторге.

Великий князь Константин Николаевич сказал мне, что ему особенно больно покидать деятельность тогда, когда правительство стало единодушным и будет состоять из людей, вполне сочувствующих собственным его убеждениям.

С другой стороны до меня дошел слух (из дамского, впрочем, источника), будто граф Воронцов-Дашков, друг государя, трунит над Лорисом. По его словам, Лорис до такой степени ему теперь предан, что совершенно забыл о княгине Юрьевской.

27 апреля.

Сегодня рассматривалось в общем собрании Государственного Совета дело об обязательном выкупе и понижении выкупных платежей. Когда я приехал от великого князя в Совет, я застал уже там некоторых членов, и в том числе графа Игнатьева и Островского, которые жаловались на слишком спешное обсуждение дела в соединенных департаментах и говорили, что лучше бы разрешить теперь вопрос только в принципе, поручив затем подлежащим министрам дальнейшую разработку дела, при участии экспертов. С этим предложением Игнатьев подошел к Абазе, который отвечал, что не считает дело незрелым, что если не были вызваны по этому вопросу эксперты, то в этом вина не его, а лиц, постоянно сопротивляющихся спросу земских людей, что подобного рода предложение Игнатьев мог заявить в соединенных департаментах, чего он, однако, не сделал, и наконец, что он, Абаза, ни на какую уступку по существу проекта не согласен.

В самом заседании общего собрания ни Игнатьев, ни Островский не говорили ни слова.

Только Тимашевым был возбужден вопрос о том, чтобы при обязательном выкупе крестьянских земель выплачиваемая помещикам вся сумма вознаграждения, а не за вычетом 20%, как определяется положением. Тимашеву возражал Абаза очень толково и убедительно; к сожалению, только, он примешал к делу личности, иронически напомнив Совету, что Александр Егорович всегда был врагом освобождения крестьян и наделения их землею. После Абазы говорил Рейтерн совершенно спокойно. Он возбудил вопрос, на чей собственно счет, в случае принятия предложения Тимашева, следует отнести сорок слишком миллионов рублей премии в пользу помещиков, уклонявшихся от выкупа и, следовательно, не пожелавших способствовать осуществлению закона 19 февраля 1861 г., — на счет ли казны, находящейся в крайне затруднительном положении относительно удовлетворения необходимых даже ресурсов, или же на счет крестьян, положение которых таково, что всеми присутствующими, не исключая и самого Тимашева, признается необходимым понизить следуемые с них платежи.

После слов Рейтерна не было прений. Даже Тимашев отказался от разногласия и просил только, чтобы о возбужденном вопросе было занесено в журнал. Разумеется, ему хотелось очистить себя в глазах своих единомышленников-крепостников.

По поводу речи Рейтерна, К. К. Грот сообщил мне, что в былое время Н. А. Милютин называл его «замечательным здравомыслом».

Впрочем, этого эпитета он удостоивал Рейтерна только тогда, когда они были одного мнения; если же Рейтерн возражал Милютину, то последний, будучи недоволен силою его аргументов, говорил: «Проклятый янки». Лестное наименование это объясняется тем, что незадолго до трудов по крестьянскому делу Рейтерн пробыл довольно продолжительное время в Америке, где, благодаря командировке, доставленной ему великим князем Константином Николаевичем, изучал разные финансовые вопросы.

Вечером после заседания получил я записку К. П. Победоносцева, извещавшего меня, что не мог быть в Совете, так как неожиданно вызван был в Гатчину государем. К этому он прибавлял, что очень сожалеет о своей небытности, потому что имел довольно серьезное предложение.

28 апреля.

Желая узнать, в чем состояло предложение Победоносцева, я зашел к нему перед обедом. Константин Петрович принял меня немедленно, вышел ко мне навстречу и снова высказал чрезвычайное сожаление о том, что не мог быть в заседании. При этом, с видимым удовольствием, он сообщил мне, что был вызван в Гатчину по весьма важному делу, не терпевшему отлагательства. Хотя Константин Петрович был со мною и сегодня, как и всегда, вообще внимателен и любезен, тем не менее во всем его существо было что-то такое, чего до сих пор я в нем не замечал, — некоторая важность и чувство собственного значения.

«Да, — сказал он, — я чрезвычайно сожалел, что не мог быть вчера. Дело рассматривалось серьезное. А, между тем, жаль, что на него не обращено того внимания, которого оно заслуживает. Его провели, как по барабану. Мое предложение заключалось бы в том, чтобы теперь утвердить обязательный выкуп и затем только главные начала понижения выкупных платежей, поручив дальнейшую разработку дела министрам при участии экспертов».

Я отвечал, что, за заслушанием дела в общем собрании, в настоящее время ничего уже нельзя сделать; что, впрочем, перед заседанием граф Игнатьев и Островский выражали подобный же взгляд, но в самом заседании они ничего не заявляли, вероятно потому, что министр финансов, к которому Игнатьев предварительно обращался, выразил решительное несогласие на какие бы то ни было уступки.

«Странно, — продолжал Победоносцев. — Между тем, было положительно условлено возбудить этот вопрос и, в случае надобности, остаться при особом мнении. Вот наши основания: о понижении выкупных платежей много писано в последнее время, при чем образовалось два диаметрально противоположных взгляда. Одни считают выкупные платежи арендною платою за землю; другие, напротив того, находят, что платежи эти выражают собою и плату за землю, и, так

сказать, плату за освобождение крестьянского труда. А. А. Абаза держится первого воззрения, а о втором в представлении его нет и речи. Желательно же выяснить этот смутный вопрос. К тому же, говорят, великий князь вел дело с обычным своим пристрастием и горячностью, не давая говорить в заседании. Кроме того, жалуются, что не было дано времени на изучение дела, так как оно было разослано всего за три дня до заседания, что, наконец, даже журнала не разослали по домам, и прочли наскоро его в Совете...».

Меня это возмущало. Я отвечал: «Не берусь говорить об основном вопросе, возбуждающем разномыслие в литературе. В Совете его никто не возбуждал, и потому на нем не останавливались. Но, затем, все касающееся производства дела — неверно. Хотя оно и велось без малейшего промедления, — этого желал сам государь, в виду распространяемых о нем в народе нелепых толков, — тем не менее никакого насилия членам не было. Памятные записки были разосланы в свое время; в заседании великий князь не стеснял никого, да и не было к тому повода, потому что никем из присутствующих не было сделано заявлений, сколько-нибудь враждебных основной мысли рассматриваемого проекта; при всем том дело рассматривалось два дня, и оба заседания длились до шести часов. Наконец, рассылать журнал для предварительного рассмотрения, по домам, мы вовсе не обязаны и делаем это иногда из любезности, когда позволяет время. В настоящее время не было никакой к тому возможности. Ознакомиться же с журналом члены очень могли, так как он читался в особом заседании и читался с большими расстановками, при чем были приняты во внимание многие замечания, предъявленные некоторыми из членов. Кроме того, членам разосланы были в корректурном виде самые проекты, исправленные по заключениям присутствия; на проекты эти были опять доставлены разные заметки, которые и были уважены. Одним словом, я считаю нужным повторить, что обвинения против великого князя и государственной канцелярии — совершенно несправедливы».

«Странное дело, — возразил Победоносцев, — а они ко мне постоянно бегали и жаловались».

Для меня стало ясно, что Игнатьев дезертировал из лагеря Лориса, которому он обязан своим назначением в министры и к взглядам которого совершенно подходит по своим убеждениям. К Игнатьеву пристал Островский, человек образованный, трудящийся и честный, но не особенно умный, а притом крайне самолюбивый и честолюбивый, — конечно, он также жаждет министерского портфеля.

Сказав в заключение Победоносцеву, что теперь дело уже кончено, я простился с ним и пошел домой. Дорогой я, однако, счел необходимым зайти к Абазе, чтобы предупредить его о новой коалиции, враждебной великому князю, Лорису и ему. Передав все случившееся Александру Аггеевичу, я напомнил ему слова Победоносцева о том, что на место Лориса нужно приискать человека. Не найден ли этот человек и не Игнатьев ли он?

«Не думаю, — отвечал Абаза. — Еще нет недели со времени совещания, о котором я вам подробно рассказывал. Тогда Победоносцев был разбит на голову, и если государь призывал его вчера к себе, то, конечно, не по какому-либо государственному вопросу».

Во всяком случае, увидим, и увидим скоро.

Сегодня вечером у нас заседание того совещания, которому поручено предварительное соображение министерских предположений, кабинета, как называют его в публике.

Если произошло что-либо особенное, то оно, конечно, обнаружится.

29 апреля.

Особенное и неожиданное совершилось. Распубликован манифест, заявляющий о твердом намерении государя охранить самодержавие. Манифест, очевидно, написан Победоносцевым²⁰. Государственных талантов он им не выказал: манифест дышит отчасти вызовом, угрозой, а в то же время не содержит в себе ничего утешительного ни для образованных классов, ни для простого народа. В обществе он произвел удручающее впечатление.

Лорис и Абаза узнали об этом громовом ударе только вчера вечером на совещании, куда Набоков привез корректуру манифеста. Разумеется, все напали на Победоносцева за такой образ действий — из-за угла. Он защищался тем, что был только исполнителем воли его величества.

30 апреля.

Манифест писан Победоносцевым по соглашению с Игнатьевым и Островским. По совету Игнатьева, выписан был на помощь из Москвы Катков.

1 мая.

Бывший у меня сегодня Валуев сообщил, что Лорисом получено уже согласие государя на его увольнение. Вслед за тем послал свое прошение Абаза. Милютин тоже собирается уходить. Валуев хотя и критикует до крайности изложение манифеста, но как-будто приободрился и, повидимому, отложил намерение покинуть свой пост.

2 мая.

Сольский рассказал мне, что на прошедшей неделе был у него Лорис, чтобы сообщить о результатах совещания, происходившего в Гатчине, и вместе с тем объявить ему высочайшую волю о том, чтобы он был приглашаем в заседания кабинета, когда в том представится надобность.

Потом в разговоре Лорис сказал, что «считает себя твердым... если не случится чего-либо особого... А такое особенное может произойти, пожалуй, через пять дней».

И, странное дело, манифест был подписан ровно через пять дней после победы.

Был сегодня у Лориса и у Абазы, но ни тот, ни другой не принимали.

Великий князь Константин Николаевич также заезжал к обоим министрам. Он очень сожалеет о происшедшем. Сообщая мне о том, его высочество прибавил, однако: «Au moins je m'en vais en bonne compagnie»²¹.

2 мая²²

Вчера вечером скончался принц П. Г. Ольденбургский. Я был сегодня на панихиде. Победоносцев там отличился. Тело покойного принца поставлено в большой зале против открытых дверей в лютеранскую его церковь. Победоносцев нашел неприличным, чтобы православное духовенство служило панихиды в виду протестантского распятия — точно на нем изображен не Спаситель. Поэтому он потребовал, чтобы закрыли двери в церковь и поставили перед ними образ. Принц Александр Петрович подчинился требованиям Победоносцева.

Игнатьев назначен министром внутренних дел, а Островский на его место — министром государственных имуществ.¹

3 мая.

На просьбу Абазы, написанную с большим достоинством, государь отвечал приблизительно следующее: «Чрезвычайно сожалею, что вы покидаете вашу должность. Понимаю, что должно быть единство в управлении, согласно одобренным мною предположениям; но сожалею, что граф Лорис и вы не могли найти другого повода к уходу, как издание моего манифеста».

Получил сегодня от Лориса записку, в которой он изъясняет сожаление, что не мог принять меня вчера. Я поехал к нему и застал его. Семейство его уже уехало за границу; он же остался пока здесь и намерен провести часть лета в Царском Селе. Мне кажется это большою ошибкою, а главное — недостатком чувства собственного достоинства. Лорис шутит и желает казаться веселым.

4 мая.

В городе ходят различные слухи о причинах совершившейся министерской перемены. Так С. А. Грейг рассказывал мне сегодня, что ему известно, из достоверного будто бы источника, что государь не был вовсе расположен к Лорису и терпел его вначале только потому, что не знал, кем заменить его. Его величество был недоволен тем, что Лорис являлся в Гатчину вовсе не с серьезными докладами о делах, а скорее для болтовни, что у него в запасе были всегда различные фокусы и штучки, рассчитанные на достижение популярности; будто после бывшего на прошедшей неделе в Гатчине совещания государь сказал, что теперь он прозрел, что Лорис и его единомышленники его опутывают, желая удалить Победоносцева; что они заботятся только о личном преобладании и занимаются преимущественно ссорами и интригами; наконец, будто бы вследствие всего этого государь решился нанести удар Лорису.

Далее, граф П. А. Шувалов рассказывает, что, при проезде через Берлин несколько дней тому назад, он навестил Бисмарка. Последний был чрезвычайно недоволен действиями Лориса и просил Шувалова доложить от его имени государю, что политика последнего времени и заигрывание с общественным мнением погубит Россию, что нужно надеть на руку железную перчатку и просто-на-просто зажать рот всем крикунам, мечтающим о конституции. Когда Шувалов отказался

от этого поручения как потому, что он не сочувствует взглядам Бисмарка, так и потому, что не считает себя довольно близким его величеству, чтобы докладывать о подобных вопросах, Бисмарк ужасно рассердился и, обратясь к жене, присутствовавшей при этой беседе, сказал ей: «Tu entends, Bismark n'est plus rien!»²³

Быть может, что, в виду отказа Шувалова, Бисмарк дошел до государя через германского императора. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что падению Лориса рукоплескали в Берлине. Доказательством тому может служить статья «Nord-Deutsche-Allgemeine Zeitung», чрезвычайно превозносящая манифест.

Рассказывают также, что враги Лориса и Абазы довели до сведения государя, будто бы после заседания о «кабинете» они торжествовали победу ужином с шампанским и тостами, не лестными для его величества; понятно, что последнее — наглая ложь. Но торжество, конечно, было, и был ужин у Е. Н. Нелидовой, друга Абазы и Лориса.

Наконец, существует четвертая версия, едва ли не самая правдоподобная. По случаю бывших в обществе и печати толков о конституции, покойный принц Ольденбургский неоднократно писал государю, советуя решительно и твердо заявить свою волю о сохранении самодержавия; к последнему письму своему принц приложил и проект манифеста. Государь послал его Победоносцеву, который, по совещании с Игнатьевым и Островским, воспользовался этим случаем, чтобы нанести Лорису удар смертельный. Сам же государь по неопытности своей и не подозревал, что такой манифест не может быть издан без совещания с первым министром. Просьбы Лориса и Абазы об увольнении были для его величества совершенною неожиданностью. От происшедшей перемены Победоносцев едва ли будет в выигрыше. Он воображает, что Игнатьев пойдет у него на буксире. Я думаю, он сильно ошибается. Игнатьев и по направлению своему, и по приемам — тот же Лорис.

5 мая.

Граф Д. А. Милютин в высшей степени недоволен совершившейся переменой. Он говорит, что не просит пока об отставке только потому, что он — человек военный и не считает возможным публично протестовать против изданного манифеста. Он намерен просить об увольнении осенью.

Я напомнил сегодня графу П. А. Шувалову о разговоре нашем в крепости по поводу заседания Совета Министров 8-го марта и о конституционных воззрениях графа. Он отвечал, смеясь: «Да, покамест вы правы... а все-таки кончится тем же».

6 мая.

На панихиде по принцу Ольденбургскому в числе других лиц бывает масса преображенцев и правоведов. Между ними, повидимому, нет связи, а, между тем, как рассказывали сегодня, учрежденное принцем училище правоведения обязано своим существованием, как это ни странно, Преображенскому полку.

Приехав в 1831 году из-за границы, принц Петр Георгиевич был определен императором Николаем Павловичем в Преображенский полк,

где и нес службу со свойственной ему добросовестностью и усердием. Через несколько лет его высочество был назначен командиром полка. По этой должности он получил раз выговор от командира гвардейского корпуса великого князя Михаила Павловича за то, что какой-то солдат его полка при встрече с великим князем не отдал чести; вместе с тем было приказано немедленно отыскать виновного. Несмотря на все усилия принца, он не мог этого достичь. Великий князь был очень недоволен и сказал, что сам откроет преступника. Для этого он приказал собрать в манеже весь полк. Проходя по рядам, Михаил Павлович выслал из фронта пять человек, из которых каждый казался ему нарушителем дисциплины. Так как всех пятерых наказать было неудобно, то из них, не без колебаний, выбран был один, который тут же и был вышечен в присутствии всего полка.

Такой способ расправы возмутил принца.

На другой же день он просил императора об увольнении его от командования полком и о назначении его на какую-либо гражданскую должность. Николай Павлович сделал его членом консультации при министерстве юстиции. Счастливый этим назначением, бывшим ему совершенно по душе, принц стал ревностно заниматься судебными делами, но в скором времени, к великому огорчению своему, он убедился, что дело юстиции не могло идти сколько-нибудь удовлетворительно за неимением на судебных должностях людей, юридически образованных и притом честных. Тогда пришла ему мысль учредить, не щадя значительных пожертвований из собственных средств, училище правоведения, принесшее судебному ведомству столько пользы.

Сегодня опубликован циркуляр нового министра внутренних дел, объясняющий взгляды правительства на внутренние дела. Циркуляр этот вовсе не согласен с видами Победоносцева, очень хорош и производит на всех самое лучшее впечатление. Говорят, он писан Игнатьевым совместно с Островским.

Несмотря на этот циркуляр, в обществе недовольны совершившейся переменой. В шутку называют главного ее виновника «Бедоносцевым».

8 мая.

Приехавший ко мне проститься граф Лорис-Меликов сказал, между прочим, что отказывается от мысли жить в Царском Селе, а едет в Гамбург, где займется приведением в порядок своих дел и бумаг и изложением того, чему был свидетелем со времени назначения своего начальником Верховной Распорядительной Комиссии. Все относящееся к минувшей войне и взятие Карса уже в порядке; это сделано им в то время, когда [он] был генерал-губернатором в Харькове. Записки Лориса, я думаю, будут интересны.

Мы естественно разговорились об Игнатьеве и его циркуляре. Лорис совершенно согласен со мною, что Победоносцев ошибся в расчете. «Вы увидите, Игнатьев пойдет дальше меня», — сказал он прощаясь.

9 мая.

Послезавтра, 11-го мая, последнее общее собрание Государственного Совета. Великий князь Константин Николаевич уезжает в тот же день вечером.

Был у меня Н. Х. Бунге по случаю назначения управляющим министерством финансов. Он очень сожалеет об уходе Абазы и говорит, что принял его наследство после долгих колебаний. Он намерен во всем идти по стопам Александра Аггеевича. Прежде всего он намерен заняться вопросом об отмене подушной подати и замене ее другими налогами.

Бунге — на мои глаза — умный, вообще — просвещенный и хороший человек. Только не был бы он скорее профессором, чем министром.

10 мая.

Мемория Государственного Совета по делу об обязательном выкупе и понижении выкупных платежей возвращена государем с особенною по ней резолюцией. Его величеством подписан указ и утверждено положение об обязательном выкупе; что же касается понижения выкупных платежей, то, утвердив главные основания и по этому вопросу, именно уменьшение платежей на 9 миллионов и сложение недоимок по ним до 14 миллионов, его величество, в виду спешного рассмотрения этого дела, изволил признать нужным, чтобы оно было пересмотрено вновь министрами внутренних дел, финансов и государственных имуществ, при участии экспертов по их выбору. Заключение этого совещания должно быть внесено в Государственный Совет к началу осенней сессии.

Резолюцию эту, возбуждавшую во мне много сомнений относительно возможности ее исполнения, я немедленно представил великому князю Константину Николаевичу, который был ею поражен и счел за глубокое оскорбление себе и Совету*. «Пора убраться по-добру, по-здорову», — сказал он.

Когда я объяснил, что резолюцию государя нельзя исполнить, между прочим, уже потому, что в утвержденном положении о выкупе есть статьи, относящиеся до понижения платежей, и что поэтому нам нужно сообразить, как лучше всего выйти из затруднения, — великий князь сказал: «Это ваше дело. К тому же я уезжаю завтра. Обратитесь, если хотите, к графу Баранову, который за моим отъездом будет временно исполнять обязанности председателя Государственного Совета». Об Игнатьеве, очевидном виновнике происшедшей беды, великий князь отозвался, что никогда бы не ожидал от него подобного поступка.

11 мая.

После общего собрания я, в присутствии великого князя, просил графа Баранова сделать тотчас же небольшое совещание из председателей департаментов, которыми обсуждалось выкупное дело, тех мини-

* Хотя учреждение Государственного Совета и предусматривает особенные резолюции императора, но на деле их почти никогда не было.

стров, на которых государь возложил дальнейшее его соображение, Сольского, как бывшего государственного секретаря, и меня, чтобы обсудить сообща, как лучше исполнить волю его величества по этому делу. Граф согласился, и мы тотчас же собрались. Я изложил все фактические трудности и предложил способы к их устранению. Игнатев, хотя и не подававший вида, что резолюция последовала по его жалобе на нас, был очень неприятно поражен тем, что ее нельзя исполнить. Собрание, выслушав меня, единогласно признало действительное существование многих встреченных мною затруднений, но, считая себя не компетентным к их разрешению, нашло наиболее правильным и удобным, чтобы я, по соглашению с министрами внутренних дел, финансов и государственных имуществ, вошел по этому предмету с особым всеподданнейшим докладом.

Тогда мы уговорились с Игнатьевым, Островским и Бунге съехаться на-днях у первого, для окончательного обсуждения всех возникающих вопросов.

После обеда уехал великий князь. Он желал, чтобы не было никаких официальных проводов. Несмотря на то, на станции железной дороги собралось довольно много близких его высочеству лиц как по морскому ведомству, так и по Государственному Совету. Из наших, кроме меня и всех статс-секретарей Совета, были: М. Х. Рейтерн, А. В. Головин, Д. Н. Набоков, С. А. Грейг, Д. М. Сольский, М. И. Любоцинский и, к общему удивлению, граф Н. П. Игнатев. Он приехал, как ни в чем не бывало, и чрезвычайно развязно беседовал со всеми.

С Игнатьевым великий князь был холоден: со всеми нами чрезвычайно любезен, целовал и обнимал каждого из нас и просил всех, а Головнина, Сольского и меня в особенности, почаще писать в Орианду. Его высочество рассказал, что после общего собрания пошел в комнаты покойного императора, а затем поехал в крепость на могилу — проститься. Великая княгиня Александра Иосифовна проводила великого князя до Москвы. Обратясь ко мне, ее высочество сказала, между прочим, грустным голосом: «*A départ est bien triste, n'est ce pas?*»²⁴.

15 мая.

Было совещание у Игнатьева по выкупному делу. Мы во всем согласились без особых споров, порешив, что лучше не издавать теперь отдельно указа и положения об обязательном выкупе, впредь до нового соображения вопроса о выкупных платежах. Министры признали также правильными замечания мои о невозможности с точностью определить цифру в 9 миллионов для понижения выкупных платежей и в 14 миллионов для сложения недоимки по ним.

Весьма интересен был ход совещания.

Мы сидели в кабинете Игнатьева и, за чаем и сигарами, обсуждали один вопрос за другим. Участвуя в наших суждениях, хозяин наш выбегал ежеминутно в другую комнату, отдавал приказания по разным делам, принимал просителей, отправлял ответы на получаемые телеграммы, одним словом, занимался разом многими серьезными делами. При этом он был весел, шутил и сообщал нам получавшиеся им во

время заседания наиболее важные известия, между прочим, по вопросу об избиении евреев в городах южной России; к счастью, известия эти были успокоительные, — движение против евреев остановилось.²⁵

Нет сомнения, что Игнатев — человек очень способный, беда только в том, что, смекая быстро, он недостаточно обдумывает предметы. Доказательством этого могут служить те промахи, в которые он ввел государя по выкупному делу.

В виду состоявшегося между нами соглашения, я должен теперь представить его величеству докладную записку о встретившихся затруднениях. Я буду просить разрешения доложить о них в подробности лично: неудобно прописывать все в докладе, который может огласиться.

18 мая.

Граф Д. А. Милютин заявил мне, что он оставляет министерство. Повод к этому подал сам государь, предложив ему место кавказского наместника. Граф не принял этого поста, но воспользовался случаем, чтобы просить об увольнении от должности военного министра. На вопрос мой о том, кто будет его преемником, Милютин отвечал, что, по всей вероятности, будет назначен ген.-ад. Ванновский, которого государь близко узнал во время минувшей войны. Его величество ставит Ванновскому задачей — возможное сокращение в расходах по военному ведомству. Далее Милютин передал мне, что хотя Ванновский не из его друзей, но он считает его человеком основательным. Желательно только, чтобы у него был хороший начальник главного штаба, так как новый министр, хорошо знающий службу и будучи вообще человеком практическим, не имеет серьезного военного образования. Лучше всех был бы Обручев, которого желает и Ванновский. К сожалению, государь не вполне доверяет ему. Впрочем, его величество не высказался еще окончательно.

20 мая.

Вчера вечером получил я, через Игнатьева, извещение, что государю угодно принять меня сегодня с докладом по выкупному делу. Приехав в Гатчину, я узнал, что и Игнатев там. Очевидно, его величество признал нужным принять нас вместе для того, чтобы могущие возникнуть с той или другой стороны обвинения могли тотчас же разъясниться. Игнатев очень опасался, чтобы я не очернил его: перед тем, чтобы идти к государю, он просил у меня позволения просмотреть мой доклад. Я охотно согласился на это, тем более, что в нем не было ни тени обвинений на кого бы то ни было.

Мы были приглашены в кабинет государя одновременно. Его величество принял нас милостиво и сказал мне, что очень сожалеет о происшедших недоразумениях, которые государь просил меня подробно изложить ему.

Я доложил, что основная мысль высочайшей резолюции совершенно ясна: его величеству угодно было утвердить все касающееся обязательного выкупа, а затем, по вопросу о понижении выкупных платежей, утвердить собственно лишь главные основания с тем, чтобы

все остальное было вновь пересмотрено тремя министрами, при участии экспертов, и было внесено в Государственный Совет будущей осенью.

«Совершенно так», — сказал государь.

Тогда я объяснил, что при исполнении этой высочайшей резолюции встретились серьезные затруднения и что, по случаю важности предмета, я счел необходимым просить исправляющего должность председателя Государственного Совета графа Баранова предварительно сообщить их коллегиально в совещании из председателей департаментов, трех министров, на которых государем возложено дальнейшее рассмотрение дела, бывшего государственного секретаря Сольского и меня. Совещание это, высказав некоторые общие указания по этому предмету, не признало, однако, себя компетентным к разрешению возникших сомнений и уполномочило меня, по соглашению с министрами, доложить о встреченных затруднениях его величеству, предложив при этом способы к их устранению.

Три министра и я пришли к полному соглашению по всем возникшим вопросам.

Первое и наиболее важное затруднение заключается в том, что государем подписан указ и утверждено положение об обязательном выкупе. Между тем в положении содержатся некоторые статьи, имеющие непосредственную связь с предположениями, его величеством еще не утвержденными: в них говорится о понижении выкупных платежей в селениях, в которых крестьянские земли до сих пор не выкуплены и будут подлежать выкупу только на основании издаваемого нового положения. Поэтому, впредь до утверждения закона о понижении выкупных платежей вообще, отдельное издание положения об обязательном выкупе в том виде, как оно изложено, оказывается невозможным. Государь понял, в чем дело и, взглянув искоса на Игнатьева — так, по крайней мере, мне показалось, — сказал: «Вот что выходит, когда дело делается слегка»*.

Затем, обратясь ко мне, его величество спросил: «Как же выйти из этой трудности?».

«К этому представляются два способа, — доложил я. — Во-первых, можно исключить из положения о выкупе все относящееся до понижения выкупных платежей и представить эту редакцию к новому утверждению вашего величества. Во-вторых, можно отложить все дело до осени. Три министра и я отдаем предпочтение последнему способу».

Только что собирался я объяснить, почему именно держимся мы такого взгляда, как государь сказал: «Я с этим совершенно согласен. Осторожнее отложить все до осени. Тогда, по крайней мере, будут целостность и единство. Беда не велика, если обязательный выкуп совершится тремя-четырьмя месяцами позднее».

Считая этот вопрос разрешенным, я перешел ко второму затруднению и доложил: «Ваше величество, оно состоит в том, что вам угодно было, согласно заключению Государственного Совета, назначить

* Быть-может, впрочем, что упрек относился не к Игнатьеву, а к великому князю Константину Николаевичу, которого Игнатьев и К^о обвиняли в слишком поспешном ведении дела.

общую цифру среднего понижения выкупных платежей в 9 миллионов рублей. Но, определяя эту цифру, Государственный Совет имел в виду одни лишь нечерноземные местности; в отношении же к селениям местностей черноземных в заключении Государственного Совета было особое постановление, которым представлялось министрам внутренних дел и финансов входить о них, в случае надобности, с особыми постановлениями, при чем необходимые для понижения суммы должны были отпускаться сверх общей суммы в 9 миллионов. В виду этого, при издании, согласно высочайшей воле, общего для всей России закона, едва ли желательно оставаться при прежней денежной норме, так как этим были бы стеснены размеры того благодеяния, которое вашему величеству угодно оказать крестьянскому населению».

«Вы правы, — сказал государь. — Но насколько же увеличить сумму? И можно ли сделать это без совещания с министром финансов и без обсуждения столь важного вопроса в департаменте экономики?» — «Ваше величество, — отвечал я, — эти затруднения были бы, действительно, весьма важны, если бы нами предлагалось назначить, вместо 9-ти миллионов рублей, какую-нибудь другую определенную цифру. Но мы не идем так далеко; мы не считаем даже возможным приступить к увеличению прежней нормы без собрания разных необходимых сведений. Министры и я ходатайствуем только о том, чтобы ваше величество разрешили, не указывая положительно на 9 миллионов рублей, употребить в изложении высочайшего повеления более общее выражение, которое, при дальнейшей разработке вопроса, не стеснило бы министров и Государственный Совет точно определенной цифрой».

«На это я охотно соглашусь. Какое же выражение предлагаете вы?».

«Мы полагали бы сказать, что ваше величество изволили утвердить основную мысль о ежегодном понижении выкупных платежей в принятых Государственным Советом общих размерах, разумея под этим как 9 миллионов, так и те суммы, которые могли бы потребоваться для нуждающихся селений в черноземных местностях».

«Хорошо», — сказал государь.

Игнатев прибавил по этому поводу: «Ваше величество, это будет благотворительно. Из предварительного совещания с управляющим государственным банком Ламанским я пришел к убеждению, что государственный банк может дать, вместо 9 миллионов, 12 миллионов рублей»*.

Государь отвечал: «Очень буду рад, если это окажется действительно возможным». Я продолжал: «Третье затруднение заключается в том, что в резолюции вашего величества назначена сумма сложения недоимок до 14 миллионов рублей. В заключении Государственного Совета суммы этой не встречается. Она определена лишь в соображениях его и притом приблизительно, потому что количество недоимок, подлежащих сложению, может быть определено с точностью только тогда, когда будет известно, в каких именно губерниях, уездах и даже селениях будут понижены выкупные платежи; в тех же селениях,

* По справкам, собранным мною потом, это оказалось неверным. Прибавку к 9 милл. руб. приходилось отпускать из государственного казначейства, так как банк не имел нужных на это сумм.

для которых эти платежи будут признаны необременительными и где поэтому они оставлены будут в прежнем размере, сложения недоимок не предполагается. В виду этого, казалось бы необходимым, не определяя точной цифры недоимок, сказать просто, что слагаются недоимки по выкупным платежам, накопившиеся в тех селениях, для которых платежи эти будут понижены».

«Да, это действительно так», — заметил государь. Игнатъев, вероятно, желая оправдать свою опрометчивость, вставил (или, правильнее, бухнул): «Ваше величество, цифра недоимок постоянно изменяется. Мне говорил управляющий министерством финансов, что уже теперь, со времени рассмотрения дела, она изменилась на два миллиона» (1).

Не знаю, заметил ли государь очевидную невозможность подобного возрастания недоимок в какие-нибудь две-три недели, когда за несколько лет они не составляют 15 миллионов. Его величество только посмотрел на Игнатъева и не сказал ни слова.

«Ваше величество, — продолжал я, — мне остается доложить еще об одном обстоятельстве. Независимо от издания положения об обязательном выкупе и правил о понижении выкупных платежей, Государственный Совет признавал полезным сделать различные облегчения в законах, касающихся крестьян, так, например, возбуждены были вопросы о том, не следует ли: отменить круговую поруку крестьянских обществ, облегчить отлучки крестьян для заработков, предоставить нуждающимся свободные казенные земли в малоземельных общинах, облегчить им приобретение частных земель посредством доставления доступного кредита, облегчить переселение в многоземельные общины и т. п. Но так как все эти [вопросы?] не могли быть разрешены немедленно, то и [пред]полагалось поручить подлежащим министрам подробную разработку их, для внесения предположений по этим предметам в непродолжительном времени на рассмотрение Государственного Совета. В резолюции вашего величества относительно этих вопросов ничего не сказано. Угодно ли вам утвердить заключение Совета?».

«Конечно. Разработка этих вопросов может быть только полезна. Я не знал, что и по этому предмету нужно мое утверждение... Имеете вы доложить еще о чем-нибудь?».

«Я должен еще испросить указаний вашего величества относительно того, какие из принятых вами решений должны быть оглашены в общее сведение и какие нет».

«Этот вопрос меня интересует чрезвычайно, — сказал государь. — Я сам хотел спросить вас, не следует ли обнародовать что-либо по настоящему делу? О нем так много говорили и писали в газетах, даже о том, что оно прошло в Государственном Совете, что едва ли возможно не сказать теперь ни слова».

«Ваше императорское величество, совещанием нашим было обращено на эту сторону дела особое внимание. После некоторых суждений, довольно продолжительных, мы пришли к единогласному заключению, что ничего не говорить — нельзя, по тем самым причинам, на которые ваше величество изволили указывать. Затем, с другой стороны, о последовавшем уже высочайшем утверждении обязательного выкупа и главных оснований понижения выкупных платежей объявлять было бы опасно, так как простой народ мог бы понять это в том

смысле, что обе эти благотворительные для него меры, государем подписанные, не приводятся в исполнение вследствие происков помещиков и злоупотреблений со стороны чиновников. При нынешних трудных обстоятельствах и в виду превратных толков, распространяемых социалистами при всяком сколько-нибудь удобном к тому случае, подобное оглашение могло бы подать повод к серьезным волнениям между крестьянами».

«Справедливо», — сказал государь.

«Вследствие всего этого мы признавали бы с своей стороны полезным огласить в «Правительственном Вестнике», так сказать, только причину замедления в разрешении настоящего дела. Мы полагали бы сказать, что по внесенным в Государственный Совет предположениям о понижении выкупных платежей в некоторых местностях ваше величество, в видах более подробного и всестороннего соображения этого вопроса, изволили повелеть: сообразить его вновь в особом совещании из министров внутренних дел, финансов и государственных имуществ, при участии экспертов, приглашенных по их выбору, и с тем, чтобы заключение совещания внесено было [в] Государственный Совет к 15 сентября. Таким образом, будет ясно для всех, в каком положении находится дело, а между тем публикация эта не может, кажется, подать повода к каким-либо превратным толкованиям».

Государь изъявил на это согласие. Затем его величество спросил меня: «А о поручениях министрам насчет разработки вопросов об отмене круговой поруки, об отводе нуждающимся крестьянам казенных земель, об облегчении переселения и проч. вы не будете говорить из предосторожности, чтобы не возбуждать толков?».

«Совершенно так, ваше величество. Даже Государственный Совет, рассуждая об этих вопросах, не признал возможным огласить свои предположения в общее сведение, дабы не породить в народе ожиданий, быть может напрасных и во всяком случае преувеличенных».

«Еще один вопрос, — сказал государь. — Куда будут внесены предположения совещания: в Главный ли Комитет сельского состояния или прямо в общее собрание Государственного Совета?». Я отвечал, что по учреждению Государственного Совета возможно и то, и другое, так как, в случае высочайшего о том повеления, дела могут быть вносимы и непосредственно в общее собрание Совета, но что я позволяю себе просить его величество не прибегать к этому экстремному способу, довольно опасному в отношении дел, сколько-нибудь сложных. Несравненно лучше обсудить дело в двух инстанциях: сначала в усиленном Главном Комитете, т.-е. в соединениях его с департаментами законов и экономики, а потом в общем собрании. Тогда дело будет рассмотрено несравненно обстоятельнее. Общему же собранию трудно было бы высказаться по вопросам, предварительно не обсужденным».

Игнатъев поддержал меня.

«Хорошо, — сказал государь, — только позаботьтесь, чтобы дело не затянулось». Я сказал, что приму все зависящие от меня меры к тому, чтобы новый проект доложен был вслед за его внесением.

Доклад мой был кончен. По моей просьбе государь утвердил собственноручно как докладную мою записку, так и представленный мною проект высочайшего повеления. Затем его величество встал,

подал мне руку и поблагодарил меня. Обратясь потом к Игнатьеву, государь сказал: «Николай Павлович, доклад ваш по министерству внутренних дел я приму послезавтра, теперь уже поздно (было уже более четверти второго); пойдите со мной».

Игнатьев, разумеется, был очень счастлив приглашению. К крайнему удивлению моему, [он], несмотря на привычку к царям, держал себя в отношении к государю, по крайней мере, на мой взгляд, довольно странно: когда говорил, он постоянно наклонялся вперед, смотрел заискивающим образом в глаза и т. п. Я, человек далеко не столь близкий, держал себя при докладе несравненно свободнее.

Государь во время доклада слушал объяснения наши очень внимательно и, очевидно, старался вникнуть в суть каждого вопроса. При этом заметно было, что его величество не совсем еще вошел в свою роль, — он часто конфузился...

На станции железной дороги встретился я с министрами, также имевшими в это утро доклады у государя: бароном Николаи, Набоковым, Пещуровым (управляющим морским министерством). Последний сообщил нерадостную весть о великом князе Константине Николаевиче. Государь призвал сегодня Пещурова и сказал ему, что, не получая никаких заявлений от самого великого князя, его величество намерен сделать, и без такого заявления, распоряжение по флоту в том смысле, что заведывание им возлагается на великого князя Алексея Александровича. По словам Пещурова, великий князь Алексей Александрович, также прибывший сегодня в Гатчину (по случаю дня своего рождения), был поражен этой вестью и упрасивал государя не делать такого распоряжения или же, если решение его величества неизменное, — соблюсти, по крайней мере, все необходимые формы приличия в отношении к великому князю Константину Николаевичу. После долгих переговоров государь решил поручить Алексею Александровичу заведывание флотом временно, впредь до возвращения Константина Николаевича, между тем, к нему будет, вероятно, командирован в Орианду Головнин, чтобы убедить его высочество просить самому об увольнении.

25 мая.

В городе настойчиво держится слух о том, будто бы Сольский покидает пост государственного контролера. Встревоженный этим, я и поехал к нему, чтобы узнать истину. Дмитрий Мартынович сказал мне, что и до него слух этот доходит с разных сторон; что, между тем, он сам не подавал к тому никакого повода, так как должностью своей чрезвычайно доволен и не променял бы ее ни на какую другую. Трудно предполагать, с другой стороны, чтобы государь желал уволить его. Его величество к нему весьма благосклонен. Не далее как сегодня Сольский был в Гатчине с всеподданнейшим докладом, и государь говорил с ним о контроле в таком тоне, который был бы совершенно нектати по отношению к лицу, увольняемому от должности государственного контролера. Его величество придает контролю весьма важное значение, и желает, чтобы он, не ограничиваясь проверкою отчетности по произведенным уже расходам, следил за правильностью разных заготовок, так сказать, предупреждал злоупотребления.

Сольский был очень этим обрадован, так как и сам считал это необходимым, а потому просил о разрешении сообщить о взглядах его величества своим подчиненным в особом циркуляре, для разъяснения им их обязанностей и поощрения их к возможно лучшему исполнению последних. Государь согласился. Со всех сторон слышно о намерениях его величества соблюдать возможную бережливость в расходах.

26 мая.

А. В. Головнин заехал ко мне и сообщил, что был призван в Гатчину к государю. Его величество принял его очень любезно и начал с того, что пригласил к себе Александра Васильевича как лицо, наиболее близкое к великому князю Константину Николаевичу, которому необходимо передать конфиденциально некоторые мысли и намерения его величества. Государь находит, что новые обстоятельства требуют и новых государственных деятелей. Поэтому его величество желает назначить другие лица во главе Государственного Совета и морского ведомства. Великому князю это известно, но он не хочет просить об увольнении, говоря, что не может сделать этого, в виду завета своего отца императора Николая Павловича, сказавшего ему, что великие князья должны всегда служить императору и не отказываться ни от какой службы. Государь находит, что вообще это очень похвально, но что речь идет не о выходе в отставку, а только об оставлении двух вышеуказанных должностей, все же прочие останутся за великим князем. В заключение его величество поручил Головнину написать в Орианду от его имени и просить великого князя облегчить государю трудное его положение, так как он желал бы сказать в указе, что великий князь увольняется по собственной просьбе.

27 мая.

По случаю разрешенного мне государем отпуска на лето в Гапсаль я откланивался сегодня их величествам. Императрица была очень милостива и любезна; она вспоминала о том, как счастливо и спокойно прожили они прошлое лето в Гапсале, куда теперь, к прискорбию, уже ехать нельзя.

Во время бытности моей внизу у императрицы государь желал принять меня в кабинете, но так как дежурный флигель-адъютант доложил, что меня не было, то его величество принял меня потом, вместе с другими представлявшимися, сказав мне несколько совершенно малозначущих слов. На общем приеме государю, с непривычки, было, очевидно, не по себе; его смущало говорить во всеуслышание.

Гапсаль, 8 июня.

Получил два письма от Головнина. В одном он сообщает, что получил от великого князя ответ, вполне сообразный желаниям, везет его в Петергоф его величеству; в другом же письме, отправленном на следующий день, говорит, что ответ произвел на государя хорошее впечатление, что его величество намерен сам писать великому князю

и оставил у себя представленные Головинным копии с рескриптов, данных великому князю покойным государем.

Слава богу, что уход великого князя, к сожалению, — необходимый совершился, по крайней мере, прилично.

15 июля.

Исправляющий мою должность Н. М. Рембелинский прислал мне две телеграммы, извещающая в первой об увольнении великого князя Константина Николаевича, а во второй — о последовавшем на другой день назначении председателем Государственного Совета великого князя Михаила Николаевича.

23 июля.

Получив вторую телеграмму Рембелинского, я почти немедленно отправился в Петербург, чтобы представиться новому председателю Государственного Совета.

Его высочество принял меня ласково вместе с графом Э. Т. Барановым, исполнявшим обязанности председателя Государственного Совета со времени отъезда великого князя Константина Николаевича. Мы около часу побеседовали втроем о некоторых общих вопросах, касающихся деятельности Совета, затем великий князь повел нас к великой княгине, которая пригласила нас завтракать и была очень любезна. Сидя подле ее высочества, я почти все время беседовал и, между прочим, спросил, довольна ли она новым назначением великого князя. «Je ne sais pas encore, — отвечала ее высочество, — nous verrons. Quand à présent, je puis dire seulement que je suis enchantée de ne plus revenir au Caucase. C'est affreux de ne pas avoir de société; on y est entouré rien que de subordonnés. Au Caucase il n'y avait personne avec qui sincèrement, comme on dit: «душу отвести».²⁶

Далее, зная, что великая княгиня имеет на великого князя большое влияние и бывает часто недовольна окружающими его лицами, я сказал шутивым тоном: «J'ai grand peur, madame. On dit que votre altesse est très difficile à contenter».

«Vraiment, on le dit? C'est possible»²⁷.

Тогда я спросил в том же тоне, бывает ли, по крайней мере, заметно, если кто-либо имеет несчастье не нравиться ее высочеству.

«Mais je crois bien que cela se voit. Je n'ai pas le talent de cacher mes sentiments».

«C'est très heureux, madame. Au moins on sait à quoi s'en tenir».²⁸

Великая княгиня рассмеялась. Дай бог, чтобы мне не пришлось испытать на себе ее нерасположения!

После завтрака великий князь предложил мне курить и повел показывать дворец (Михайловское) и окружающий его парк. Во время осмотра Михаил Николаевич сказал мне: «Вы говорили за завтраком с великой княгиней о Кавказе. К сожалению, она его не любит. Несмотря на то, что мы живем душа в душу, во вкусах и склонностях наших большое различие: для меня всегда на первом плане — природа, а потом уже люди. Для жены моей — наоборот: сначала общество, ей приятное, а потом уже природа, хотя бы в роде здешней

петергофской». Откланявшись потом великой княгине и всему семейству, я сказал великому князю, что имею доложить ему о некоторых предметах, о которых не мог говорить при графе Баранове.

«Я к вашим услугам, — сказал великий князь. — Пойдемте в кабинет». Граф Баранов, между тем, уехал.

Доложив о разных вопросах, я перешел к очень щекотливому, а именно о том, желает ли его высочество, получавший до сих пор содержание по должности наместника, получать оклад по должности председателя Государственного Совета. «Великий князь Константин Николаевич такого оклада не получал, а если желаете, то должен ли я переговорить об этом с министром финансов?».

К великой моей радости, великий князь отвечал: «Нет, как брат мой не получал содержания, так и я не хочу получать его. На Кавказе было другое дело. Там я представлял собою особу государя, должен был принимать и принимать роскошно. Собственных моих средств на это не достало бы. Мне отпускалось из казны 100.000 рублей, а я проживал несравненно больше. В Петербурге у меня не будет этих расходов. Поэтому содержание мне теперь не пужно».

Затем великий князь сообщил мне, что имеет право на небольшой оклад по званию генерал-фельдцейхмейстера, но не берет его, оставляя эти деньги в пользу беднейших артиллерийских чинов. Точно так же поступает великий князь Константин Николаевич с генерал-адмиральским окладом.

Когда вопрос о содержании был исчерпан, я обратился к наиболее интересовавшему меня вопросу о том, имеет ли великий князь ко мне доверие. Приступая к этому предмету, я начал с того, что хотя, по учреждению Государственного Совета, должность государственного секретаря вполне самостоятельная, но что я знаю по опыту, как близко его отношение к председателю, что, в сущности, государственный секретарь есть ближайший помощник его и что потому дела не могут идти хорошо, когда между председателем и государственным секретарем нет полного доверия и согласия. Положение государственного секретаря становится в таком случае еще более затруднительным тогда, как пост занимает великий князь, брат или дядя государя. В виду всего этого, я убедительно просил его высочество сказать мне с полной откровенностью, не имеет ли он в виду какое-либо другое лицо, с которым ему приятнее было бы работать, к которому более привык и питает то доверие, которого я не имел еще возможности заслужить.

В таком случае я, — несмотря на то, что очень дорожу своею должностью, — не только бы не обиделся, но сделал бы с своей стороны все от меня зависящее, чтобы облегчить моему преемнику ознакомление с нашими делами и порядками, и вообще озаботился бы тем, чтобы перемена совершилась нечувствительно.

Великий князь выслушал меня очень внимательно и спокойно. Когда я кончил, его высочество сказал мне: «Я могу только благодарить вас за ваше откровенное и благородное объяснение. Надеюсь, что и вперед вы всегда будете со мной откровенны. Но вместе с тем я должен вам сказать, что не только никого не имею, к кому бы питал более доверия, чем к вам, но был бы в большом затруднении, если бы вы не захотели оставаться на должности государственного

секретаря. Я в делах Государственного Совета тоже совершенно неопытен; вы, напротив, знаете их отлично. Как же мне расставаться с вами? Это было бы просто глупостью с моей стороны... Вы говорите о необходимости полного между нами доверия. Я совершенно с вами согласен. Но разве я не показал вам еще три года тому назад, что имею к вам такое доверие? Помните, после ухода барона Николаи я предлагал вам должность начальника гражданского управления на Кавказе, которую вы не приняли? Если бы я не имел к вам доверия, то, конечно, не предложил бы вам этой должности... Простите за откровенность, но, несмотря на то, что я знал вас лично, я тогда собирал об вас самые подробные справки от разных лиц. Все отзывы были наилучшие. Хотя иные и обвиняли вас в некоторой красноте, но это относилось к давно прошедшему, к началу вашей служебной деятельности, а затем все соглашалось в том, что теперь в вас никакой красноты нет. Далее, брат Константин Николаевич вас очень любил и уважал. Еще в самое последнее время, при свидании нашем в Крыму, он неоднократно говорил мне, что я найду в вас отличного сотрудника, заслуживающего полного доверия. Наконец, покойный государь тоже любил вас и доверял вам, — это я знаю наверное, из собственных его слов. Сколько я знаю, и нынешний государь смотрит на вас так же. Итак, вы видите, что нет ни малейшего повода нам разлучаться». И великий князь дружески подал мне руку.

Я искренно поблагодарил за все сообщенное мне его высочеством и попросил, чтобы в случае перемены мнения на мой счет и вообще в случае какого-либо неудовольствия, его высочество сказал мне это прямо вполне откровенно. Великий князь обещал мне это, прибавив: «Надеюсь, что в этом не будет надобности».

В дальнейшей беседе я сказал великому князю, что не вполне уверен в расположении ко мне нынешнего государя. Хотя, будучи наследником престола, его величество был ко мне очень милостив, но теперь обстоятельства иные. При последнем моем представлении перед отъездом в Гапсаль мне показалось, что государь был со мной холоден. Правда, я немного мнителен и обидчив. Но может быть и то, что Победоносцев и К^о наговорили что-либо на меня, а может быть также, что на меня, как на человека близкого великому князю Константину Николаевичу, распространяется немилость государя к его высочеству.

«Не думаю — сказал великий князь. — Государь не любит брата вовсе не за деятельность его по Государственному Совету, а исключительно по трем причинам: во-1-х, за морское ведомство, по которому взгляды их совершенно расходятся и где брат, надо сознаться, вовсе неправ; во-2-х, за резкий тон брата и то неуважение, которое он часто оказывал многим заслуженным лицам; наконец, в-3-х, и это чуть ли не главное, за связь его с Кузнецовой».

«Государь придает чрезвычайную цену согласной и нравственной семейной жизни. К несчастью, он, по близкому опыту, знает, к чему приводят подобные связи. Притом он и императрица живут, как два голубка, по согласию, по взаимной любви и по чистоте. Он желал бы, чтоб и все другие жили так же. А брат Константин Николаевич подает пример совершенно другого... При случае я постараюсь вывести у государя мнение его о вас. Мне это будет нетрудно». Перейдя затем

к новостям дня, великий князь сообщил мне, что никем не ожидаемое путешествие государя в Москву производит всюду самое лучшее впечатление; что теперь все, повидимому, спокойно, и что главная в настоящее время беда — интриги и несогласия между окружающими государя.

Воронцов не ладит [ни] с Игнатьевым, ни с Барановым (не с графом Эдуардом Трофимовичем, а с градоначальником). Игнатьев не любит Воронцова, с Барановым он даже не видится. Баранов, весьма многим обязанный Воронцову, позволяет себе в отношении к нему прямые дерзости. С тех пор как государь, по просьбе Воронцова, сказал Баранову, что полиция безопасности в загородных местах пребывания его величества принадлежит исключительно Воронцову, Баранов не только перестал бывать у последнего, — а прежде он торчал у него чуть не в передней, — но даже написал ему прегрубо, что просит выслать в Петербург пять находившихся в Петергофе лучших полицейских агентов, по той причине, что люди эти, хотя и отличные, могут приносить действительную пользу только под руководством его самого, т.-е. Баранова. Иными словами, он сказал Воронцову дурака. Я спросил о Победоносцеве. Великий князь отвечал, что не может сказать ничего определенного о степени его влияния. Кажется, оно ослабло; к этому он прибавил: «Нечего сказать, хорош и Победоносцев! Что сделал он? В теории — очень много, можно заслушаться его; а на деле только одно — создал Баранова. Большое ему за это спасибо».

В четвертом часу я откланялся и уехал, получив разрешение великого князя вернуться к семейству в Гапсаль, так как в течение вакантного времени в Государственном Совете нет ничего особенного, в случае же какой-либо надобности я просил вызвать меня по телеграфу. Из Михайловского поехал я в Стрельну к великой княгине Александре Иосифовне. Мне казалось необходимым быть у нее по случаю опалы, постигшей великого князя Константина Николаевича, чтобы выразить свое сочувствие их горю и поблагодарить за всегдашнюю доброту ко мне. Великая княгиня приняла меня более чем милостиво. Больно было смотреть на нее. Она плакала чуть не навзрыд, рассказывая о старшем сыне, сосланном в Ташкент²⁹, а потом об увольнении мужа, которого официальное положение, по словам ее высочества, теперь окончательно разрушено.

«А много ли таких людей? — говорила она (по-французски). — Кто может сравняться с ним по уму, по способностям, по образованию?.. Никто. Я никогда не видывала человека, который мог бы, хотя приблизительно, померяться с великим князем. А трудолюбие его, а любовь к добру, а бескорыстие? Многие из тех, которые кричали против моего мужа, сами знают, что они клеветали на него. И несмотря на то, я скажу, что даже люди, любящие великого князя и преданные ему, не знают всех его качеств и заслуг. Только история, вполне беспристрастная, покажет его в настоящем свете».

«Конечно, главная вина моего мужа — его резкость. Я всегда говорила ему это. Но разве резкость — преступление? Разве за это прогоняют способных и достойных государственных людей? Надобно быть выше этого... Но если уж два Романова, племянник и дядя, не могут жить в ладах, то на все есть средства приличные. Разве можно уволить

своего дядю, лучшего друга и сотрудника своего отца, — просто указом, бросить его, как старую перчатку? Это — верх неприличия. . . На-днях у меня была императрица, — она часто навещает меня, — и я почти в тех же выражениях высказала ей все это. Знаете, что она ответила мне? Императрица сказала: «*Liebe Sanny* (так зовут великую княгиню в семействе), *ich achte dich für deine Offenherzigkeit*». ³⁰

Я старался успокоить великую княгиню насколько мог, говоря, что знаю наверное, что государь хотел сам написать великому князю. «Однако он этого до сих пор не сделал». Я продолжал: «Не далее, как сегодня утром, мне говорил граф Баранов, что на вопрос его: не будет ли великому князю рескрипта, государь отвечал, что рескрипт будет к 22 августа — дню 50-летнего юбилея великого князя в звании генерал-адмирала».

Известие это несколько смягчило раздражение великой княгини, чувствующей себя смертельно оскорбленной за мужа. . . Затем Александра Иосифовна перешла к отношениям моим к великому князю, сообщила мне много лестных отзывов на мой счет и в заключение сказала, что ценит по достоинству сегодняшний проезд мой, так как обыкновенно спешат к восходящим светилам, а о заходящих и не думают. Пожав мне руку весьма благосклонно, великая княгиня сказала мне на прощание. «*Votre visite d'aujourd'hui fera bien plaisir au grand duc — c'est un acte chevaleresque de votre part*». ³¹

Я уехал совершенно растроганный и благодарил бога за то, что возымел мысль посетить великую княгиню.

К обеду поехал я в Петергоф к Рембелинскому, с которым мы переговорами подробно о всех наших делах. Вечер я провел в Петергофе же у Сольских. Приняли они меня весьма радушно. Из новостей рассказали они мне, между прочим, что М. Е. Ковалевский, возвратившийся на-днях с ревизии, был у государя с докладом и откровенно рассказал его величеству о злоупотреблениях, совершавшихся по раздаче земель в Уфимской губернии если не самим Валуевым, то, во всяком случае, с его ведома.

Государь был так возмущен, что Ковалевский признал даже необходимым упрощать его величество не делать теперь скандала в отношении к Валуеву, впредь до рассмотрения официального отчета.

Интересную весть сообщил мне Сольский про Игнатьева. Князь Горчаков приезжал в начале лета с намерением просить увольнения от министерства иностранных дел. Игнатьев убедил его не делать этого под тем предлогом, что будто бы обаяние одного имени канцлера поддержит наш авторитет в дипломатическом мире. Естественно, что Горчаков, самолюбивый до-нельзя, и притом очень дорожающий своим 40-тысячным окладом, охотно поддался этим убеждениям. Затем, когда Горчаков сказал государю, что намерен еще нести, пока силы позволят, бремя управления министерством, Игнатьев стал чуть ли не ежедневно рассказывать князю, что положение наше ужасно, что каждый день можно ожидать нового покушения на жизнь императора, избияния всех образованных людей и разрушения лучших частей Петербурга. Напуганный всем этим, Горчаков отправился опять за границу. Цель Игнатьева — сохранить пока вакантным для себя пост министра иностранных дел, более спокойный и более соответствующий вкусам Игнатьева,

чем нынешний его пост. Избави нас бог от этого назначения! Игнатьев непременно вовлек бы нас в войну.

Все это Сольский знает от Н. К. Гирса, которому передавал слова Игнатьева сам Горчаков, не догадывавшийся о сыгранной с ним комедии. Гирс в отчаянии. Не говоря уже о том, что он сам не прочь быть министром с великолепным помещением и 40-тысячным окладом содержания, нынешнее его положение ужасное: он исправляет три должности одновременно: директора азиатского департамента, товарища министра и управляющего министерством. Денежные его средства весьма скудны, а между тем он должен вывозить дочерей и принимать у себя дипломатический корпус. Понятно, что за недостатком денег это делается крайне скромно. Поэтому послы, особенно германский — Швейниц, смотрят на него несколько свысока.

Следующим утром, т.-е. в воскресенье, 19 июля, поехал я в Царское Село к А. В. Головнину. Он вновь сообщил мне ход переговоров об увольнении великого князя, который лучше всего виден из переданных мне в копиях следующих бумаг:

1. Донесение статс-секретаря Головнина великому князю Константину Николаевичу из Петербурга от 24 мая 1881 г. *

«Ваше императорское высочество.

Получив высочайшее повеление явиться 3 мая к государю императору в Гатчину, я был принят в 11½ ч. утра. Его императорское величество изволил приказать мне написать вашему высочеству с морским курьером ** и, по получении ответа, представить оный его величеству.

Государь изволил сказать мне, что нынешние совершенно новые обстоятельства требуют новых государственных деятелей, что вследствие этого состоялись по высшему управлению новые назначения, и что его величество желает, чтоб вы облегчили ему распоряжения, выразив готовность вашу оставить управление флотом и морским ведомством и председательствование в Государственном Совете.

Государь находит весьма благородною и достойною уважения мысль, что великие князья должны служить всю жизнь, но полагает, что великие князья не могут проситься в отставку, но, конечно, в праве выражать желание оставить ту или другую должность. Звание генерал-адмирала, как пожизненное, генерал-адъютанта, члена Совета, председателя комитета о раненых и вообще все почетное должно оставаться. По получении ответа на это письмо, государь сам будет писать вам. Его величеству весьма не хотелось бы произвести тяжелое впечатление, не сказав в указе «согласно желанию». Сверх того, государь желал бы, чтоб вы отдохнули, успокоились и чтобы ваше высочество, вполне располагая своим временем, не считали себя обязанным торопиться в Петербург.

* Донесение это официальное. Оно сопровождалось частным письмом.

** Адъютант вел. кн. Гуляев.

Смею надеяться, что ваше императорское высочество поймете чувство покорности и скорби, с которым я исполняю данное мне повеление.

Вашему императорскому высочеству душевно преданный
Головнин».

2. Письмо великого князя Константина Николаевича А. В. Головнину из Орианды от 28 мая 1881 г. «Любезнейший Александр Васильевич.

Письмо твое от 24 мая, в котором ты передаешь мне твой разговор накануне с государем, я получил через моего адъютанта Гүляева сегодня утром. Всем происходившим, начиная с несчастного 1-го марта, я уже был подготовлен к этой развязке и успел вполне к ней приготовиться. Если его величество находит, что в виду теперешних новых обстоятельств нужны и новые государственные деятели, то я вполне преклоняюсь перед его волею, нисколько не намерен ей препятствовать, и поэтому желаю и прошу его ни в чем не стесняться в распоряжениях его об увольнении меня от каких ему угодно должностей. Занимал я их по избранию и доверию покойных двух незабвенных государей, моего отца и моего брата. Морским ведомством я управлял 29 лет, в Государственном Совете председательствовал 16½ лет, крестьянское дело вел 20 лет с самого дня объявления манифеста. Если в виду теперешних новых обстоятельств эта долговременная 37-летняя служба, в которой я, по совести, кое-какую пользу принес, оказывается ныне больше ненужною, то, повторяю, прошу его величество ничем не стесняться и уволить меня от тех должностей, какие ему угодно. И вдали от деятельности службы и от столицы, в моей груди, пока я жив, будет продолжать биться то же сердце, горячо преданное матушке-России, ее государю и ее флоту, с которым я сроднился и сросся в течение 50 лет.

Моя политическая жизнь этим кончается, но я уношу с собою совесть свято-исполненного долга, хотя с сожалением, что не успел принести всей той пользы, которую надеялся и желал.

Искренно тебя любящий

Константин».

3. Письмо А. В. Головнина к великому князю Константину Николаевичу из Царского Села от 7 июня 1881 г.

«Настоящее письмо пишу для отправления с Милютиным, в дополнение к посланному сегодня по почте о поездке моей вчера в Петергоф. Государь приказал мне прочесть ваше ответное мне письмо, а потом мое письмо, и, повидимому, остался доволен; сказал, что понимает, что все это должно быть вам неприятно, но надеется, что обстоятельства изменятся, ваше раздражение успокоится, и вы будете полезны на разных должностях; а что вследствие вашего письма можно будет сказать «согласно прощению». Я доложил, что в моем письме сказано, что государь сам изволил писать вашему высочеству, что я не знал, как его величество полагает писать: письмом или рескриптом, и что поэтому я привез материалы для последнего, а именно, копии с рескриптов

покойного государя и описание приема Государственного Совета покойным государем, когда его величество назвал ваше высочество своим главным помощником по крестьянскому делу. Государь сказал, что напишет вам теперь сам и оставил у себя ваше письмо, копию моего письма и материалы и спросил, нужно ли возвращать мне эти материалы. Я, конечно, отвечал отрицательно и прибавил, что осмеливаюсь *faire une indiscretion*³² — что мне известно давнишнее желание ваше получить в 50-летний юбилей генерал-адмиральства, для ношения в петлице, портрет великого деда его величества, того государя, который пожаловал вам звание генерал-адмирала. Государь как-то оживился и спросил, и прежде ли вы имели это желание, на что я ответил утвердительно.

Затем я сказал, что вашему высочеству неясно выражение в моем письме: «не торопиться возвращением» и что вы изволите спрашивать: означает ли это свободу на зиму или намек на то, чтобы не приезжать к юбилею? Государь отвечал, что не может помешать вашему возвращению, но полагает, что вам самим было бы это в настоящее время неприятно. Тем аудиенция кончилась. Государь еще говорил, что воротился великий князь Михаил Николаевич, который говорил его величеству, что на «Ливадии» качка нечувствительна, но что неприятны удары и содрогания яхты, которые, впрочем, не мешали его высочеству спать спокойно.

К этому я осмелюсь от себя прибавить, что по собственному опыту знаю, как тяжело министру на первых порах после оставления должности находиться в Петербурге и близко видеть, как ломается все, что он сделал, критикуется то, что сделано, что время успокаивает и дает равнодушие. Поэтому лучше приобрести несколько равнодушия и тогда приехать. Если бы я мог вернуть прошедшее, то поступил бы таким образом и сохранил бы тем самым много здоровья и спокойствия. Мне кажется, что Милютин хорошо делает, что не хочет теперь возвращаться».

4. Записка, посланная Головниным государю 29 июня 1881 г.

«Великий князь генерал-адмирал в письме статс-секретарю Головнину из Орианды от 20 — 22 июня 1881 г. *, которое Головнин получил в Москве 26 июня, выражает желание быть поскорее уволенным и находит ожидание и неизвестность мучительными. Он говорит: «Особенно не желал бы я теперь, чтоб мое увольнение приурочили к моему юбилею. Не томите, ради бога, долгим бесполезным ожиданием, а решайте дело скорее».

Далее, его высочество пишет:

«Для того, чтобы мне жить в покое, необходимо, чтоб было как-нибудь и где-нибудь выражено, что я имею право жить, где мне угодно, как в России, так и за границей.

«Ты ведь знаешь, что у меня денег очень немного, и что при обыкновенной жизни мы едва сводили концы с концами. Теперь же

* Письмо это нельзя было представить его величеству в подлиннике.

приходится мне очень жутко. Чтоб иметь достаточные средства, необходимо иметь возможность упразднить в Петербурге большую часть двора, прислуги и конюшни, а для этого и необходимо получить право жизни, где мне угодно. Все лето и всю осень я намерен, разумеется, остаться в Орианде, но где жить зиму — that is the question.³³

«Полагаю остановиться на выборе Ниццы. Об этом мы долго говорили с Ив. Шестаковым, который, кажется, лет девять там прожил и говорит, что там можно жить и дешево, и скромно, но в то же время приятно».

Головнин не скрыл перед генерал-адмиралом свою нескромность, а именно, что проговорился о желании его высочества получить к юбилею портрет государя Николая Павловича. На это великий князь пишет: «Я желал бы получить портрет двойной — батюшки и брата, потому что при одном я получил звание генерал-адмирала, а при другом его исполнял 26 лет. А ты говорил государю только про портрет его деда. Нет, не одного деда, но непременно и отца. Tirez moi cela au clair».³⁴

5. Приложение к записке, посланной государю 29 июня 1881 г.

«Если бы угодно было исполнить желания генерал-адмирала, изложенные в прилагаемой записке (выше помещенной), оставалось бы:

1) Ныне же отдать в приказах, что, по желанию великого князя генерал-адмирала, его императорское высочество увольняется от таких-то должностей, с оставлением при прочих должностях и званиях, и разрешается ему отпуск в разные губернии и за границу, с возвращением каждый раз по собственному усмотрению.

2) К юбилею генерал-адмиралства при рескрипте пожаловать двойной портрет императора Николая Павловича и покойного государя.

Может-быть, по примеру отправления в Ниццу к юбилею князя Горчакова двух чиновников, признано будет приличным, чтобы несколько представителей флота и морского министерства отвезли его высочеству означенные рескрипты и портрет».

Передав мне все эти бумаги, А. В. Головнин сообщил мне некоторые подробности вторичного свидания своего с государем, когда он привез его величеству ответ великого князя. Как выше было замечено, государь остался ответом доволен. Пользуясь этим, Головнин сказал: «Ваше величество, великий князь Константин Николаевич — глубоко несчастный человек».

«Почему?».

«По двум причинам, государь:

«Во-первых, в отношении семейном: его высочество без ума любил и любит своего старшего сына Николая Константиновича и не щадил ни забот, ни личных трудов для хорошего его воспитания. И что же вышло из этого молодого человека? Вышло то, что, отчасти вследствие природной наследственной болезни, он так унизился и пал нравственно, что необходимо было принять относительно него самые строгие меры; меры, небывалые по отношению к члену императорского дома. Ваше величество, разве это не самое ужасное несчастье для отца, любящего своего сына?».

«Ваша правда, это большое несчастье. Хуже его не может ничего быть», — сказал государь с чувством.

«Во-вторых, ваше величество, великий князь чрезвычайно несчастлив и как государственный деятель. Преисполненный лучших намерений, горячо желая добра, его высочество всею душою предан служению великим видам покойного родителя вашего по освобождению крестьян. Быть-может, он был несколько горяч и резок, но, в сущности, был всегда справедлив и желал возможно лучшего разрешения этого жизненного для России вопроса. И что же? В обществе прославили великого князя красным, революционером... Затем, через несколько лет, по случаю возникших в Царстве Польском затруднений разного рода, покойный государь пожелал испытать возможность либеральной политики в Царстве. Считаю долгом обратить внимание вашего величества на то, что великий князь не принимал даже участия в суждениях Совета Министров, в котором было решено принять либеральную систему маркиза Велепольского. Великий князь покорился воле и решению государя, поехал в Варшаву и там, на второй же день, встречен был выстрелом. Этот прием не смутил его высочество. Он свято выполнил программу, не им предложенную, а ему предписанную. К прискорбию, она не привела к желаемой цели, на достижение которой и сам великий князь не вполне рассчитывал. А кто в глазах общества сделался виновником неудачи?... Великий князь Константин Николаевич, которого не только в частных разговорах с одного конца России до другого, но даже в печати, — вспомните, ваше величество, яростные статьи «Московских Ведомостей» — почти открыто называли предателем и изменником государю и отечеству. И он не имел возможности оправдаться...»³⁵

«Ваше императорское величество, не глубокое ли это несчастье, могущее в связи с первыми совершенно забыть человека?».

Государь был видимо взволнован и затем стал говорить о великом князе в более мягком и симпатичном тоне.

Прощаясь с Головниным и поблагодарив его, его императорское величество сказал, что он согласен на исполнение всех заявленных им желаний великого князя.

Относительно денежных средств великого князя Александр Васильевич сообщил мне, что, как ему достоверно известно, они находятся в положении далеко не блестящем. При совершеннолети своем его высочество имел капитал в миллион рублей, составившийся из сбережений от его содержания во время детства. Из этого миллиона великий князь дал впоследствии взаймы 250.000 рублей адъютанту своему князю Ухтомскому, совершенно запутавшемуся в разных промышленных предприятиях. Несмотря на эту помощь, Ухтомский разорился, и деньги великого князя пропали безвозвратно. Потом, когда бывший гофмейстер его высочества Тенгоборский выдавал замуж дочь свою, великий князь, зная, что Тенгоборский не имеет состояния, дал ей на приданое 30.000 рублей. Таким образом, из миллионного капитала осталось менее трех четвертей, т.-е. 720.000 рублей; деньги эти были целы до 1878 года.

В этом году осенью великий князь приехал в Париж и был поражен там электрическим освещением Яблочкова. На вопрос его высочества о том, будет ли введено это освещение в Петербурге, ему

отвечали, что навряд ли, так как Яблочков продал свое изобретение парижскому муниципалитету. Великому князю это было чрезвычайно неприятно. Он призвал к себе Яблочкова и просил его войти в переговоры с муниципальным советом относительно выкупа изобретения. После долгих торгов согласились на сумму в 500.000 рублей, которые великий князь и уплатил. Затем образовано было акционерное общество для освещения Петербурга посредством электричества. Кроме уплаченных еще в Париже 500 тысяч рублей, его высочество, рассчитывая на блистательную будущность дела, дал на осуществление предприятия и остальные бывшие еще у него 220.000 рублей. Между тем, дело не только не дает никакого дохода, но нет даже надежды на то, чтобы в скором времени оно могло окупаться.

В сравнении с своими братьями, великий князь Константин Николаевич имеет гораздо менее средств. По смерти покойной императрицы Александры Федоровны, Николай и Михаил Николаевичи получили значительные денежные суммы; Константин же Николаевич, как старший брат, получил, вместо денег, дворцы, не только не доходные, а напротив, требующие довольно больших сумм на их содержание, именно: Стрельну и Орианду. Павловск, наследованный великим князем после смерти дяди своего Михаила Павловича, тоже не приносит дохода.

Расходы великого князя, несмотря на относительную экономию, по необходимости очень значительны. Хотя Кузнецова — женщина скромная, нежадная и непритязательная, тем не менее жизнь двумя семействами: законным и побочным, в связи с желанием хотя несколько обеспечить последнее, требует больших денег.

По поводу Кузнецовой я передал Головнину то, что сказал мне великий князь Михаил Николаевич о связи его брата с нею. Головнин отвечал, что, конечно, связь с Кузнецовой должна чрезвычайно вредить Константину Николаевичу в глазах государя, но что удаление великого князя из Петербурга будет именно способствовать сближению его с Кузнецовой и с ее семейством. Здесь он проводил у нее вечер и ночь, оставаясь все утро и день в Мраморном дворце и обедая с великой княгиней. В Орианде и за границей он будет постоянно с Кузнецовой, имея только для вида отдельное от нее помещение.

Головнин полагает, что политическая собственно карьера великого князя, по видимому вероятно, кончена. Но он желает и надеется, что возможно будет возвращение его высочества в Петербург на другое поприще — ученое. Великий князь очень интересуется науками и столь же охотно беседует с учеными людьми. С своей стороны, большая часть этих последних глубоко уважает его и имеет к нему доверие. На должности президента Академии Наук и главного начальника разных обсерваторий и тому подобных учреждений великий князь мог бы еще принести большую пользу. Александр Васильевич говорил об этом с ним, и великий князь сказал, что мог бы быть полезным ученому миру.

Сообщая мне об этом, Головнин просил меня распространять эту мысль и, между прочим, доложить о ней, при случае, великому князю Михаилу Николаевичу.

По возвращении в Петербург, я написал подробное письмо в Орианду, в котором благодарил великого князя за всегдашнее его

расположение ко мне и выражал сожаление об оставлении им должности председателя Государственного Совета. О многом я должен был, естественно, умолчать, из опасения почтовых нескромностей.

На другой день я возвратился в Гапсаль.

Через несколько дней по возвращении получил я от великого князя следующее письмо, написанное им тотчас по получении указа об увольнении и, следовательно, до получения моего письма:

«Любезнейший Егор Абрамович!

«Шестнадцатилетняя связь моя с Государственным Советом, по высочайшей воле, ныне порвана. Приходится мне расставаться с тем учреждением, с которым так свылся, сроднился, сросся. Не могу и не считаю нужным скрывать, как мне это больно и тяжело. Утешаю себя надеждою, что любезный брат мой Михаил, который, по воле государя, меня заступает, так же полюбит Совет и сумеет держать знамя его высоко, в чем, я не сомневаюсь, и вы всеми силами вашими будете ему помогать.

«Расставаясь с Советом, не могу не вспомнить, сколь я многим был вам обязан, вашему уму, познаниям и усердию в исполнении ваших трудных обязанностей. Прожили мы с вами много и грустных, и радостных дней и привыкли друг к другу. Знаю, что и вам тяжело будет со мною проститься. Позвольте в последний раз вас горячо обнять и благодарить за все время.

«Прошу вас и всей государственной канцелярии передать мое искреннее спасибо за эти 16 лет нашей совместной работы. Сделайте это как-нибудь неофициально, что всегда холодно, — но сделайте так, чтобы все чины государственной канцелярии поняли, что благодарит их не казенным образом их старый начальник, а человек, который в течение 16 лет был, можно сказать, ежедневным свидетелем их неутомимой и добросовестной службы. Спасибо им от души: и статс-секретарям, и их помощникам, и всем и высшим, и низшим труженикам. Рекомендуйте их от меня брату и скажите ему, что все, что он сделает для них, я приму как личную для себя награду.

«Желаю Совету полного успеха впереди при исполнении тех важных и трудных задач, которые ему предстоят. Хотя я с ним и разрознен, но и издали, разумеется, буду с горячею любовью следить за его деятельностью.

«Прощайте, любезнейший Егор Абрамович, еще раз благодарю вас и обнимаю от всего сердца.

«Искренно вас любящий Константин.

«Орианда. 22 июля 1881 г.

«Не забудьте ваше обещание мне писать *et me tenir au courant* — разумеется, с полною откровенностью».

Строки эти глубоко тронули меня и тронули действительно до глубины души. Могу по совести сказать, что я никогда не заискивал в великом князе, а, напротив того, позволял себе иногда откровенно говорить его высочеству вещи, не совсем приятные. Несмотря на что, как доказывают нынешние строки великого князя, он сохранил ко мне большое расположение.

Письмо его, которое с гордостью буду хранить в семейных своих бумагах, поддерживает во мне прежнюю уверенность в том, что под холодною наружною оболочкою у великого князя Константина Николаевича бьется горячее, благородное сердце. Я убежден, что чувства, им выражаемые, вполне искренни, и не только в отношении ко мне и сотрудникам моим по государственной канцелярии, но также и в отношении к Государственному Совету. Хотя он глубоко скорбит о том, что более не председатель Совета, но он далек от той мелочности, чтобы не желать ему успеха при преемнике своем. Горячо любя Россию и любя Совет, он действительно желает ему всевозможных успехов и будет в самом деле с любовью следить за его деятельностью. Употребленные великим князем слова — не фразы. По получении письма, я тотчас же отвечал его высочеству.

11 августа.

Бедный великий князь! На нем оправдывается народная поговорка, что беда одна не приходит. Как сообщает мне Головин, сгорела любимая его Орианда, столь драгоценная для него, особенно при нынешней необходимости жить вдали от Петербурга. Теперь великий князь вынужден будет или уехать куда-нибудь, или же лишить себя решительно всякого удобства.

12 августа.

Головин переслал мне следующую телеграмму, полученную им от великого князя из Орианды:

«Я, слава богу, совершенно здоров. Занимаю одну комнату в маленьком адмиральском домике *, которую устроил себе уютно и приятно».

Честь и слава великому князю! Мужественно переносит он новую невзгуду.

17 августа.

Графиня Бревверн-Делягарди, с которою я здесь часто вижусь и беседую тем более охотно, что она из друзей великого князя (она урожденная Воейкова и была лет двадцать пять тому назад фрейлиною великой княгини Александры Иосифовны), сообщила мне переданный ее мужем из Москвы слух о том, будто бы Орианда подожжена самим великим князем. Вся Москва этому верит. Объясняют поджог тем, что великому князю хочется, во что бы то ни стало, вернуться в Петербург.

И в несчастии не дают ему покоя. Я думаю, нет другого человека, на которого взводили бы столько клевет. А клеветы эти считаются многими за непреложные истины.

20 августа.

С.-Петербургское градоначальство упразднено, а Баранов назначается архангельским губернатором. Весть эта — вообще радостная, по случаю удаления Баранова из Петербурга. Жаль только, что для увольнения

* Он находится в значительном расстоянии от сгоревшего дворца.

человека, оказавшегося недостойным занимать вверенный ему пост, упраздняется самая должность градоначальника, которая несколько лет тому назад признавалась безусловно необходимою. Еще грустнее то, что важная мера принята без рассмотрения ее в Государственном Совете.

24 августа.

Третьего дня был 50-летний юбилей великого князя Константина Николаевича в звании генерал-адмирала. Я отправил, разумеется, поздравительную телеграмму и получил сегодня следующий ответ: «Сердечно благодарю. Ваша добрая преданность мне вдвойне дорога: по личным моим чувствам и по памяти о нашей долголетней совместной деятельности».

26 августа.

К юбилею пожалован его высочеству двойной портрет императоров Николая I и Александра II, при очень милостивом рескрипте, на котором государь сделал собственноручную приписку: «Искренно вас любящий».

Это очень много, в виду прежних их отношений.

Портрет и рескрипт были доставлены в Орианду довольно многочисленной депутациею от флота, морского министерства и гвардейского экипажа.

Составление рескрипта было поручено его величеством Победоносцеву и Игнатьеву; для помощи по части морской Победоносцев пригласил Баранова. Злая насмешка судьбы: в числе составителей милостивого рескрипта великому князю были два злейших его врага.

28 августа.

В день юбилея великий князь получил около 200 телеграмм; в числе их была одна за подписью «Саша и Маня» (государь и императрица). Меня это очень обрадовало. Значит, на великого князя смотрят уже иными глазами.

Возвратясь в Петербург, узнал, что государь совершенно неожиданно уехал морем в Данциг для свидания с германским императором. Игнатьев не был в секрете. Следовательно, шансы его на министерство иностранных дел не особенно велики. В Данциге назначение его на эту должность тоже не встретит, конечно, поддержки ни со стороны императора Вильгельма, ни со стороны Бисмарка.

30 августа.

На прошедшей неделе, к общей радости, барон Кистер уволен от всех своих должностей.

Уволен также граф А. В. Адлерберг от должности министра двора. Его заменил граф Воронцов-Дашков. Это совершенно в порядке вещей, так как Воронцов находится с нынешним государем в тех же дружеских отношениях, в каких состоял к покойному императору Адлерберг. К крайнему удивлению, последний, при всем своем уме, не сумел заслужить расположение бывшего наследника престола. В виду этого, уход его

считался всеми вопросом решенным. Но всех поразила несколько крутая форма увольнения Адлерберга. Говорят, государь просто написал ему, что, согласно бывшим весной разговорам, он увольняет его от должности министра и назначает на нее Воронцова.

Адлерберг очень оскорблен таким недостатком внимания. Я видел его сегодня — на нем лица [не было].

2 сентября.

Был в Петергофе, чтобы представиться государю и императрице по случаю возвращения. Государь был благосклонен. Хотя он и не принял меня в кабинете, а со всеми вместе, и ничего особенного мне не сказал, — его величество расспрашивал меня про пребывание в Гапсале, — но вид и обращение были у него приветливые. Вообще я должен сказать, что в течение лета государь сделал чрезвычайно большие успехи относительно приема представляющихся лиц. Явилась необходимая уверенность и умение сказать каждому несколько слов, оставляющих приятное впечатление. Это очень отрадно.

Императрица, как и всегда, была очень приветлива и любезна. Ее величество симпатична в высшей степени.

Могу рассказать про нее факт, доказывающий, как много в ней сердечного такта.

К. К. Грот, в качестве председателя общества покровительства слепым, представил ее величеству сделанную одним из слепых, призреваемых обществом, корзинку по новому парижскому образцу, которая государыне очень понравилась. Приняв этот дар весьма милостиво, императрица спросила у Грота, что может она дать слепому. Он отвечал, что цена корзинке 1 р. 50 к., но что от ее величества будет зависеть пожаловать ему, что ей будет угодно.

Императрица сказала, что подумает. Через несколько дней она прислала прекрасные часы с репетицией. Слепой так счастлив этому полезному для него подарку, что всякий раз, когда нажатая пружина часов возвещает ему время дня, — он крестится. Это рассказывал мне сам Грот. Сегодня представлялся вместе с нами (я ездил с князем С. Н. Урусовым и приятелем моим Ф. А. Бруном, назначенным министром статс-секретарем великого княжества Финляндского) барон Шернваль, бывший до Бруна министром статс-секретарем. Он сообщил часть разговора своего с императрицей, заслуживающую внимания. Между прочим он сказал ее величеству: «Madame, j'estime beaucoup l'empereur pour sa grande droiture, mais il faut avouer cependant, que sa majesté est quelque fois un peu rude... Comme il a un peu d'égard pour ce pauvre Adlerberg!» — «N'en parlez pas, — отвечала императрица, — j'en ai pleuré trois jours». ³⁷

По поводу этого рассказа позабавил меня Урусов: «Хорошо Шернваль так говорить, — сказал он: — сошел со сцены и получил пенсию в 40 тысяч марок, которой уже не отнимут».

В Петергофе познакомился с графом Воронцовым-Дашковым. Сколько могу судить по беседе, длившейся не более десяти минут, он человек неглупый и обходительный.

10 сентября.

Предложения Лориса о созыве представителей земства и городов, как кажется, канули в воду. Комиссия, которая должна была обсуждать их, даже не собиралась.

Но если не осуществляют этих предположений, придавая им, к сожалению, значение политическое, то делают, по крайней мере, все возможное, чтобы проекты законов соображаемы были с практической стороны. К пересмотру правил о понижении выкупных платежей приглашены были двенадцать экспертов из наиболее известных и сведущих практических деятелей разных оттенков и из разных частей государства. Затем, по другому вопросу, о пересмотре правил о продаже питей с целью уменьшить пьянство, вызвано тридцать два эксперта, как говорят, также из людей очень толковых.

16 сентября.

Наконец, пожалован графу Адлербергу милостивый рескрипт с портретом покойного государя.

Для разбора злоупотреблений по раздаче земель в Оренбургской и Уфимской губерниях учреждена особая комиссия под председательством князя Урусова, из министров внутренних дел, государственных имуществ и юстиции, государственного контролера и М. Е. Ковалевского. Комиссией этою, одновременно с отчетом Ковалевского, рассматриваются и некоторые подлинные производства министерства государственных имуществ, в которых оказываются серьезные беспорядки. Прежде всего обнаружено совершенно произвольное отступление от правил о раздаче участков. По правилам этим, для испрошения высочайшего соизволения на пожалование кому-либо земли, нужно с о г л а ш е н и е министра с генерал-губернатором оренбургским (следовательно, соглашение д в у х лиц). Это найдено ими стеснительным и, вследствие того, министр и генерал-губернатор ³⁸ разделили между собой участки, так что каждый ходатайствовал самостоятельно и бесконтрольно о лицах, которым желал предоставить землю. Далее, во всеподданнейших докладах Валуева справки были далеко неполны и даже неверны. Умалчивалось иногда о весьма важных обстоятельствах, имеющих существенное влияние на возможность и условия пожалования; так, например, оценки были неправильны или же участки предоставлялись безвозмездно, когда по правилам следовало взимать за них плату. Наибольшие злоупотребления обнаружились по участку, отведенному князю Ливену: ему пожалован был бесплатно огромный участок земли, в состав которого введен был даже заповедный корабельный лес.

Когда по всем этим вопросам потребовали объяснений от графа Валуева, он отвечал лишь фразами, вроде того, что был лишь исполнителем политической системы покойного императора, желавшего создать в Оренбургском крае класс поземельных собственников, которых там до сих пор почти не было; что же касается неполных и неверных справок во всеподданнейших докладах, то он объяснял это тем, что писанный [доклад] министра есть только материал для изложения дела его величеству, и что все, вошедшее в этот доклад, излагалось министром словесно. При всем том нельзя упрекнуть Валуева, чтобы

злоупотребления были им допускаемы из корыстных целей; несмотря на совершенное неимение им какого-либо состояния, он не взял себе ничего, а действовал так исключительно по слабости и желанию угождать разным лицам.

Когда председателем комиссии князем Урусовым было доложено о всех этих беспорядках государю, его величество был возмущен подобным расточением государственной собственности, прибавив, однако, что, сколько ему известно, Валуев действительно чист от побуждений корыстных. Решение дела о виновниках в злоупотреблениях отложено впредь до представления о каждом из них подробных сообщений.

19 сентября.

Сегодня великий князь Михаил Николаевич в первый раз председательствовал в Совете. Перед заседанием я представил его высочеству у него во дворце старших чинов государственной канцелярии, т. е. статс-секретарей и их помощников. Великий князь сказал, что очень рад служить с лицами, пользующимися высокой репутацией. При этом его высочество надеется, что общая наша служба будет иметь исключительно целью преданность государю и благо дорогой нашей родины, не увлекаясь духом какой-либо партии. Я отвечал в кратких словах, что великий князь может быть вполне уверен в этом, так как я близко знаю всех чинов государственной канцелярии, в которой служу более 12 лет. Затем я представил каждого из присутствующих поименно, при чем великий князь сумел сказать каждому несколько ласковых слов. По окончании представления, его высочество раскланялся со всеми, а меня повел к себе и пригласил к завтраку. К сожалению, я не мог принять приглашения, так как торопился в Совет для разных распоряжений. В Совете встретил я великого князя у первых дверей и пожелал ему всякого успеха в новой деятельности. Его высочество отвечал: «Благодарю вас, — боюсь страшно... но и надеюсь на бога... и на вас». И великий князь крепко пожал мне руку.

Войдя в столовый зал, где собраны были все члены Государственного Совета, его высочество, раскланявшись со всеми, сказал: «Господа, будучи назначен все милостивейшим доверием государя императора к председательствованию в Государственном Совете после брата моего великого князя Константина Николаевича, я чувствую себя смущенным и молю бога, чтобы он благословил мою деятельность. К вам же, господа, обращаюсь с просьбой о снисходительности вашей к моей неопытности и о том, чтобы вы помогали мне, как помогали брату моему Константину Николаевичу» *. Затем великий князь стал подходить к каждому члену и разговаривал с каждым весьма удачно. Надо удивляться чрезвычайной его приветливости и умению обращаться с людьми. Оказалось, что его высочество знал лично почти всех членов; мне пришлось представить ему только А. П. Заблоцкого-Десятовского.

* Слова о помощи членов председателю произвели на многих не совсем приятное впечатление: их объяснили в смысле предполагаемого будто бы великим князем начальства председателя над членами. Соглашаюсь, что приведенное выражение было не совсем верное; но убежден, что великий князь употребил его без какого-либо особого намерения.

Бывшее после того заседание длилось очень короткое время, потому что назначены были дела самые пустые, не вызывавшие прений.

После заседания предстояло еще довольно неприятное объяснение с министром внутренних дел графом Н. П. Игнатьевым. Дело в том, что он, считая себя всемогущим, дозволил себе докладывать государю и затем объявлять высочайшие повеления, касающиеся членов Государственного Совета (например, о размерах содержания Лорис-Меликову и Каханову), а также дел, рассматриваемых Советом. По вопросам этого рода право всеподданнейшего доклада всегда принадлежало председателю Государственного Совета.

При свидании с графом Игнатьевым, несколько дней тому назад, я говорил с ним об этом, дружески указывая на невозможность продолжения этого в будущем. Между прочим, я сказал ему, что необходимо будет передоложить государю об одном вопросе, по которому граф Игнатьев сообщил высочайшее повеление, именно о том, каких экспертов пригласить в заседание Государственного Совета по делу о понижении выкупных платежей, так как сделанный им выбор был несколько односторонен: большинство комиссии, состоявшей под его председательством, представлено было очень сильно, значительное меньшинство — несравненно слабее, а отдельное мнение, имевшее существенное значение, вовсе не было представлено. Когда я сказал об этом графу Игнатьеву, он принял вопрос к сердцу и стал горячо доказывать правильность сделанного им выбора экспертов. Не вступая с ним в напрасные споры, я сказал ему, что доложу обо всем его высочеству председателю Совета. Так я и сделал. Великий князь согласился с правильностью моего взгляда и спросил, как же лучше поступить. Я ответил, что лучше всего было бы, если бы великий князь после заседания Государственного Совета пригласил к себе в кабинеты министров внутренних дел, а также председателей советских департаментов и меня, для выяснения и разрешения спорного между нами вопроса. Великий князь согласился на это.

На совещании этом, происходившем сегодня, все присутствовавшие, кроме Игнатьева, были на моей стороне, так что и он, в конце концов, вынужден был сдаться и согласиться на то, что великий князь передоложит этот вопрос государю.

22 сентября.

К крайнему моему удивлению, я получил вчера вечером от графа Игнатьева формальное письмо, в котором он отказывается от выраженного им вчера согласия по вопросу об экспертах, снова доказывая правильность сделанного им вчера выбора. С этим письмом поехал я сегодня к великому князю и доложил, что, по моему мнению, уступить невозможно и что необходимо представить обо всем государю, испросив при этом раз навсегда высочайшее повеление о том, чтобы министры не позволяли себе входить с всеподданнейшими докладами по делам Государственного Совета. Если не положить предела подобным нарушениям в самом начале, то потом нельзя уже будет возражать против них. Примеру Игнатьева могут последовать другие министры; кончится тем, что мы будем плясать по их дудке.

Его высочество, соглашаясь со мной в основной мысли, выразил вместе с тем разные сомнения и вообще колебался. Тогда я объяснил, что не смею и не буду настаивать на предложенном мною решительном и важном шаге, тем более, что, в случае неудачи, пострадаю я, так как Игнатъев, без сомнения, очернит меня в глазах государя и представит за человека, невозможного на занимаемой должности. Однако, несмотря на то, на месте его высочества я поступил бы решительно, ибо председатель Государственного Совета не может допускать, чтобы министры хозяйничали в Совете. Не говоря уже о вопросах приличия и достоинства, от подобного хозяйничанья сильно пострадает самое дело, так как не будет никакого единства в распоряжениях по Совету. Соображение это убедило великого князя, и он поручил мне составить в этом смысле всеподданнейший доклад.

28 сентября.

Великий князь пригласил меня к себе и с радостью объявил, что государь вполне согласился с тем, что министры не должны докладывать по делам Совета. Его величество изволил также изменить, согласно нашему представлению, объявленное министром внутренних дел высочайшее повеление об экспертах, подлежащих приглашению в Государственный Совет по делу о понижении выкупных платежей.

Великий князь рассказал мне, что беседовал с государем о кандидатах на должность главноначальствующего на Кавказе (решено не иметь там наместника). Его высочество горячо рекомендовал бывшего своего помощника князя Святополк-Мирского, которого чрезвычайно любит и ценит. Государь, с своей стороны, решительно не согласился на это назначение, главным образом, потому, что князь Мирский в родстве и свойстве со многими туземными фамилиями. Его величество сказал затем, что ему очень рекомендуют (по всей вероятности, Игнатъев и Островский) другого кандидата — Гурко. Против этого выбора стал всеми силами великий князь, так как, по его мнению, Гурко жесток, а притом вовсе не администратор. Государь не высказался окончательно, но потом, в дальнейшем разговоре, произнес еще третье имя — князя Дондукова-Корсакова, который долго служил на Кавказе. Великий князь, хотя считает Дондукова за пустого человека, не решился, однако, возражать, потому что, кроме Мирского, не мог предложить никакого другого кандидата, и считает Дондукова все-таки лучше, чем Гурко.

1 октября.

Игнатъев и политический друг его Островский в ярости по случаю испрошенного великим князем высочайшего повеления. Со мной он почти не кланяется. Между членами Государственного Совета это высочайшее повеление произвело вообще хорошее впечатление. В военном ведомстве предстоят большие преобразования. Для обсуждения их созван верховный комитет из всех высших военных начальников и некоторых других лиц, пользующихся доверием государя. Председателем назначен граф Коцебу, удалившийся на покой в Ревель. Вызвав его оттуда, его величество объявил графу, что остановился на нем,

потому что вполне доверяет его уму, познаниям и опытности, а кроме того вполне уверен в его беспристрастии, так как граф, всего достигший и добровольно отказавшийся от деятельной службы, ни в ком теперь не нуждается.

3 октября.

Валуев обратился к великому князю с письмом, в котором просит исходатайствовать у его величества увольнение его от должности председателя Комитета Министров, не считая возможным занимать этот пост в виду возникшего против него обвинения в злоупотреблениях по раздаче земель. Обращение свое к посредству великого князя Валуев объясняет тем, что состоит в числе членов Государственного Совета, о которых, согласно объявленной недавно высочайшей воле, никто не может докладывать государю, кроме председателя Совета. Хотя это очевидная натяжка, — Валуев мог бы сам просить государя об увольнении, — но великий князь обращением к нему доволен.

5 октября.

Государь изъявил согласие на просьбу Валуева, подтвердив, что собственно в честности его нисколько не сомневался. Преемником Валуеву назначен Рейтерн. Назначению этому я чрезвычайно рад, так как Рейтерн — один из наиболее у нас умных, благородных и образованных людей. Сам он, кажется, тоже доволен. Поздравив его сегодня с этим назначением, я спросил затем в разговоре, между прочим, об отношениях его к государю. Он отвечал, что до войны пользовался большим расположением его величества, тогда еще наследника престола; затем во время войны, которой Рейтерн вовсе не сочувствовал, цесаревич к нему охладил; теперь же государь очень к нему милостив и при всякой встрече тепел с ним.

Игнатъев очень доволен выбранными им по соглашению с министром финансов и государственных имуществ сведущими людьми по питейному делу.

12 октября.

К Игнатъеву очень близок теперь М. С. Каханов, бывший правую руку у Лориса. По предложению Игнатъева, он назначается председателем комиссии по составлению проектов законоположений о местном управлении. Дай бог ему успеха!

Граф П. А. Шувалов, с которым мы шли сегодня пешком по набережной, сказал мне, что он желал бы быть членом департамента законов, так как только члены департамента законов Государственного Совета могут принимать деятельное участие в обсуждении дел. Общее собрание самостоятельного значения не имеет и разрешает собственно лишь разногласия, возникающие в департаментах. Такому заявлению Шувалова я очень обрадовался и просил позволения доложить о нем великому князю.

13 октября.

Из сенаторов, производивших ревизию губерний, чуть ли не наиболее обстоятельно и толково произвел ее И. И. Шамшин. Он привез подробные записки по всем частям данной сенаторам программы.

Записки эти очень обдуманы и делают Ивану Ивановичу, по моему мнению, большую честь. Основная мысль всех записок заключается в том, что мы страдаем прежде всего бездеятельностью и неумелостью, которые могут отзываться очень нехорошо. По всем частям управления Шамшиным указаны необходимые в них изменения. Все это при особом всеподданнейшем докладе (весьма толковом, но не щеголеватом и эффектном) было представлено им государю. По прочтении этого доклада его величество написал на нем: «Картина не отрадная, но и не новая. Заключение подлежит всестороннему заключению всех министров и касается весьма существенных и важных вопросов, которые и без того занимают в настоящее время правительство. Отдельные записки должны быть представлены в те министерства, до которых они касаются».

Шамшин, очень самолюбивый и рассчитывавший на большой успех добросовестного своего труда, совершенно поражен высочайшей резолюцией. На мои глаза, он неправ. В холодности государя Иван Иванович винит Игнатьева, вероятно, на него жаловавшегося.

14 октября.

Желание Шувалова быть членом департамента законов очень обрадовало великого князя, который доложил о том государю, его величество изъявил согласие.

17 октября.

М. Е. Ковалевский, по просьбе моей, сообщил мне копию с своего всеподданнейшего доклада о ревизии губерний Оренбургской и Уфимской. Доклад этот касается исключительно злоупотреблений по раздаче земель. Написан он превосходно, с очевидною ясностью указывая на то, как управления не только местное, но и центральное, бесцеремонно обходились с преподанными правилами. Из этих правил они руководствовались только тем, что казенные земли могут быть раздаваемы частным лицам; все же остальное, именно кому, как и на каких условиях, оставлялось без внимания и заменялось произволом к выгоде лиц, получавших земли.

20 октября.

Великий князь Михаил Николаевич доброты и снисходительности чрезвычайной, но при этом, странное дело, он очень обидчив. Сегодня он спросил меня, были ли у меня эксперты, приглашенные в Государственный Совет по делу о понижении выкупных платежей. Я отвечал, что были. «А меня они не удостоили своим посещением», — сказал великий князь, видимо, недовольный. Я старался успокоить его, что если эксперты не были еще у его высочества, то, вероятно, только потому, что не считали возможным явиться без предварительного доклада или представления. «Так они могли хоть записаться», — сказал великий князь. Тогда я позволил себе прямо возразить ему, что нельзя объяснить в дурную сторону поступки людей, которых мы даже не знаем, к тому же нельзя предполагать, чтобы эксперты имели какое-либо основание не желать представляться его высочеству. Для них, напротив, это не только честь, но и удовольствие, потому что всем известно, как ласково

и любезно принимает великий князь всех представляющихся ему. По всей вероятности, эксперты будут просить министра внутренних дел, чтобы он их представил. Великий князь не отвечал ничего, но я видел, что подозрения его не совсем еще рассеялись. В бывшем затем заседании я наметнул экспертам, чтобы они просили графа Игнатьева о представлении их великому князю.

21 октября.

О замеченной мною обидчивости его высочества рассказал я графу Шувалову, близко знающему его с детства. Он вполне подтвердил мое мнение и советовал принять это к сведению. В особенности Шувалов советовал мне быть очень осторожным с великой княгиней, так как она права неровного. В доказательство этого граф Петр Андреевич рассказал мне случай, бывший с ним самим.

С великим князем Шувалов, можно сказать, дружил с тех пор, как себя помнит. Когда Михаил Николаевич вступал в брак, он представил его нареченной своей невесте, как одного из наиболее близких ему людей. После свадьбы Шувалов очень часто бывал у них в самом интимном обществе и всегда пользовался расположением великой княгини, несмотря на то, что позволял себе иногда говорить ей, — конечно, шуткою, — правду в глаза; между прочим, он рассказал ей за обедом, что с нею необходимо быть очень осторожным, потому что она... иногда капризна.

«Вот уж неправда, — отвечала великая княгиня, вся вспыхнув: — если я когда-нибудь буду капризна, то позволю вам сказать мне это при всех, и я поблагодарю вас за указание». В этот раз разговор на этом и кончился.

Затем великий князь был вскоре назначен наместником Кавказа и, за отъездом великокняжеской четы, частые сношения Шувалова с нею прекратились.

Раз как-то, через несколько времени, приехал с Кавказа приятель Шувалова, адъютант великого князя, кажется, князь Трубецкой. Расспросам про все, естественно, не было конца. Про Михаила Николаевича Трубецкой сообщил, что все его чрезвычайно любят, и что он в свою очередь полюбил край и, конечно, принесет ему пользу; про великую княгиню Трубецкой отозвался, что она по прежнему капризна; при этом он рассказал случай, бывший в Тифлисе, в один из больших праздников. Великий князь просил Ольгу Федоровну, чтобы она в этот день приняла после обедни поздравление тифлисского общества. Ее высочество согласилась. Великий князь был чрезвычайно доволен. Весь сколько-нибудь образованный Тифлис был приглашен к выходу и после того к завтраку. Все были в восторге.

В день праздника великая княгиня спокойно отслушала обедню в церкви и, по окончании, вышла, под руку с великим князем, к собравшемуся обществу. Михаил Николаевич подходил с нею к наиболее почтенным дамам, при чем великая княгиня была с первой из них очень любезна, со второю менее, третьей сказала сухо два слова, а подойдя к четвертой, обратилась к великому князю со словами: «Ich kann es nicht mehr ausstehen...»³⁹ и бегом возвратилась в свои покои. Можно себе представить положение великого князя и всех присутствовавших.

Приблизительно через год после этого рассказа великий князь и великая княгиня прибыли на некоторое время в Петербург, и Шувалов снова был приглашен к ним совершенно интимно. Раз за обедом великая княгиня, в разговоре с Петром Андреевичем, напомнила ему, что он, несколько лет тому назад, назвал ее капризною, что она дала ему тогда позволение указать на какой-либо каприз с ее стороны, если бы такой случился, и что с тех пор он ни на что указать не мог; значит, обвинение было несправедливо, и он, как клеветник, заслуживает примерной кары.

Тогда Шувалов самым мягким тоном и с самою любезною улыбкою, — а он, и на то и на другое удивительный мастер, — сказал ее высочеству: «Не торопитесь еще наказывать меня; я могу указать на один случай, отчасти подтверждающий справедливость моего обвинения».

«Et bien, voyons», сказала, смеясь, Ольга Федоровна.

«Souvenez-vous, madame, — продолжал Шувалов, — d'une certaine réception à Tiflis et de ces paroles: Ich kann es nicht mehr ausstehen...»⁴⁰

Только-что он произнес эти слова, как великая княгиня покраснела, зарыдала, бросила салфетку на стол и убежала к себе. Великий князь вышел вслед за нею и, возвратясь через несколько минут, сказал Шувалову: «Зачем ты напомнил об этой несчастной сцене? С великой княгиней ничего не поделаешь. Она такая нервная. Как ни старался я теперь ее успокоить, ничего я достигнуть не мог. Она не выйдет... А все-таки я могу сказать, что я с Ольгой Федоровной счастлив: она прекрасная жена и отличная мать».

Некоторое время после этого случая Петра Андреевича не приглашали, но затем опала была снята, и он теперь по-прежнему свой человек у великого князя.

В заключение Шувалов возобновил мне совет быть осторожным с великой княгиней. «До сих пор она к вам благоволит, но какою-нибудь неосторожностью можно все испортить».

23 октября.

Великий князь сообщил мне сегодня очень оригинальный отзыв о Н. К. Гирсе. «Своей уступчивостью западным державам он избавил Россию от войны». Трудно решить, порицание ли это или похвала.

24 октября.

Абаза вернулся из отпуска. Я имел с ним короткий разговор. Кажется, ему очень хотелось бы деятельности; но он не знает, как отнесутся к нему. Он намерен присматриваться.

25 октября.

Желая ближе ознакомиться с государственным архивом и с порядками, там соблюдаемыми, я поехал сегодня туда, обошел все помещение, потребовал несколько дел из разных эпох законодательной деятельности и, к удовольствию своему, убедился, что дело ведется очень хорошо. Только самое помещение из рук вон плохо. Оно не только чрезвычайно тесно и темно, но даже небезопасно от огня: находясь в здании сената, оно отделяется просто деревянною переборкою от квартиры

смотрителя этого здания. Надеюсь, что мне удастся, наконец, получить необходимую сумму на постройку отдельного архива, в которой, по случаю военных обстоятельств, несколько раз отказывали моему предместнику.

В числе наиболее замечательных бумаг, хранящихся в архиве, мне показали довольно много рукописей императрицы Екатерины II, известное завещание императора Александра I, массу бумаг, писанных рукою Сперанского, разные записки Кочубея и т. п. Но более всего поразило меня то, что, начиная с 1816 года и до конца царствования императора Александра I Павловича, на так называемых мемориях Государственного Совета* нет собственноручных резолюций императора. Они писаны от имени его величества рукою Аракчеева, при чем резолюции не всегда утвердительные: иногда принимается мнение меньшинства, а иногда делаются изменения даже в единогласных постановлениях Государственного Совета.

Это обстоятельство, до сих пор мне неизвестное, очень обеспокоило меня, в виду неоднократно доходивших до меня слухов о том, что нынешний государь несколько тяготеет чтением пространных наших меморий. Об этом говорил мне граф Э. Т. Баранов, временно исправлявший должность председателя Государственного Совета, а потом говорил и великий князь Михаил Николаевич. Хотя я принял меры к возможно сокращенному изложению меморий, но это достижимо по делам неважным; по проектам же серьезным, особенно, когда в Государственном Совете произойдет разногласие, мемория не может быть коротка. Это навело меня на мысль о необходимости приискать такой способ, при котором не было бы для государя надобности прибегать, для разрешения советских дел, к помощи постороннего лица. Избави нас бог от нового Аракчеева!

27 октября.

Рассказал великому князю о виденном мною в архиве и просил доложить государю, или, правильнее, спросить его величество, не следует ли мне, в тех случаях, когда мемории наши будут очень обширны, предлагать особую докладную записку, с указанием в ней дел и соображений, заслуживающих внимания.

29 октября.

Великий князь сказал мне, что докладывал вчера государю о возбуждаемом мною вопросе насчет меморий. Его величество отвечал, что мемории наши действительно бывают иногда очень объемисты, несмотря на то, что не содержат в себе особенно существенных дел. Поэтому государь был бы рад, если бы чтение меморий ему было бы облегчено.

3 ноября.

В виду таких слов государя, я приготовил для великого князя к следующему докладу коротенькую записку, в которой доложил, что

* Мемории эти имеют чрезвычайно важное значение, потому что [по] ним разрешаются государем все советские дела. В мемориях излагаются извлечения как из соображений министра, внесшего дело, и из отзывов других министров, если такие были, так и из суждений департаментов и общего собрания Государственного Совета. В случае разногласия в общем собрании, происшедшие разные мнения излагаются в мемориях сполна.

на будущее время мы будем стараться излагать дела несущественные по возможности сжато, с соблюдением, однако, того необходимого условия, чтобы монарх мог иметь точное понятие о каждом подносимом к его утверждению законодательном деле.

При этом я буду прилагать к каждой мемории особую всеподданнейшую докладную записку с кратким означением всех изложенных в мемории дел и с указанием страниц, на которых они изложены; засим, если государю императору благоугодно будет разрешить мне это, я буду означать, какие из этих дел заслуживают особого внимания. Во избежание огласки, записки эти я буду составлять и переписывать собственноручно. В тех же видах желательно было бы, чтобы такие записки не были возвращаемы через собственную канцелярию его величества, но разрывались бы государем императором по прочтении или же возвращались бы мне, по приказанию его, в запечатанном пакете на мое имя.

В заключение, я просил снисхождения к тому, что дозволил себе войти во все эти подробности. Они вызываются исключительно желанием предотвратить могущие возникнуть по настоящему предмету превратные толки.

6 ноября.

На докладе моем великий князь написал, что государь изволил одобрить все мои предположения. При свидании же великий князь сказал мне, что его величество будет уничтожать мои записки.

8 ноября.

По случаю именин великого князя Михаила Николаевича, был у него большой прием с завтраком. Великий князь был со мною, по обыкновению, сердечен; великая же княгиня несколько холодна, как будто недовольна. Вероятно, кто-нибудь влияет на нее недружелюбно в отношении ко мне. Посмотрим, что будет далее.

9 ноября.

Выл по делам у великого князя. Между прочим, его высочество сообщил мне о припадке, бывшем вчера с братом его, великим князем Николаем Николаевичем: он внезапно упал навзничь без чувств и некоторое время не мог прийти в себя. Михаил Николаевич предполагает, что это есть последствие все еще продолжающейся связи с Числовой, очевидно, ослабляющей великого князя. К этому Михаил Николаевич прибавил: «Благодарю бога за то, что он уберег меня. В жизни своей не имел ни одной посторонней связи».

Великий князь Константин Николаевич желал узнать в Гатчине, не будет ли неприятен приезд его к коронованию. Об этом Михаил Николаевич спросил государя при императрице, которая, услышав вопрос, поспешила сказать: «Mon Dieu, il n'est donc pas banni!»⁴¹.

Вслед за тем и его величество ответил, что не видит никаких препятствий к приезду дяди.

16 ноября.

Великий князь Михаил Николаевич сказал мне сегодня, что государь совершенно доволен составленным мною извлечением из мемории Государственного Совета. Самую меморию его величество не читал, а только местами перелистывал.

Оказывается, что и управляющий делами Комитета Министров представляет государю интимные работы. Все губернаторские отчеты отсылаются к нему для предварительного прочтения, при чем он обязан отмечать те места, которые заслуживают внимания.

Князь С. Н. Урусов болен и, кажется, серьезно. У него нарыв на нижней челюсти, от которого он очень страдает. Была консультация, и решено было сделать операцию. Опасаются рака.

17 ноября.

Обедал у великого князя. Ничего особенного.

Граф Игнатьев издал циркуляр губернаторам, который, по содержанию своему и направлению, точно так же мог быть подписан и Лорис-Меликовым. Победоносцев рвет на себе волосы. Я всегда говорил, что Игнатьев — тот же Лорис, только не черноволосый, а русый.

Получил вечером от государя обратно меморию. На ней уже не было прежней обычной подписи: «читал». Замечательная честность.

А. В. Головин сообщил мне письмо к нему великого князя Константина Николаевича из Парижа. Он живет там совершенно частным человеком, занимая небольшую квартиру; кушанье готовит кухарка; нет даже экипажа, в случае же надобности нанимается une voiture de remise⁴². Пребыванием своим великий князь доволен, так как видит много ученых и художников и вообще находит обильную пищу уму.

22 ноября.

Бедному Урусову, у которого действительно оказался рак, выпилили часть челюсти. Если он и поправится, то все-таки не в состоянии будет занимать трудную должность председателя департамента законов. Докладывая сегодня об этом великому князю Михаилу Николаевичу, в присутствии великого князя Владимира Александровича, который зашел к нему в это время, я сказал, между прочим, что нужно нам подумать о том, кого просить у государя в председатели. На мой взгляд, лучше всех был бы Сольский — как по уму и образованию, так и по опытности своей в делах законодательных, наконец, и по умению жить с людьми. Но едва ли пожелает он оставить нынешний свой пост государственного контролера; по крайней мере, несколько времени тому назад, когда, по случаю назначения Абазы министром финансов, ему предлагали пост председателя департамента государственной экономии, он от него отказался.

Великий князь Михаил Николаевич молчал, великий же князь Владимир Александрович сказал: «Да, Сольский был бы хорош... Но отчего бы не взять Ковалевского? Он — человек умный, честный

и свежий; кроме того, очень важно то, что он пользуется доверием государя. Его величество остался весьма доволен произведенною им ревизиею».

Оба великих князя посмотрели вопросительно на меня. Я отвечал, что если бы мы были в несколько иных обстоятельствах, то я, не колеблясь, тотчас же примкнул бы к мысли его высочества. Я с давних пор близок с М. Е. Ковалевским и глубоко его уважаю, лучшее тому доказательство, что мною был он предложен к назначению в члены Государственного Совета. Его высочество великий князь Михаил Николаевич это, вероятно, помнит (его высочество сделал утвердительный знак головою). Но со времени его назначения не прошло и года, он — младший из членов департамента законов, в числе которых есть лица очень почтенные: граф П. А. Шувалов, И. Д. Делянов, Е. И. Бреверн, К. К. Грот, Н. И. Стояновский; в общем же собрании Совета Ковалевский даже почти неизвестен. Сколько помню, он не говорил в нем ни разу. Поэтому, в случае назначения Михаила Евграфовича, члены департамента законов были бы несколько обижены, а в общем собрании он не имел бы необходимого авторитета. Между тем, великому князю Михаилу Николаевичу, так недавно занимающему должность председателя Государственного Совета, нужна в общем собрании опора. Его высочество должен иметь близ себя человека, который бы знал наши обычаи и с которым можно было бы посоветоваться в важных вопросах. Ковалевский же, при всех своих качествах, новичок в советских делах. Для моего самолюбия назначение Ковалевского было бы, конечно, очень приятно, потому что личное мое значение очень бы возросло, но оттого-то я и не желаю, так как и без того говорят, что я имею слишком большое влияние на дела Совета. Думаю, что упрек этот несправедлив, тем не менее я не желал бы подавать повода к новым нареканиям.

По моему мнению, великий князь Михаил Николаевич хорошо бы сделал, предложив на должность председателя департамент законов такое лицо, которое, соединяя в себе и другие качества, было бы хорошо известно в Государственном Совете и близко знакомо с соблюдаемыми в нем порядками.

Выслушав меня, оба великих князя нашли, что я прав. Затем Михаил Николаевич спросил меня, не могу ли я указать на кого-нибудь. Я отвечал, что в настоящую минуту, кроме Сольского, не имею никого; нужно подумать. Тогда великий князь сказал: «Сольский был бы мне очень симпатичен, переговорите с ним... Если же он не согласится, то мне приятнее всех был бы барон Николаи, я близко знаю его по Кавказу и глубоко уважаю его». После этого я откланялся. На набережной встретился мне граф Шувалов и предложил мне проводить меня домой. Дорогой он сообщил мне, что граф Игнатьев везде и всюду бранит меня, что ему, вероятно, вторят многие его друзья, в том числе и Победоносцев, и Островский; нашли даже путь к великой княгине Ольге Федоровне, которая сама сообщила Шувалову о начинающейся против меня травле. «Ce pauvre Péretz, décidément on ne veut pas le laisser en repos», ⁴³ — сказала она. Я очень поблагодарил Шувалова за доброе его участие, прибавив, что обезоружить Игнатьева и К^о не в моей власти. Пока государь и великий князь мне доверяют,

я буду спокойно оставаться на своем месте и исполнять обязанности свои по совести. Если же я увижу, что доверие ко мне поколеблено, буду просить об увольнении.

Надеюсь, что мне не откажут тогда в назначении членом Государственного Совета, как не отказывали в том всем бывшим государственным секретарям.

Затем разговор перешел к самому Шувалову и к его дебюту в департаменте законов. Я очень боялся, не метит ли граф Петр Андреевич в преемники князя Урусова. К счастью, оказалось, что нет. Он сам заговорил о болезни князя Урусова и спросил меня, предполагается ли заменить князя теперь же. Я отвечал, что это было бы неудобно до наступления нового года, когда по учреждению Государственного Совета делается распределение председателей и членов по департаментам. До этого срока остается лишь месяц с небольшим, и я не думаю, чтобы великий князь стал ходатайствовать теперь о назначении нового председателя, тем более, что Урусов не просил об увольнении.

«А кто имеется в виду? — спросил Шувалов. — Не бойтесь, я не буду искать этого места. Я сознаю вполне, что не гожусь в председатели департамента законов, так как не приготовлен вовсе к этой должности, требующей большой опытности законодательной и познаний юридических, которых я не имею».

«Великий князь желал бы назначения Сольского, но едва ли он согласится на это». — «Жаль будет, если он не пойдет, — сказал Шувалов, — Сольский был бы настоящий председатель департамента законов».

24 ноября.

Князь С. Н. Урусов прислал сегодня утром ко мне, убедительно прося навестить его, когда мне будет можно, для переговоров по очень важному делу. Само собой разумеется, что я отправился почти вслед за получением извещения.

Застал я князя, естественно, в постели. Верхняя часть лица его худа и бледна, но черты не изменились; нижняя же часть лица несколько обезображена операциею.

Голос Урусова довольно твердый, но произношение его, к сожалению, далеко не так внятно и явственно, как было прежде. В течение нашей беседы мне не раз приходилось просить князя повторить сказанное.

Он начал с извинений в том, что потревожил меня. Затем он сказал, что, не чувствуя себя в силах продолжать трудиться, он намерен просить государя, через посредство великого князя Михаила Николаевича, об увольнении от всех занимаемых им должностей, сопряженных с деятельною службою. Я счел обязанностью просить князя не торопиться этим решением, так как, по всей вероятности, силы его возвратятся. Он покачал головой и отвечал: «Нет, они не могут вернуться. Решение мое окончательное». Я возразил тогда, что, по словам докторов, он скоро поправится. На что князь сказал: «Доктора судят о моем здоровье и силах по тому, что они выслушивают здесь (он указал на грудь); но они не знают того, что происходит тут (он приложил палец

ко лбу). Без головы нельзя быть председателем и главноуправляющим. Нет, я все это обдумал зрело и решился... Мне говорили, что я могу иметь заместителей. С этим я не согласен. Je ne suis ni un roi d'Espagne, ni le prince Pierre d'Oldenbourg pour avoir des lieutenants. Philippe II était représenté aux Pays-Bas par le duc d'Albe et le prince Pierre avait pour lieutenant au département civil "Д. Н. Замятин. Очень прошу вас, передайте его высочеству следующие мои просьбы. Если вам угодно будет записать их, то вот карандаш и бумага». И князь произнес с расстановкою следующее:

«Усердно прошу его императорское высочество, нашего председателя, повергнуть государю императору мое ходатайство:

1) об освобождении меня от обязанностей председателя департамента законов, но не лишать меня звания члена Государственного Совета, прочих званий и получаемого мною содержания;

2) уволить меня от должности главноуправляющего II отделением, при чем смею предложить, чтобы окончание материалов биографии покойного Николая Павловича было поручено директору императорской Публичной Библиотеки (И. Д. Делянову), так как ныне этим делом занимаются чиновники Библиотеки;

3) при затруднительности устных объяснений после операции и утомлении нравственных сил, мне трудно было бы подносить всеподданнейшие доклады по императорскому Человеколюбивому Обществу. Если б государь благоволил поручить эту обязанность такому же члену общества, как и я, помощнику митрополита, генерал-лейтенанту Геденову, то это возвысило бы его положение и принесло бы пользу, так как он — единственный ответственный распорядитель по делам этого ведомства. Наконец:

4) прошу не останавливаться обсуждением вопроса о дальнейших судьбах II отделения, так как неопределенное его положение продолжаться не может».

Изложением этим князь Сергей Николаевич был видимо утомлен, и потому я поспешил его оставить, тем более, что доктор, встретивший меня, когда я приехал к больному, просил меня не оставаться более десяти минут.

Прощаясь со мной, Урусов просил меня не разглашать о нашем свидании, так как он не может никого принимать.

От Урусова поехал я прямо к великому князю и доложил ему обо всем. Его высочество просил меня обстоятельно изложить о свидании с князем на письме, для доклада государю.

25 ноября.

Был у Сольского. Он очень не желает председательствовать в департаменте законов, так как пришлось бы покинуть пост государственного контролера, на котором чувствует себя совершенно на месте. Он просил меня даже сделать все, от меня зависящее, чтобы чаша миновала его. Затем Дмитрий Мартынович сообщил мне, что великая княгиня Ольга Федоровна, которую осаждают обвинениями против меня, несколько встревожена и собирает обо мне справки у людей беспристрастных, даже у дам. До сих пор отзывы были для меня благоприят-

ные. Все это Сольский знает от жены своей Марии Александровны, которая постоянно во дворцах и в большом свете.

Заехал к Рейтерну, чтобы посоветоваться с ним о разных вопросах. Между прочим, он рассказал мне анекдот из прежних времен. Когда в начале прошлого царствования возбужден был вопрос об освобождении крестьян, при чем князю Орлову, тогдашнему председателю Государственного Совета, поручено было председательствовать в особом секретном комитете по этому делу, — князь Орлов сказал своим единомышленникам, что не боится исхода: «Из этого ничего не выйдет. Володя все устроит». Володя этот — Бутков, к способностям и преданности которого Орлов питал неограниченное доверие. На деле вышло — иначе.

28 ноября.

Великий князь сообщил мне при свидании, что просьба князя Урусова очень озабочивала государя. Его величество не желал бы уволить Сергея Николаевича от деятельной службы, так как питает к нему большое доверие. Государь готов облегчить эту службу, освободив князя от управления II отделением и от трудов по истории царствования Николая Павловича; попросить его остаться председателем департамента законов и докладчиком по делам Человеколюбивого Общества. Его величество готов и по этим двум обязанностям дать Урусову время для отдыха и поправления сил. Государь поручил его высочеству лично передать все это от его имени князю Урусову.

3 декабря.

На днях будет 50-летний юбилей службы члена Государственного Совета Корнилова. По принятому порядку, представлена была государю памятная об этом записка, с тою целью, не благоугодно ли будет его величеству пожаловать юбиляру какую-либо награду. Государь заметил по этому случаю, что Корнилов недавно получил чин действительного тайного советника. Поэтому его величество не призвал возможным дать ему следующую награду (бриллиантовые знаки на орден св. Александра Невского). Вообще государь против раздачи массы наград: в прошлое царствование эксплуатировали в этом отношении, как и во многих других, доброту покойного императора.

В виду такого решения, великий князь сказал его величеству, что в день юбилея не следует ли ему поехать к Корнилову и поздравить его от имени государя, а также поблагодарить от его величества за 50-летнюю верную службу. Государь разрешил это. Замечательный такт у великого князя Михаила Николаевича.

19 декабря.

К новому году бывают обыкновенно назначения новых членов Государственного Совета. Как предместник мой Сольский, так и я считали своей обязанностью приискывать и представлять на благоусмотрение великого князя председателя полезных кандидатов для освежения наших сил.

При нежелательности пополнять Государственный Совет преимущественно и почти исключительно отставными министрами и послами, из которых первые уже устали и не могут работать, а вторые вовсе не знают внутреннего строя России, или же высокопоставленными

придворными и военными чинами, так как и те, и другие не особенно сведущи в делах законодательных, — обыкновенным источником, из которого черпали мы новых членов, был Сенат. Нет сомнения, что в числе сенаторов есть люди очень умные и образованные и притом трудолюбивые; но таких лиц в Сенате, как и везде, не особенно много, а между тем не следует чересчур ослаблять и Сенат, которому также очень нужны дельные и свежие силы. С другой стороны, в числе членов Государственного Совета, на ряду с опытными администраторами и судьями, проводившими почти весь век в деятельности кабинетной, очень желательно было бы иметь и людей, практически знающих русскую жизнь в губерниях и уездах.

Все это навело меня на мысль, нельзя ли предложить к назначению в члены Государственного Совета кого-либо из сведущих людей, заседающих теперь в Петербурге в особых комиссиях при министерстве внутренних дел и финансов по вопросам о крестьянских переселениях и о преобразовании питейной системы. Сведущие люди эти, большею частью, предводители дворянства, губернские и уездные, председатели земских управ, городские головы и т. п. выборные должностные лица. Трудность привлечения их в состав высшего государственного учреждения заключалась бы в том, что Государственный Совет состоит исключительно из лиц, весьма высокопоставленных в служебной иерархии, при чем назначение в их среду человека, имеющего положение весьма скромное, могло быть несколько оскорбительным для сановников, а потому и было бы встречено ими враждебно. При таком же настроении, успех предполагаемого освежения Совета был бы заранее скомпрометирован.

По счастью, в числе экспертов есть лица высокопоставленные — Г. П. Галаган и князь Щербатов. Первый из них — прилуцкий предводитель дворянства (Полтавской губернии), второй — московский городской голова; оба они люди весьма достойные и принадлежащие к лучшему обществу. На первый раз мне казалось желательным начать с одного только лица, именно с Галагана, который уже тайный советник и имеет несколько звезд; следовательно, со стороны собственно чиновной препятствий не было. Затем, жена его — рожденная Кочубей и потому сродни всему высшему свету; наконец, Галаган имеет очень хорошее состояние, а это никогда не мешает. В отношении нравственном трудно было бы приискать лицо, более подходящее.

Репутация Галагана безупречная. При возбуждении вопроса об освобождении крестьян, он был членом полтавского губернского комитета, а потом и центральной редакционной комиссии; и здесь, и там он горячо стоял за наделение крестьян землею, несмотря на то, что это должно было неблагоприятно отозваться на собственном его состоянии. По обнародовании закона 19 февраля 1861 года он пошел в мировые посредники и остался в этой должности все горячее время; затем, с тех пор и до настоящей поры, т.-е. около двадцати лет, он был уездным предводителем дворянства и много способствовал хорошей постановке земских учреждений в своей местности.

Кроме того, Галаган известен и с точки зрения благотворительной. По смерти единственного сына, 16-летнего юноши, он учредил в память его так называемую коллегию Павла Галагана — учебное заве-

дение в Киеве, на правах гимназий, устройство и содержание которого стоило и стоит ежегодно больших денег. Наконец, Г. П. Галаганом пожертвовано еще большое имение для устройства в нем ремесленного училища для крестьянских детей.

Когда прошедшею осенью созвано было в Петербурге совещание сведущих людей для обсуждения указанных мною выше двух важных вопросов (переселенческого и питейного), Григорий Павлович был признаваем одним из столпов этого совещания, и при открытии заседаний он почти единогласно избран был товарищами в председатели совещания по переселенческому вопросу.

В виду этого, мне казалось, что в настоящем случае Галаган — человек вполне подходящий. Посоветовавшись с Сольским, который очень одобрил как основную мысль, так и выбор Галагана, я доложил обо всем, с полною откровенностью, великому князю Михаилу Николаевичу, несколько опасаясь, что предполагаемое мною новшество будет ему не совсем по душе. К великой моей радости, его высочество не только не встретил никаких затруднений, но даже вполне усвоил себе мысль о желательности освежения Государственного Совета посредством назначения нескольких членов не из чиновников и старых генералов. Тогда я попросил у великого князя разрешение, предварительно доклада им этого вопроса государю, переговорить с графом Игнатьевым, так как он мог бы оскорбиться тем, что мы, без его ведома, отнимем его эксперта, приглашенного по его инициативе. Вежливость и осторожность с Игнатьевым тем более необходима, что отношения наши натянуты. Великий князь очень хорошо понял это.

20 декабря.

Был у Игнатьева. Он в восторге от нашего предположения (это понятно, так как оно придает огромное значение совещанию сведущих людей) и наговорил мне массу любезностей. Со стороны можно было бы подумать, что мы сердечные друзья. Игнатьев предложил мне доложить государю о желательности назначения Галагана членом Государственного Совета, но я поблагодарил его и сказал, что так как мысль о сем принадлежит великому князю, то желательно оставить за ним и почин в этом деле.

В случае же каких-либо сомнений со стороны государя, его высочество сошлется на графа Николая Павловича, и тогда он может помочь нам. На этом мы и остановились.

23 декабря.

Государь принял предположение о назначении Галагана очень милостиво. Великий князь этим чрезвычайно доволен. Зато вышла неприятность по отношению к Шувалову.

Хотя его величество, согласно данному уже прежде разрешению, и не встретил препятствий к назначению его в состав департамента законов, но сказал при этом, что пользы от Шувалова не ожидает, так как он собственно не русский, а космополит. Великий князь полагает, что Игнатьев оказал Шувалову дружескую услугу, очернив его в глазах государя.

1882 г.

3 января.

Все это время был очень занят и мало кого видел. Назначение Галагана, опубликованное третьего дня, произвело большое впечатление, — в общем, благоприятное.

Говорят, Игнатьев присваивает эту мысль себе. Бог с ним!

Победоносцев, с которым встретился сегодня, как будто бы тоже доволен этим назначением, по крайней мере, отнесся к Галагану скорей с похвалой, чем с горечью. Свидание наше не обошлось, однако, без некоторой неприятности.

«Нехорошо, Егор Абрамович, — сказал он, — что государственная канцелярия переполняется журналистами. Нельзя в Государственном Совете сказать задушевного искреннего слова без того, чтобы оно тотчас же сделалось всем известным. Государственный Совет есть совет государя, не учреждение гласное, в роде новых судебных мест или земских учреждений.

«... Благодаря этим журналистам, в газетах постоянно печатается, какие дела слушаются в Совете и что по ним решено...».

«Обвинение ваше едва ли справедливо, — отвечал я. — Никакими журналистами государственной канцелярии я не переполнял. Будьте так добры, назовите их».

«Помилуйте, да их масса: Краевский, Семевский, Пятковский...».

«Позвольте мне, Константин Петрович, ответить о каждом из них отдельно.

«Краевский — не журналист, а только сын журналиста и притом не имеющий с отцом ничего общего. Не только он не участвует в редакции «Голоса», но даже нелюбим отцом, и в доме его почти не бывает.

«Притом Краевский определен не мною, а лет двадцать тому назад покойным В. П. Бутковым, потом служил при государственных секретарях князе Урусове и Сольском, наконец, при мне, и всегда считался очень хорошим, скромным чиновником. Занимался он всегда по сметной собственно части, а не по делам законодательным».

«Ну, положим, Краевский, а Семевский и Пятковский?».

«Семевский тоже не может быть признаваем журналистом; он издает, правда, «Русскую Старину», но дел современных, а следовательно и суждений Государственного Совета, он не касается. С самого учреждения Главного Комитета о сельском состоянии, т.-е. тоже со времен бутковских, он служил в канцелярии этого Комитета и считался

там очень полезным своими историческими познаниями. Впрочем, говорить о нем нечего, потому что, с закрытием Главного Комитета в прошедшем году, Семевский уволен вместе с большою частью чинов комитетской канцелярии...».

«Знаю, знаю...» — сказал с некоторым неудовольствием Победоносцев.

«Наконец, Пятковский, никогда прежде журнальным делом не занимавшийся; когда же он задумал издавать «Наблюдателя», то я объявил ему, что, в качестве редактора ежедневного издания, ему нельзя оставаться в государственной канцелярии. Он очень хорошо понял это и покинул нас».

«Так скажите на милость, как же проникает в газеты все происходящее в Государственном Совете? Верно, другие служащие имеют с газетчиками связи?»

«Не думаю, большинство служащих в государственной канцелярии — люди очень порядочные, и едва ли станут они нарушать основное, постоянно внушаемое им правило о неразглашении происходящего в стенах Совета. По всей вероятности, рассказывают о наших заседаниях сами члены; по субботам, т.-е. вслед за заседанием соединенных департаментов, многие из них ездят в английский клуб и, конечно, говорят о том, что происходило в Совете. Это очень естественно, и уберечься от этого нельзя».

Победоносцев не возражал, но он, видимо, не убедился моими ответами. Я уверен, что при первом удобном случае он будет жаловаться всем власть имущим, начиная с самого государя, что государственная канцелярия переполняется журналистами и что в Совете нельзя сказать ни одного задушевного искреннего слова.

11 января.

Адмирал Шестаков назначен управляющим морским министерством. Говорят, государь очень доверяет ему. Сблизил Шестакова с его величеством граф Воронцов-Дашков.

А. В. Головин сообщил мне письмо к нему великого князя Константина Николаевича, который чрезвычайно доволен назначением Галагана и спрашивает, каким путем состоялось такое необычайное назначение. Я отвечал, разумеется, что почин в этом вопросе принадлежит великому князю Михаилу Николаевичу, но что предварительно доклада государю его высочество поручил мне переговорить с графом Игнатьевым, который, и с своей стороны, выразил этой мысли полное сочувствие.

По случаю назначения Шестакова, Головин рассказал мне, что он был долгое время адъютантом и даже любимцем великого князя Константина Николаевича, но что потом был отчислен по случаю серьезных неудовольствий с управляющим морским министерством Н. К. Краббе. Александр Васильевич считает Шестакова очень способным, но несколько заносчивым, и характера очень тяжелого.

Головин передал мне также, что великая княгиня Александра Иосифовна спрашивала про меня и недовольна тем, что редко у ней бываю. Советовал поехать в одно из ближайших воскресений в Мраморный дворец к обедне.

12 января.

С конца декабря были у нас совещания о дальнейших судьбах II отделения собственной его величества канцелярии. Князь С. Н. Урусов, до болезни своей, внес представление о присоединении его к государственной канцелярии. При рассмотрении этого представления в особом совещании под председательством великого князя Михаила Николаевича (участвовали: Рейтерн, гр. Баранов, Сольский, Набоков, Старицкий, товарищ князя Урусова сенатор Маркус и я), я восстал всеми силами против такого присоединения, так как государственному секретарю и без того довольно дела. Между тем кодификация имеет большую важность, и желательно издать, наконец, свод законов, очищенный от всего того, чем переполнился он со времени Сперанского. Меня поддержал Сольский. Все присутствовавшие согласились с таким взглядом. Поэтому признано нужным назначить в кодификационный отдел особого начальника из членов Государственного Совета; найдено также необходимым освободить отдел от консультативной деятельности по законодательным вопросам, на которую уходит большая часть времени служащих в нынешнем II отделении. Таким образом, в будущем оно должно сосредоточить все свои силы на возможном усовершенствовании свода законов.

13 января.

Был у меня сегодня с официальным визитом новый управляющий морским министерством адмирал Шестаков. Он просидел у меня довольно долго, и разговор, естественно, коснулся великого князя Константина Николаевича. Шестаков с жаром говорил про великого князя, восхищаясь его чрезвычайно многосторонним умом, замечательным образованием и желанием добра. «Пока великий князь сам занимался морским ведомством, он сделал очень много хорошего; но затем, когда его высочество послан был наместником в Царство Польское, а потом был назначен председателем Государственного Совета, — все переменялось. Номинально всем заведывал по прежнему великий князь, в качестве генерал-адмирала, а в действительности все делалось по распоряжениям управляющего министерством Краббе, человека пронырливого и сумевшего вкрась в доверенность Константина Николаевича. Этот Краббе, — заключил Шестаков, — был злым гением великого князя, он развратил наш флот, он же и уничтожил его... Будучи адъютантом его высочества, я позволял себе откровенно высказывать мое мнение о Краббе; но понятно, что одолел не я, и меня спустили».

13 января.⁴⁵

На должность главноуправляющего кодификационным отделом предполагается Е. П. Старицкий, человек очень умный и заявивший себя с лучшей стороны в Государственном Совете при рассмотрении многих серьезных дел. Кроме того, он обладает чрезвычайным трудолюбием. Благодаря ему, приведены в ясность в высшей степени запутанные расчеты с подрядчиками во время минувшей войны. Вследствие того сбережено казне от 15 до 20 миллионов рублей. Подрядчики подбуждали, конечно, через третьих лиц, как к самому Старицкому,

так и к жене его, предлагая им до двух миллионов; но понятно, что это не подкупило высококачественного человека. Заслуги Старицкого очень ценятся государем. Его величеству угодно было пожертвовать Егору Павловичу за труды по комиссии пожизненную пенсию в размере четырех тысяч рублей.

15 января.

Дело о злоупотреблениях по раздаче земель в Оренбургском крае окончательно решено.

✓ Валуев, по собственной его просьбе уволенный от должности председателя Комитета Министров, оставлен в нынешнем его положении, т.-е. членом Государственного Совета. Генерал-губернатор Крыжановский уволен от должности без прошения, а князю Ливену государь приказал подать прошение об увольнении от звания члена Государственного Совета. На мою долю выпала неприятная обязанность пригласить его для объяснений по этому предмету к великому князю. Ливен был очень сконфужен и старался выпытать у меня, что именно сообщит его высочество. Я не считал себя в праве посвящать его в какие-либо подробности и ограничился предварением, что объяснение будет касаться пожалования ему земли в Оренбургском крае.

16 января. ✓

Был у обедни в Мраморном дворце. Великая княгиня Александра Иосифовна была очень милостива и оставила завтракать. Разговор шел преимущественно о великом князе, которого великая княгиня, несмотря на связь его с Кузнецовой, по прежнему горячо любит. Она интересуется малейшими подробностями, касающимися ее супруга, и превозносит его таланты.

18 января.

По случаю назначения Галагана, газеты исполнены восторженными статьями. Статьи эти внушены, главным образом, желанием, чтобы, по примеру Галагана, в Государственный Совет привлечены были и другие общественные деятели, между прочим, литераторы и журналисты; указываются даже имена Тургенева, Островского и Каткова. Так как в газетном этом перезвоне руководящим органом явилось «Новое Время», вдохновляемое графом Игнатьевым, то должно думать, что статьям этим он сочувствовал.

К. К. Грот, почти самостоятельно заведующий тюремной частью, оставшеюся, однако, в министерстве внутренних дел, очень жалуется на графа Игнатьева. По его словам, последний, не имея времени вникать в суть объясняемых ему серьезных вопросов, только смеется и шутит и, как угорь, ускользает от обстоятельных суждений; а затем просит оставить у него самое дело и, в конце концов, дает ему направление, вовсе несогласное с мыслями настоящего хозяина, т.-е. Грота. «Всею виною человеческое властолюбие», — повторял он мне несколько раз. Не думаю, чтобы Грот остался в этом странном, двусмысленном положении: он человек с характером.

20 января.

Опять статья «Нового Времени» о назначении Каткова членом Государственного Совета. Между тем, Катков, с обыною ему страстностью и резкостью, написал обвинительную статью против министра народного просвещения барона Николаи и, через Победоносцева, представил ее государю. Его величество передал эту статью барону для представления объяснений. Николаи очень этим обижен и говорит, что министру не подобает оправдываться от нападков журналистов. По всей вероятности, он будет просить об увольнении.

Странный человек Победоносцев. Давно ли рекомендовал он государю Николаи и упрашивал последнего принять пост министра, которого барон вовсе не желал? Теперь тот же Победоносцев, помимо Николаи, представляет государю чуть не донос на него.

По докладу графа Игнатьева и Набокова, посылается в Прибалтийский край сенаторская ревизия. Ревизирующим сенатором назначен Н. А. Манассеин, ненавидящий баронов. Ревизия эта будет иметь, по всей вероятности, серьезные последствия для края.

24 января.

Катков, по представлению графа Игнатьева, даже без ведома министра просвещения, произведен в тайные советники, за заслуги по народному образованию. Замечательная бесцеремонность!

Не менее бесцеремонно действует Игнатьев по части иностранной политики. В «Правительственном Вестнике», издаваемом при министерстве внутренних дел, помещена статья, оскорбительная для Австрии. Гирс в отчаянии. В «Новом Времени» помещена заметка о том, что Каткову предложено было звание члена Государственного Совета, но что он отказался. Вероятно, опять шапши Игнатьева. Заметка эта произвела в Государственном Совете очень неблагоприятное впечатление.

25 января.

Был поутру у великого князя и обратил его внимание на заметку «Нового Времени» о Каткове, доложив при этом, что многие члены Государственного Совета оскорбляются ею: до сих пор звание члена высшего этого учреждения давалось в награду за долголетнюю полезную службу на том или другом государственном поприще, и вдруг этим званием пренебрегает журналист, конечно, очень талантливый, но которому высокого звания этого никто и не думал предлагать. Его высочество принял такое нахальство очень к сердцу, недоумевая, однако, можно ли что-нибудь сделать.

Я предложил доложить государю о необходимости напечатать опровержение в «Правительственном Вестнике». Великий князь согласился.

В Совете было, под председательством его высочества, довольно неприятное совещание из министра юстиции, Победоносцева, князя Долгорукого и меня, по случаю испрошенного Долгоруким высочайшего повеления о пересмотре в Сенате недавно состоявшегося в нем мнения по одному гражданскому делу. Долгорукий, всегда резкий и неприят-

ный, при деловых объяснениях был чрезвычайно упрям и отстаивал право статс-секретаря у принятия прошений представлять подобные доклады его величеству. Все остальные члены совещания были иного мнения. Вопрос тут не только в достоинстве Государственного Совета, но и в ограждении прав частных лиц. После нескончаемых мытарств спорное дело доходит до Сената и обсуждается в одном из его департаментов, а в случае разногласия — в общем собрании Сената, из которого в исключительных случаях переносится в Государственный Совет. Казалось бы, что решение его, подносимое на высочайшее утверждение, должно быть окончательным, и вдруг все это может быть ниспровергнуто по докладу статс-секретаря, за спиною которого действует какой-нибудь делопроизводитель, может-быть, пристрастный к той или другой стороне. Решено представить спорный вопрос на благоусмотрение его величества. Думается мне, что князь Долгорукий сломит себе шею, тем более, что в последнее время он уже не раз делал разные сумасбродные промахи.

27 января.

Обедал у Сольского. В сущности, он одобряет настойчивость мою по отношению к Игнатьеву, но говорит при этом, что я могу за нее поплатиться, так как Игнатьев в большой милости и, по всей вероятности, будет наговаривать на меня государю.

По возвращении домой, нашел извещение от великого князя о том, что государю угодно было разрешить напечатание в «Правительственном Вестнике» опровержения о Каткове, при чем его величеством одобрен и самый текст опровержения.

28 января.

Зная Игнатьева, я принял всевозможные меры предосторожности при сообщении ему высочайшей воли о напечатании опровержения: собственноручно написал и запечатал бумагу, записал ее в рассылную книгу и поручил доставление пакета самому толковому из наших курьеров, приказав ему, чтобы он вручил пакет самому министру и привез мне его расписку в книге; если же ему скажут, что графа нет дома, или что он не принимает, — то оставался бы у него в передней хотя бы до поздней ночи.

Курьер, отправленный утром, возвратился только в восьмом часу вечера с распискою графа Игнатьева. По словам курьера, министр не хотел сначала принимать пакета, а принял его только тогда, когда ему было доложено, что курьер не смеет уехать.

29 января.

Не найдя нашего опровержения в сегодняшнем номере «Правительственного Вестника», я думал, что, может-быть, оно будет напечатано завтра; вдруг, часов около 2-х, получаю я официальное извещение от графа Игнатьева о том, что опровержение не может быть напечатано по многим причинам: во-первых, текст его, приложенный к моему сообщению, хотя и написанный мною собственноручно, не подписан мною; во-вторых, в тексте этом есть различные пробелы, даже неточности, так, например, не указан номер «Нового Времени», в котором заметка

была напечатана, а Катков назван редактором «Московских Ведомостей», тогда как, с разрешения его, министра внутренних дел, он освобожден от этого звания.

С письмом этим я немедленно поехал к великому князю. Его высочество был поражен им очень неприятно; тем не менее, он сказал, что, делать нечего, надобно исправить неточности, указываемые Игнатьевым. Я отвечал, что, конечно, поступлю так, как угодно будет его высочеству, но что, по моему мнению, едва ли следует уступать Игнатьеву, потому что собственно, что выражения [sic. Ред.] его — чистая придирка, не имеющая смысла.

«Согласен с вами, — сказал великий князь, — но ссориться с Игнатьевым очень неприятно; он пользуется чрезвычайным доверием у государя. Это чуть не Аракчеев». Тогда я заметил, что, строго говоря, мы даже не в праве изменять текста, утвержденного его величеством, — сам же Игнатьев будет обвинять нас в свое время, а представлять вновь редакцию, из-за таких мелочей, на усмотрение государя было бы чрезвычайно неудобно.

Великий князь нашел мои замечания правильными и, подумав немного, сказал: «Сделайте одолжение, съездите сами к Игнатьеву и переговорите с ним; может-быть, вы его убедите. Знаю, что поездка эта вам будет неприятна, но, для избежания новых дразг, не откажите мне в этой услуге».

Делать было нечего, я поехал. Игнатьев принял меня сухо, более чем официально.

«Ваше превосходительство вероятно желаете объясниться со мной на счет сегодняшнего моего письма», — сказал он.

Я отвечал, что действительно так. Затем я прибавил, что так как высочайшее повеление о напечатании опровержения было испрошено его высочеством председателем Государственного Совета, то я счел долгом представить великому князю о затруднениях, встречаемых графом. Его высочество поручил мне объясниться с ним.

«К сожалению, ничего нового я не могу вам сказать. Как я писал вам, опровержение в нынешнем его виде не может быть напечатано: в нем не указан номер «Нового Времени», затем Катков назван редактором «Московских Ведомостей», тогда как на прошлой неделе он освобожден мною от редакции; наконец, текст опровержения никем не подписан, и я не имею уверенности, что это тот самый текст, который одобрен его величеством».

Меня корбило, но я сдерживался. Когда Игнатьев кончил, я сказал довольно спокойным тоном, что мне неизвестно, чтобы существовало правило об указании номера повременного издания, статья которого опровергается, и мы постоянно читаем в «Правительственном Вестнике» опровержения без подобного указания. С какой же стати требовать его в настоящем случае? Далее, если Катков и освобожден от редакторства, то это никому неизвестно, так как об этом опубликовано не было, между тем, газетная заметка, против которой мы возражаем, говорила о Каткове вовсе не как о газетном человеке, а именно как о даровитом редакторе одного из наиболее распространенных изданий. Наконец, если текст высочайше одобренной редакции мною и не подписан, то едва ли нужно это, потому что и редакция и письмо,

при котором она была сообщена, писаны мною собственноручно, и не может быть никакого сомнения в том, что это та самая редакция, о которой говорится в письме.

«Нет, извините меня, — сказал Игнатьев, — сомнение очень возможно. Одно приложение всегда может быть заменено другим, и коль скоро оно не подписано, нельзя знать, которое настоящее».

«Извините меня, граф, — сказал я взволнованно, — мне кажется, что подобные предположения недостойны порядочных людей».

«О порядочности тут нет и речи. Вопрос идет исключительно о деловом вопросе, а в вопросах этого рода нужно быть осмотрительным. Ну, что, если я напечатаю ваше опровержение, а вы вдруг потом от него откажетесь?...».

Меня это взорвало. Я вскочил с своего кресла и, направляясь к двери, произнес:

«После этого мне трудно продолжать объяснения, для которых я приехал. Скажу только одно: я не имею привычки лгать и отрекаться от своих слов».

Игнатьев тоже встал и, быстро подойдя ко мне, взял меня за руку. «Какой же вы горячий, — сказал он. — Я вовсе не имел намерения вас обидеть. Пожалуйста, не сердитесь и поговоримте спокойно».

Как ни было мне это неприятно, но я вернулся к своему месту. «Будемте говорить совершенно откровенно, — продолжал Игнатьев. — Вы желаете моего содействия в настоящем вопросе, а между тем вы сами на каждом шагу делаете мне неприятности. Вы постоянно противодействуете мне в Государственном Совете. Это говорят мне с разных сторон, и в этом я сам убедился. Вы нам, — т.е. мне и моим друзьям, — во всем помеха».

«Слишком много для меня чести. Я вовсе не имею такого значения. Но позвольте спросить вас, граф, в чем же проявляется мое противодействие? Я просто исполняю свои обязанности. Если некоторые из моих действий и были вам неприятны, то вы сами вызывали их нарушением прав Государственного Совета, которые я должен отстаивать. Напротив того, в некоторых других случаях я помогал вам. Вспомните, например, дело о понижении выкупных платежей; вспомните столь недавнее назначение Галагана, за которое вы тогда так меня благодарили...».

«Все это прекрасно, — прервал Игнатьев. — А назначение Шувалова в департамент законов? Разве вы не знаете, что с Шуваловым мы искони политические враги. Наши взгляды и убеждения совершенно различны, и никакого примирения между нами быть не может. И вдруг вы сажаете его в департамент законов, где рассматривается большая часть моих представлений. Понятно, что они часто проваливаются».

«Извините меня, некоторые представления ваши не проходят в Государственном Совете вовсе не потому, что в департаменте законов заседает граф Шувалов. Очень часто они бывают составлены наскоро и недостаточно разработаны. Решает дела не один Шувалов, а целая коллегия, на которую он не имеет, да и не может иметь, подавляющего влияния. В департаменте законов сидят люди знающие и самостоятельные... К тому же не я назначал Шувалова. Назначал его государь император, по докладу великого князя. Правда, что великому

князю доложил я о желании графа Петра Андреевича быть членом департамента законов. Но мог ли я не сделать этого? Согласитесь, что граф Шувалов прежде всего умный человек, затем он имеет некоторую опытность, так как долгое время был в центре дел. Теперь он сидел, сложа руки, и желал работать. Неужели же мы так богаты людьми, чтобы пренебрегать подобными силами? Вы жалуетесь, граф, что представления ваши часто не проходят; а между тем вы сами редко ездите в Совет и посылаете, вместо себя, своего товарища Готовцева, который, между нами будь сказано, часто не знает дел. Если вы придаете значение какому-либо представлению, то приезжайте сами...».

«Не ездил и не буду ездить... скажу вам более, — я не буду даже вносить представления в Государственный Совет, а буду вносить их в Комитет Министров. Вы скажете, что это незаконно... Может быть. А все-таки, в случае надобности, можно прибегать к Комитету, испрашивая утверждения временных только правил...». И Игнатьев расхохотался.

«В этом я препятствовать вам не могу. Это ваше дело, граф. Скажу только, что бог весть еще, будет ли Комитет утверждать все ваши временные правила... Но, как мне кажется, — сказал я, вставая, — мы несколько уклонились от предмета, для которого я приехал. Сколько я мог понять, вы признаете необходимым, чтобы текст опровержения о Каткове был подписан мною. Как это ни странно для меня, но я готов исполнить ваше желание. Не позднее, как через час, много через два, вы получите другой экземпляр текста, подписанный мною и с означением на том же листе, что текст этот удостоился высочайшего утверждения. Прежний же экземпляр вы благоволите мне возвратить».

«Возвращу непременно, — сказал Игнатьев. — За присылку же подписанного текста буду очень вам благодарен. Мне нужен документ... не для себя, а для Гатчины... Вы Гатчины не знаете: сегодня там так, а завтра иначе... Когда опровержение будет напечатано, Катков озлится, прискачет сюда, начнет жаловаться всюду, начиная с Победоносцева, а пожалуй пробьется и к самому государю... Тогда спросят меня, а я спокоен, — у меня до-ку-мен-тец». И Игнатьев опять расхохотался.

Я не отвечал ничего; только поклонился, желая уезжать.

«Да куда же вы торопитесь, милейший Егор Абрамович, — сказал Игнатьев, удерживая меня. — Посидите еще минутку. Мне нужно побеседовать с вами... Скажите на милость, что вам в этом Каткове? Ну, какой он член Государственного Совета?.. Он — мальчик, и больше ничего. Велика важность, что газеты пишут о его назначении. Можно ли верить газетам, и кто им верит? Скажите, пожалуйста, отчего вы так привязались к этому Каткову? Ведь не о нем одном говорили, что он назначается в Государственный Совет. Говорили об Островском, брате моего приятеля, о Тургеневе».

«На это я отвечу вам охотно, граф. Между Катковым и другими двумя названными вами лицами — огромная разница: об них писали, что они назначаются членами Государственного Совета, а о Каткове было сказано, что ему предложено было это звание и что

он от него отказался. Это последнее обстоятельство оскорбительно для Государственного Совета и для его членов. Вот почему мы и настаиваем на опровержении».

«Теперь я понимаю, — сказал Игнатьев. — Вы совершенно правы. Опровержение необходимо, и оно будет напечатано в завтрашнем же номере «Правительственного Вестника». Положитесь на меня. Только, пожалуйста, пришлите мне другой экземпляр текста, за вашею подписью. Мне нужен документец...».

И опять хохот.

От Игнатьева я поехал в государственную канцелярию и, отправив к нему желаемую им бумагу, явился к великому князю. После свидания с Игнатьевым я был так расстроен, что едва был в силах рассказать его высочеству, последовательно и подробно, весь наш разговор. Когда я кончил, со мной сделался, от волнения, нервный припадок. Великий князь испугался, уговорил меня лечь на диван, побежал к великой княгине, принес от нее воды с fleur d'orange, и всячески успокаивал меня, убеждая не принимать к сердцу всех этих дразг.

Оправившись, я доложил великому князю, что далеко не уверен в том, что завтра опровержение будет напечатано.

«Не может быть, — сказал его высочество. — Это было бы просто подло. Ведь он же сам признал наше опровержение необходимым и обещал вам напечатать его».

«Действительно так. Но ведь у графа Игнатьева приемы своеобразные».

«Ну, если в завтрашнем номере опровержения не будет, я тотчас же поеду в Гатчину и расскажу все государю».

Я откланялся и уехал домой.

30 января.

Предчувствие меня не обмануло. В «Правительственном Вестнике» опровержения нет. Взявши затем «Новое Время», я ахнул от удивления. На видном месте помещено в нем письмо Каткова, в котором [он] выражает сожаление по поводу распушенных на его счет слухов, не имеющих ни малейшего основания: звание члена Государственного Совета никогда не было ему предлагаемо, а потому он и не имел возможности отказаться от столь высокой чести.

Теперь мне ясно все. Игнатьев надул меня гениально. Выведав от меня, в чем именно заключается главная причина нашего недовольства, он написал это письмо от имени Каткова в редакцию «Нового Времени», может-быть, снесшись по телеграфу с Катковым. Сам же Катков не имел физической возможности в столь короткое время прислать письмо из Москвы.

Таким образом Игнатьев достиг своего — опровержение уже не нужно. В виду этого, я немедленно отправил «Новое Время», отчеркнув в нем письмо Каткова, к великому князю; но посланный мой не застал уже его высочества, так как Михаил Николаевич уехал в Гатчину.

Мы почти проиграли сражение. Думается мне, однако, что и Игнатьев не может считать себя победителем. Ему не удалось провести Каткова в члены Государственного Совета. Что такова была его

цель, — более чем вероятно. Иначе к чему было производить его, почти тайком, в тайные советники, а в особенности к чему было снимать с него, тоже тайком, редакторство «Московских Ведомостей», когда в действительности он оставался их редактором?

31 января.

Великий князь рассказал мне подробно о поездке своей. Прибыв в Гатчину и будучи приглашен в кабинет государя, его высочество уже застал там Игнатьева (он прибыл с первым поездом).

Его величество, поздоровавшись с великим князем, сказал ему, что министр внутренних дел только что докладывал, что опровержение, о котором просил великий князь, едва ли уже нужно, так как сам Катков опроверг распускавшиеся слухи. При этом государь указал в «Новом Времени» письмо Каткова.

Положение великого князя было очень трудное. Не настаивая на прежнем опровержении, он сказал, однако, что его удивляет образ действий министра внутренних дел, который в течение двух суток противился исполнению высочайшей воли, и что, по мнению его высочества, полезно было бы все-таки поместить в «Правительственном Вестнике» опровержение в том смысле, что все печатавшиеся в последнее время предположения о назначении новых членов Государственного Совета не имеют оснований. Игнатьев хотел возражать, но государь остановил его, сказав, что находит это полезным и поручает Игнатьеву исполнить.

Затем он был отпущен, а великий князь остался завтракать.

Был у М. Х. Рейтерна и, рассказав ему сцену мою с Игнатьевым, предварил о намерении последнего вносить законодательные дела, под видом правил временных, в Комитет Министров.

«Будьте спокойны, — отвечал Михаил Христофорович, — этого я не допущу. Из Комитета Министров все подобные дела будут передаваться в Государственный Совет».

1 февраля.

Игнатьев был вчера у великого князя, для объяснения по поводу нашего столкновения. Начал он очень развязно, но великий князь дал ему почувствовать неприличие его поступков и, хотя очень знаком с ним с детства (они детьми играли вместе, и Михаил Николаевич говорил ему вследствие того «ты»), его высочество стал титуловать его «ваше сиятельство» и «вы, милостивый государь». Тогда Игнатьев переменил тон, заявляя, что одного желания великого князя было бы достаточно, и даже без доклада государю все было бы улажено. «Во всем виноват государственный секретарь, — прибавил он. — Вместе того, чтобы дружески переговорить со мною, Егор Абрамович поднял целую историю и так у меня распетушился, что я не знал, что с ним делать».

«Я слишком хорошо знаю Егора Абрамовича, чтобы этому верить, — ответил великий князь. — Он всегда предпочитает дружеские объяснения, но вы не хотели дружить с нами».

Игнатьев на минуту смутился и сказал, что ему больно, что великий князь так мало ему доверяет, что он, с своей стороны, был всегда

предан его высочеству и всегда готов доказать это на деле. При этом Игнатьев поцеловал великого князя в плечо.

«Тогда я смягчился, — продолжал великий князь, — и, взяв его за руку, сказал ему дружески: «Любезный Игнатьев, ты играешь в плохую игру. Ты идешь еще несравненно далее, чем Лорис-Меликов. Ты воображаешь себя новым Аракчеевым. Это дурная система — ты раздражаешь всех. Конечно, ты считаешь себя сильным. Очень может быть. Но предвещаю тебе, что посорить племянника с дядей тебе не удастся... Поверь мне, что, действуя как теперь, ты плохо конишь. Знаю, что ты умен и ловок; но не забывай евангельского изречения: будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби». Затем его высочество подал Игнатьеву руку и простился с ним.

Игнатьеву решительно не везет. В Комитете Министров дошло почти до скандала. Островский и Игнатьев требовали, чтобы в заключение Комитета было внесено что-то такое, чего раньше не было. Рейтерн, в качестве председателя, объявил, что этого он допустить не может. Игнатьев настаивал. Тогда Рейтерн сказал, что включение в журнал того, что решено не было и что даже не обсуждали, было бы подлогом, на который он считает себя неспособным... Общее молчание, и Рейтерн закрыл заседание.

Дондуков-Корсаков называет Игнатьева шулером, у которого всегда в кармане крапленые карты. Шувалов же говорит, что он такой акробат, который пройдет по слабо натянутому канату без балансира.

В общем собрании Государственного Совета скончался скоропостижно князь А. А. Суворов. Его все чрезвычайно любили как доброго, ко всем приветливого и рыцарски честного человека. В отношении же государственном утрата невелика. Суворов был всегда под влиянием лиц, его окружавших. Будучи генерал-губернатором Прибалтийского края и пользуясь полным доверием императора Николая Павловича, он был в то же время слепым орудием баронов, и, вследствие того, край совершенно онемечился. Если бы не слабость Суворова в прежние времена, то не было бы надобности в тех крутых мерах, которые многими предлагаются теперь по отношению к Остзейским губерниям и которые, по всей вероятности, приведутся в исполнение.

Начался решительный поход против барона Николаи: Катков, Победоносцев, Игнатьев, Островский.

8 февраля.

Речь Скобелева к парижским студентам, произнесенная против Германии, волнует петербургское общество ⁴⁶.

13 февраля.

Великий князь сообщил мне сегодня, что Скобелев вызван сюда. По поводу его речи император германский сказал: «Mon neveu n'a plus d'armée!» ⁴⁷.

Игнатьев старается смягчить поступок Скобелева в глазах государя. Великий князь объясняет влияние Игнатьева, кроме больших его ума и ловкости, тем, что государь мало кого видит, а потому до его вели-

чества не доходит многое из того, что всем нам известно. В этом отношении общество имеет благотворное значение. Другое средство к ознакомлению монарха с истинным положением дел, это — Совет Министров, в котором высказываются самые разнообразные мнения. Впрочем, замечательно, — продолжал великий князь, — что покойный государь, учредивший Совет Министров, в конце своего царствования почти не собирал его. Он говорил, что в Совете Министров от высказанных иногда диаметрально противоположных взглядов предмет нередко не только не выясняется, а еще более запутывается. Подождите, — сказал его высочество в заключение, — когда нынешний государь приобретет более опытности, тогда дело пойдет иначе, и не легко будет влиять на него. У него много прямоты и характера, а намерения его все наилучшие.

Великий князь Константин Николаевич недоволен всем совершающимся, смотрит на все мрачно и не желает возвращаться.

15 февраля.

Сольский сообщил мне, что бывший у него на днях Игнатьев очень жалуется на меня. По его словам, с великим князем дело уже идет на лад, но он опасается моего противодействия и дал понять Сольскому, что желательно было бы расположить меня в его пользу. Дмитрий Мартынович не подал вида, что понимает цель посещения Игнатьева, но, обдумав все хорошенько, решился поговорить со мной, в видах моей собственной пользы. «Что вам за охота постоянно воевать с Игнатьевым; это может кончиться для вас очень дурно. Игнатьев наговорит на вас государю, бог знает что, и вы не будете иметь средств оправдаться».

«Конечно, это будет для меня чрезвычайно прискорбно. Но что же мне делать? Не могу же я действовать против совести. И в конце концов, что же сделают со мной в случае совершенного разрыва с Игнатьевым? Меня уволят от должности государственного секретаря и назначат членом Государственного Совета».

«Бог весть, за это никак нельзя поручиться. Игнатьев и К^о могут навсегда погубить вас в глазах государя. Подумайте и о себе, и о той пользе, которую вы можете еще принести. Лучше не раздражать этих господ... Ведь, собственно говоря, политическое направление Игнатьева вовсе не дурное. Приемы его, правда, несимпатичны...».

«Несимпатичны до такой степени, что человек себя уважающий не может дружить с ним... Навязываться на новые ссоры я, конечно, не буду. Но не могу же я закрывать глаза на его проделки и потакать ему... Он желает теперь примирения. Положим, что и я пошел бы на это... Но кто отвечает вам, что недели через две, через месяц, не выкинет он какой-либо новой штуки, которая неминуемо поведет к новому разрыву?.. Нет, лучше буду я оставаться по прежнему свободным, не связывая себе руки. А там будь, что будет».

«Вы совершенно правы, — сказал Сольский. — Я думаю, что поступил бы точно так же на вашем месте. Я хотел только предостеречь вас от излишнего пыла».

18 февраля.

Великий князь сообщил мне, что государь очень доволен моими извлечениями из меморий. «Я ограничиваюсь чтением их», — сказал его величество.

Меня это чрезвычайно порадовало: значит, нет против меня недовольствия, нет и недоверия. В том же убеждает меня и утверждение государем всех представлений моих по государственной канцелярии.

20 февраля.

Великий князь желал переговорить с государем о Скобелеве, но не решился, выжидая, не заговорит ли о нем сам государь. Несмотря на то, что они гуляли по парку около полутора часа, вопрос о Скобелеве так и не был затронут.

28 февраля.

В Царском Селе беседовал с Шестаковым, который не нахвалится на своего генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича, который, по его словам, обладает замечательным здравым смыслом; при этом его высочество отлично знает морскую службу, так как много плавал и всегда интересовался морским делом. В подробности управления великий князь не входит, предоставляя это управляющему министерством.

Говорил с Ванновским о Скобелеве. Отдавая полную справедливость его талантам, он считает Скобелева человеком несколько опасным. «Нельзя доверять ему корпус на западной границе, сейчас возникнут столкновения с Германией и Австрией, — может-быть, он даже сам постарается вызвать их. Настоящее место Скобелева подальше, например, в Туркестане».

«С другой стороны, Скобелева надо поставить самостоятельно. Главнокомандующий был бы он отличный; если же подчинить его кому-нибудь, то нельзя поздравить то лицо, которому он будет подчинен: жалобам и интригам не будет конца».

«Государь любит Скобелева, — продолжал Ванновский, — и сочувствует истинно-национальному его направлению. Очень поддерживает Скобелева — Игнатьев».

«Против него же Гирс и Бунге, очень опасаящиеся, чтобы из-за выходок белого генерала, желающего быть фельдмаршалом, не вышло политических осложнений, а может-быть и войны. При здравом смысле и твердости государя, искренно желающего мира, бог даст, все обойдется».

3 марта.

Спор наш с Долгоруким разрешен в нашу пользу.

18 марта.

Барон Николай уволен, и преемником ему назначен Делянов.

19 марта.

Барон Николай, бывший у меня сегодня, рассказал мне, что положение его давно было затруднительным по случаю прений с Победоносцевым и Игнатьевым, поддерживающим Каткова, который постоянно нападал на него в «Московских Ведомостях» и разных записках.

Последняя капля, преисполнившая чашу неудовольствий, был вопрос о Любимове, профессоре московского университета, писавшем в «Московских Ведомостях» обличительные статьи против университета и его профессоров. В 1877 году истек Любимову 25-летний срок профессорской службы, при чем, по уставу, для продолжения своей деятельности в университете, он [должен] был подлежать баллотировке в совете университета. Бывший тогда министром народного просвещения граф Толстой, зная наверное, что совет, возбужденный против Любимова, забаллотировует его, а, между тем, находя ученую его деятельность полезною, испросил разрешения покойного государя на оставление Любимова профессором.

С тех пор прошло пять лет, т.-е. срок, на который баллотировались заслуженные профессора. В университете возник вопрос, следует ли применять этот срок к Любимову, и попечитель московского учебного округа граф Капнист приехал с этим вопросом к Николаи, докладывая в то же время, что Любимова в университете ненавидят. Барон сообразил этот вопрос как со всеподданнейшим докладом графа Толстого, в котором ничего не было сказано о бессрочности назначения, так и с университетским уставом, по которому оставление профессора на занимаемой им кафедре допускается только на пять лет, при чем обсуждается каждый раз, достаточно ли свеж профессор для успешного продолжения своей деятельности. По этим основаниям Николаи счел долгом представить на высочайшее воззрение о необходимости разъяснить, что оставление Любимова в должности должно быть понимаемо в смысле срочном, а не на неопределенное время.

Как только это стало известно в Москве, Любимов пришел в ярость, приехал тотчас же в Петербург и, не обращаясь к Николаи, пустился к Победоносцеву и Делянову. Через посредство первого из них он представил министра нарушителем высочайшей воли, а также врагом порядка и монархии. Жалоба эта была выслана государем с резолюцией: «оставить Любимова профессором, за силою повеления покойного императора».

Барон Николай был этим поражен и тотчас же отправил к его величеству собственноручный всеподданнейший доклад, в котором разъяснил, что оставление Любимова профессором на неопределенный срок было бы, по мнению его, несогласно с законом. Затем он счел себя в праве обратить внимание его величества на употребленные Любимовым более чем укоризненные по отношению к нему выражения. В обыкновенных обстоятельствах выражения эти он сам оставил бы без всякого внимания, но коль скоро на прошении последовала высочайшая резолюция, придававшая веру взводимым против него обвинениям, то ему остается только горестное убеждение в том, что, несмотря на 42-летнюю службу свою, он лишен высшего для каждого русского блага — доверия своего государя. Поэтому он просит об увольнении от

должности министра. Через два дня явился к Николаи Победоносцев, заявляя от имени его величества, что государь вовсе не имел намерения выразить барону свое недоверие, что он просто счел нужным и справедливым сохранить за Любимовым то, что предоставлено ему было покойным императором. Вместе с тем Победоносцев, опять-таки от имени его величества, предложил Николаи поменяться должностями с Деляновым, т.-е. уступить Делянову пост министра народного просвещения и быть самому назначенным главноуправляющим учреждениями императрицы Марии, должность которого исправлял Делянов с кончины покойного принца Ольденбургского. Николаи не принял этого предложения, ссылаясь на нездоровье и на то, что у него единственная дочь на Кавказе, которую он желал бы навестить на несколько продолжительное время.

По словам Николаи, Победоносцев пользуется чрезвычайно большим доверием. Игнатьев тоже еще в силе, но кажется, что доверие к нему несколько уже поколебалось. Делянов — добрейший человек, но будет в руках у Каткова, Любимова, Георгиевского *e tutti quanti*.

Ко мне Николаи приехал собственно для того, чтобы посоветоваться, как и когда лучше просить ему об увольнении в продолжительный отпуск.

20 марта.

Государь, которому надоели выходки Долгорукого, решил присоединить канцелярию прошений к Главной своей Квартире; этою последнею заведует О. Г. Рихтер, пользующийся полным доверием его величества. Он человек добрый, мягкий и чрезвычайно обходительный. Судебных дел он не должен касаться; для разбора их будет особая комиссия. Основная мысль эта должна быть еще разработана.

27 марта.

По докладу Игнатьева, государю угодно было упразднить генерал-губернаторство Западной Сибири, и министр внутренних дел объявил о том Сенату высочайшее повеление для обнародования. Первый департамент Сената не признал этого возможным, так как объявляемыми высочайшими повелениями не могут быть изменяемы законы. Игнатьев бесится... Честь и слава Сенату, что он имеет мужество исполнять свою обязанность.

14 апреля.

В виду предстоящего рассмотрения в Государственном Совете проекта нового питейного устава, выработанного совещанием сведущих лиц, Сольский пригласил к себе вечером, для предварительной беседы по этому делу, нескольких министров, членов Государственного Совета, а также и меня.

Проект отвергается всеми, но относительно того, что надо сделать, — страшное разномыслие. Ясно только одно, — что проект требует еще новой разработки.

20 апреля.

В Комитете Министров, как я слышал от нескольких членов Комитета, было весьма интересное заседание по вопросу об ограничении прав евреев. Нет сомнения, что у нас евреи составляют в некоторых частях государства тяжкое бремя, даже язву. Поэтому правильное разрешение еврейского вопроса могло бы доставить великую честь министру, по почину которого вопрос был бы разрешен. Такие лавры пожелал пожать граф Игнатъев, поддерживаемый в этом деле ближайшими своими союзниками Победоносцевым и Островским. Но, вместо тщательного изучения вопроса и всестороннего его обсуждения, эти господа, в особенности же сам Игнатъев, признали возможным просто разрубить его. Тяп-ляп — корабль.

Учреждена была комиссия под председательством товарища министра внутренних дел Готовцева, человека неглупого, но страшно ленивого, составленная исключительно из юдофобов. Решено было просто задушить евреев, лишив их всяких гражданских прав. Выработанный комиссией проект, по одобрении его названными выше союзниками, Игнатъев, согласно сказанному им мне при объяснениях по катковскому вопросу, внес не в Государственный Совет, а в Комитет Министров, в виде проекта временных правил.

Проект этот возбудил общее неудовольствие. Главным противником его выступил министр финансов Н. Х. Бунге, произнесший по этому случаю пространную и весьма замечательную речь. Суть ее заключается приблизительно в следующем.

Предлагаемые правила могут иметь самое гибельное значение для наших финансов. Принятыми, к сожалению, в последнее время отдельными мерами, между прочим, по отношению к евреям, кредит наш уже и без того потрясен. Как известно, Ротшильд объявил недавно во всеуслышание, что он не покупает русских государственных бумаг; такие слова Ротшильда имеют на всех европейских биржах чрезвычайный вес, и последствием их был необыкновенный упадок как бумаг наших, так и самого курса.

В самое последнее время один молодой воинственный генерал (вероятно, намек на Скобелева) заявил, правда, тоже во всеуслышание, что капиталов нам не нужно и что нечего церемониться с капиталистами. Но министр финансов так рассуждать не может; не может так смотреть на дело и Комитет Министров. От государственных финансов и от неразрывно связанного с ними государственного кредита зависит благосостояние страны и ее величие. Потребности наши весьма велики. Нам нужны средства для внутреннего развития сравнительно молодой еще России, нуждающейся и в просвещении, и в путях сообщения, и в правильно устроенной юстиции, и в хорошо оплачиваемых должностных лицах по другим отраслям управления. На все это нужны большие деньги... Не менее крупные суммы нужны на удовлетворение потребностей внешних — на устройство крепостей и на содержание и на вооружение нашей армии, которая должна с честью соперничать с армиями других держав. Откуда же будет министерство финансов черпать средства для удовлетворения всех этих необходимых расходов? При неимении в государственном казначействе наличных запасов, при-

ходится иногда, для покрытия расходов чрезвычайных, прибегать и к кредиту. Если же кредит наш, к крайнему прискорбию, отчасти потрясен принимавшимися в последнее время мерами, то несравненно более грустных последствий следует ожидать от утверждения проектированных по отношению к многомиллионному еврейскому населению крайне стеснительных правил, при действии которых евреям остается только одно — выселиться из России. Это было бы своего рода изгнанием мавров из Испании. Не уподобляя вполне евреев маврам, стоявшим, конечно, несравненно выше по нравственным своим качествам, нельзя, однако, не предвидеть от выселения евреев чрезвычайных замешательств в экономическом нашем быту.

С другой стороны, нужно иметь в виду и справедливость. Нельзя ограничивать права, чьи бы то ни было, посредством временных правил, обсуждаемых не в общем законодательном порядке, а наскоро, в Комитете Министров.

Наша беда заключается, между прочим, в том, что у нас в весьма важных делах нет устойчивости, нет системы.

Один министр предлагает иногда временную меру одного рода, а другой, через год или два, предлагает временную же меру совершенно иного направления. И обе они действуют, взаимно парализуя одна другую. На меры временные, которые должны бы собственно вызываться лишь скоропреходящими обстоятельствами, смотрят вообще легко и потому их легко утверждают. Между тем, в действительности, мерами временными определяются нередко предметы весьма серьезные и, независимо от смещения и запутанности в законодательстве, они приводят нередко к потрясению благосостояния не только отдельных лиц, но и целых классов населения.

Нет сомнения, что евреи позволяют себе разные злоупотребления, особенно чувствительные в тех частях империи, где еврейское население скучено; но ведь и в действующих законах есть многие ограничительные для них правила, которые, однако, часто не исполняются. Нужно начать с того, чтобы действующий закон был исполняем. Затем, если он окажется недостаточным, то следует его развить и дополнить, но не какими-нибудь временными правилами, а новым положительным законом, тщательно обдуманным и зрело обсужденным в Государственном Совете.

По выслушании этой речи, произведшей большое впечатление, граф Игнатъев, несколько сконфуженный, сказал, что общий пересмотр законов об евреях потребовал [бы] значительного времени, тогда как злоупотребления евреев, которых можно назвать пиявками, сосущими кровь честного трудящегося населения, требуют безотлагательного принятия некоторых мер, дополняющих существующие законы. Особенно настоятельно — воспрещение евреям покупать и арендовать имения в уездах; тут они являются настоящими кровопийцами.

По выслушании этих кратких объяснений министра внутренних дел, попросил слова Д. М. Сольский. Он начал с того, что во всем почти безусловно согласен с Н. Х. Бунге. В дополнение к высказанным им соображениям, он считает нужным обратить внимание на то, что по отношению к евреям правительство в настоящее время едва ли действует правильно. Некоторые органы печати, составляющие отго-

лосок появившихся в обществе нашем крайне односторонних взглядов, положительно травят евреев. Естественным последствием этого явились в южных и западных губерниях так называемые еврейские погромы, при которых истребляется еврейское имущество, в общей сложности, на миллионы рублей, при которых и очень часто гибнут и сами евреи. И все это совершается, если не с разрешения, то, по крайней мере, с ведома правительства, так как министерство внутренних дел, заведывающее и делами печати и общою безопасностью, остается простым зрителем этих беспорядков: сколько известно, не было дано ни одного предостережения за возбуждающие статьи против евреев «Нового Времени» и других журналов; не было и никаких мер взыскания с полицейских чинов, допускающих еврейские погромы. Между тем, бездействие полиции бывает иногда возмутительно. Все читали, без сомнения, корреспонденцию о последнем погроме, помещенную в «Голосе»...

Игнатъев прервал тут словами: «Можно ли сослаться на пустую газетную статью?». Сольский ответил: «Нет, корреспонденция «Голоса» не пустая газетная статья. Независимо от подробного описания этого крайне прискорбного происшествия, корреспондент указывает на свидетелей, называя их поименно. Во всяком случае, дело так важно, что оно требует исследования. Если корреспондент неправ, то можно его привлечь к ответственности и опровергнуть в «Правительственном Вестнике» сообщенное им известие; если же он написал правду, то нужно принять строгие меры по отношению к виновным в бездействии власти административным и полицейским чинам. Евреи — такие же русские подданные, как все остальные, и власти правительственные обязаны охранять их от преступных посягательств на их жизнь и собственность».

Граф Игнатъев заявил тогда, что по его распоряжению было уже дознание по этому делу и что виновным в бездействии он посоветовал на некоторое время [?] отпуском, пока умы успокоятся.

Это объяснение возбудило общие возгласы неодобрения. Посреди их Сольский произнес громко: «Этого далеко недостаточно. Нужно наказать виновных и объявить во всеобщее сведение, что правительство не будет терпеть подобных беззаконий».

Наступило общее молчание. Тогда Рейтерн, резюмируя прения, заявил, что никто не защищал мысли о необходимости издания всех проектированных министром внутренних дел правил, тогда как, напротив того, были приведены весьма существенные против этого возражения. Поэтому следует понять, что Комитет Министров приходит к заключению о невозможности утверждения проекта и о необходимости как исполнения действующих законов, так и дополнения их, в случае надобности, но не иначе, как в порядке законодательном, через Государственный Совет. Министр внутренних дел, с своей стороны, — продолжал Рейтерн, — признавал безотлагательно необходимым воспретить евреям покупать и продавать имения в уездах, где они, по выражению графа Игнатъева, являются настоящими кровопийцами. Но подобное воспреещение есть дело чисто законодательное. Комитет Министров мог бы только представить на высочайшее благоусмотрение о необходимости, в виде временной меры, приостановить совершение

купчих и арендных контрактов, впредь до разрешения важного этого вопроса. Вот все, что можно сделать.

Затем, нельзя оставить без внимания заявление, сделанное Д. М. Сольским. Действительно, правительственные власти бездействуют при виде явной травли евреев. Этого нельзя допускать. Нужно защищать всякого от всяких незаконных посягательств. Сегодня травят и грабят евреев. Завтра перейдут к так называемым кулакам, которые нравственно суть те же евреи, только христианского православного вероисповедания, — потом может очередь дойти до купцов и помещиков. Одним словом, при подобном бездействии властей возможно ожидать в недалеком будущем развития самого ужасного социализма. Для предупреждения этого, нужно решительно объявить, что правительство не будет допускать еврейских погромов, а напротив того — строго наказывать как виновных в них, так и тех должностных лиц, которые будут бездействовать в случае подобных преступных посягательств.

Против такого резюме не было никаких возражений. Игнатъев молчал; молчали и его союзники, — тем дело и кончилось.

Вечером Игнатъев, говорят, рассказывал у себя дома, что хотя и сделал некоторые уступки по еврейскому вопросу, но, в сущности, достиг всего, что было нужно. Членов Комитета Министров он называл редакторами «Голоса».

26 апреля.

Приехал Лорис-Меликов. Говорят, он будет жить в окрестностях Петербурга, т.-е. иными словами — сидеть у моря и ждать погоды.

3 мая.

В общем собрании Государственного Совета рассматривалось представление Бунге о постепенной отмене подушной подати.

Вопрос о совершенной отмене ее составлял мечту всех бывших в последние годы министров финансов: Рейтерна, Грейга, Абазы и наконец — Бунге. Грейг испросил даже соизволение покойного императора на сложение подушной подати и на замену ее другими налогами. Об учреждении с этою целью особой комиссии под председательством самого Грейга было даже объявлено во всеобщее сведение. Но скорое затем падение Грейга, а еще более трудность одновременного установления новых налогов на 60 миллионов рублей заставили отказаться от этого предположения. По совещании с Абазою и Сольским, Бунге внес недавно в Государственный Совет представление о постепенной отмене подушной подати в течение нескольких лет. Соединенными департаментами мысль эта была принята с большим сочувствием. В общем же собрании Совета возникли возражения двойного смысла: Победоносцев и Мансуров оспаривали необходимость отмены подушных сборов, напротив того, Грейг — не постепенной, а единовременной и полной отмены их. После довольно продолжительных прений огромное большинство высказалось за проект министра финансов. Отмена подушной подати важна не только в смысле снятия с беднейшей части населения довольно значительной тяготы, но также и потому,

что с отменой подушной подати может быть отменена и круговая порука, столь стеснительная для крестьян, а затем может быть отменено и получение ими паспортов на отлучки.

13 мая.

Лорис-Меликов, посетивший меня сегодня, рассказал мне, что государь принял его приветливо, но о делах не сказал ни одного слова. Значит, нечего ждать погоды.

Лорис собирается провести зиму в Ницце и заняться продолжением своих записок, часть которых уже написана. По его словам, у него масса подлинных документов, подтверждающих все им рассказываемое. Записки эти должны быть очень интересны.

Лорис спрашивал про великих князей Константина и Михаила Николаевичей. Про первого он сказал: «Очень жаль, что не сумел сойтись с государем, много мог бы он принести пользы».

Великий же князь Михаил Николаевич, по его мнению, «обидчив и неискренен». «Обидчив, это справедливо, — сказал я, — но едва ли вы правы, считая великого князя неискренним. По крайней мере, со мной он был всегда откровенен. Между тем, бывали случаи, в которых его высочество мог бы и не распахиваться».

«Счастье ваше, — отвечал Лорис, — видно, вы сумели внушить ему особое доверие».

«Никакого особенного старания не прилагал я в сношениях с великим князем. Я был с ним, как и со всеми, естествен и откровенен».

Лорису это не совсем понравилось.

14 мая.

К. К. Грот, по рекомендации баронессы Э. Ф. Раден *, имеющей большое влияние на императрицу, назначен главноуправляющим собственною его величества канцеляриею по учреждениям императрицы Марии. В прежние времена должность эту занимал покойный принц П. Г. Ольденбургский.

18 мая.

Великий князь, переехавший на днях в Михайловское (близ Петергофа) и прибывший оттуда сегодня в первый раз в город, в восторге от дачной жизни: воздух в Михайловском прекрасный, зелень прелестна, поют соловьи. Очень симпатична в великом князе любовь к природе; приятно слушать, когда он рассказывает про Кавказ.

После объяснений по нашим делам, я показал его высочеству в «Revue des deux mondes» статью Leroy-Beaulieu о нашем Государственном Совете, про который он говорит между прочим: «au lieu d'élaborer des lois, cette asssemblée se contente d'enregistrer des décrets» ⁴⁸). Хотя это обвинение и несправедливо, потому что Государственный Совет очень часто представляет весьма серьезные возражения против вносимых министрами проектов, делая в них существенные

* Очень умная женщина; была любимой фрейлиной великой княгини Елены Павловны.

изменения, а иногда отвергая их, — тем не менее в приведенном отзыве есть значительная доля правды, в том собственно отношении, что борьба с министрами для Государственного Совета чрезвычайно трудна и что поэтому приходится иногда соглашаться и с такими их представлениями, которые лучше было бы не утверждать. Решение дела в том и другом смысле зависит не от большинства Совета, а от государя, соглашающегося с тем или другим из представленных ему мнений. Между тем, министры видят его величество большею частью еженедельно, с глаза на глаз, а при докладах своих имеют возможность склонять государя в пользу своего мнения, представляя дело не всегда в истинном освещении. Члены же Государственного Совета видят государя только в торжественных собраниях, на которых разговоров о делах не бывает.

Когда я высказал все это великому князю, его высочество сказал, что, по его мнению, Государственный Совет должен быть оплотом самодержавия, разъясняя императору истинный смысл каждого из представляемых на его разрешение вопросов, дабы самодержец мог изъявлять волю свою вполне сознательно. С этой точки зрения, Государственный Совет должен быть оплотом самодержавия и против министров, часто злоупотребляющих своим положением. «Но что же можем мы сделать, — прибавил великий князь, — для возвращения Государственному Совету того значения, которое ему подобает?».

«Прежде всего, ваше высочество, — отвечал я, — нужно, чтобы члены Совета были люди дельные и самостоятельные, которые не поддавались бы влиянию министров. Между тем, к крайнему сожалению, часто сажают в Государственный Совет старых генералов, почти ничего не понимающих в законодательных вопросах. Еще недавно назначен Гильденштуббе и князь Леван Меликов; но ни тот, ни другой самостоятельного мнения не имеют...».

Великий князь поморщился. Особенно неприятно подействовало на него имя князя Меликова, долго служившего на Кавказе и, кажется, назначенного в Совет по ходатайству его высочества.

«Да ведь оба они — люди вполне порядочные». — «Одной порядочности мало, ваше высочество, нужно также понимание, самостоятельность».

«Но что же могу я против назначения заслуженных генералов? Вы знаете, что и покойный государь и нынешний император всегда чрезвычайно ревниво оберегали свои права по назначению членов Совета».

«Ваше высочество, пользуясь близостью своею к государю и доверием его к вам, вы можете разъяснить этот вопрос его величеству. Кроме того, при отдельных назначениях можно иногда возражать против того или другого лица. Так, например, покойный государь, увольняя Потапова от должности шефа жандармов, хотел назначить его, по принятому порядку, членом Государственного Совета. Против этого восстал великий князь Константин Николаевич, который доложил его величеству, что у Потапова чуть не размягчение мозга и что таких людей в Совет сажать нельзя».

«Покойный император нашел это возражение справедливым: Потапов не был назначен. По всей вероятности, и нынешний государь выслушивал бы справедливые возражения».

«Простите меня, ваше высочество, но мне кажется, что вам, как председателю Государственного Совета, следовало бы также предостеречь его величество от наговоров со стороны министров, а в иных случаях и самим доложить о каком-либо важном деле. Покойный государь держался того основного правила, что коль скоро дело внесено в Государственный Совет, министр уже не должен докладывать о нем. Конечно, правило это не всегда соблюдалось, но все же министры были несравненно осторожнее... Желательно, чтобы было тоже и теперь».

«Легко вам говорить», — сказал великий князь и переменял разговор.

Я думал сначала, что Михаил Николаевич рассердился. Но, к великой чести его высочества, я должен сказать, что он не принял откровенности моей к сердцу. Когда я собирался уйти, великий князь очень дружелюбно просил меня остаться позавтракать с ним и во время завтрака был любезен и совершенно естествен.

19 мая.

К. К. Грот рассказал мне, как состоялось его назначение. Императрица пригласила его к себе и просила принять должность главноуправляющего ведомством императрицы Марии. Константин Карлович сказал, что глубоко тронут доверием ее величества и был бы счастлив оправдать его, но что не может принять предлагаемой должности, потому что дал себе слово не занимать никакого самостоятельного поста, пока в правительственных делах будет преобладать граф Игнатъев.

«Совершенно вас понимаю, — сказала государыня, — я ему тоже не сочувствую. Но ведь та должность, которую я вам предлагаю, находится в стороне от общей администрации. Управляя ведомством императрицы Марии, вы не будете иметь ничего общего ни с Игнатъевым, ни с другими министрами; вы будете иметь дело исключительно со мной и с государем. Я очень прошу вас. Пожалуйста, не отказывайте».

«Коль скоро ваше величество изволите так милостиво относиться ко мне, — сказал Грот, — я не смею упорствовать. Но позвольте мне доложить вам, что в случае назначения меня вы, вероятно, скоро расклетесь. Сколько мне известно, в ведомстве императрицы Марии нужны большие перемены. Им долго заведывал покойный принц П. Г. Ольденбургский, который, при прекраснейших душевных качествах и лучших намерениях, имел один недостаток: принц был слишком добр, и добротою его злоупотребляли... Новому главноуправляющему придется преследовать многое такое, что прежде допускалось и даже вошло в обычай. Поэтому жалобам вашему величеству не будет конца; это надоест вам».

«Я вам доверяю и не буду слушать никаких жалоб».

«Но как относится к моему назначению государь император?».

«Государь тоже будет рад вашему согласию. Он вполне одобряет мой выбор».

«В таком случае, ваше величество, мне остается только с благодарностью принять милостивое ваше предложение».

Императрица была чрезвычайно довольна и очень благодарила Константина Карловича. Затем она повела его к государю, который принял его весьма любезно. О пререканиях с Игнатъевым по тюремной части не было сказано ни слова.

19 мая.

Был у князя Урусова. Он весьма слаб и очень страдает. Тяжкое положение свое переносит он с христианским смирением.

20 мая.

К великой радости, узнал я, что влияние графа Игнатъева совершенно упало. Он выкинул такую штуку, которой никто не ожидал. Рассчитывая на безусловное доверие у государя, он представил его величеству записку о необходимости созвать к предстоящему коронованию земский собор. Несмотря на то, что Игнатъев просил о сохранении этого предположения в совершенной тайне, государь передал записку Игнатъева Победоносцеву, который, разумеется, был возмущен и упрямил его величество созвать совещание для обсуждения записки.

21 мая.

Слух об игнатъевской записке подтверждается. Сегодня у графини М. Э. Клейнмихель граф Нессельроде, вообще хорошо извещенный, рассказывал почти то же самое, что слышал я вчера, с небольшим только вариантом или дополнением. Издание манифеста о созыве земского собора предполагалось в день рождения цесаревича, самый же созыв ко времени коронования.

24 мая.

Странное дело, великий князь не знал ничего об игнатъевских предположениях. Когда я рассказал ему сегодня утром все, что знал по этому предмету, его высочество был изумлен, а затем сказал мне, что, по всей вероятности, цель Игнатъева — противодействие анархистам, которые больше всего опасаются либеральных правительственных мер и в восторге от всякой крутой меры, возбуждающей недовольство.

25 мая.

Граф П. А. Шувалов сообщил мне, что совещание у государя по поводу игнатъевской записки было 6 мая. В нем участвовали, кроме Игнатъева, Победоносцев, Островский, Рейтерн и Делянов. Возражения были единогласные, при чем не обошлось и без неприятных сцен между Победоносцевым и Островским с одной стороны и Игнатъевым — с другой. Первые два упрекали бывшего своего союзника в том, что он пошел в разрез с теми началами, которых, при низвержении Лорис-Меликова, он сам признавал нужным держаться. Игнатъев защищался плохо и лгал без зазрения совести. Государь, видимо, был им недоволен.

28 мая.

Сольский подтвердил мне все рассказанное Шуваловым. Но к этому он прибавил еще одно весьма важное известие: Игнатъев увольняется, а преемником ему назначается граф Д. А. Толстой. Рекомендовал его Победоносцев. Замечательно, что государь не любил Толстого, когда он был министром народного просвещения.

31 мая.

Великий князь и до сих пор не знал ничего обстоятельно по совершающемуся событию. Вчера его высочество обедал у государя, который был очень любезен с Михаилом Николаевичем и много беседовал с ним, но об увольнении Игнатъева не сказал ничего. Императрица же за столом улыбалась и указала украдкой на великого князя Павла Александровича. Тогда Павел Александрович сказал Михаилу Николаевичу на ухо: «Игнатъев увольняется; впрочем, точно ничего не знаю. Кажется, будет Толстой».

1 июня.

Шувалов, с давних пор находящийся с Толстым в дружеских отношениях, сообщил мне, что, будучи приглашен к государю, граф Дмитрий Андреевич был очень счастлив оказываемым ему доверием; но прежде чем принять предложенный ему пост, Толстой счел долгом предvarить его величество о том, что он чрезвычайно непопулярен.

«Знаю, — ответил государь. — Но этим я не стесняюсь. Я назначаю министрами людей, которым доверяю и от которых ожидаю пользы для России; на популярность же я не смотрю».

10 июня.

Назначением Толстого в городе очень недовольны. Его обвиняют прежде всего в страстности и в упрямстве, высказанным им при введении у нас системы классического образования. Как известно, система эта была им доведена почти до чудовищности, с явным в то же время угнетением образования реального. Затем многие считают Толстого не только ультра-консерватором, но даже ретроградом и врагом преобразований минувшего царствования.

19 июня.

Получил письмо от великого князя Константина Николаевича, в котором его высочество, между прочим, одобряет назначение графа Толстого, бывшего своего подчиненного по морскому ведомству. При этом великий князь выражает надежду, что Толстой будет настолько умен, и ловок, и тверд в своих убеждениях, что не поддастся слепому тлетворному влиянию всяких Катковых, Победоносцевых и т. п. личностей. Константин Николаевич прибавил затем, что, на его взгляд, и теперь уже ощущается некоторая «détente»⁴⁹.

2 октября.

Лето провел у себя в имении и не видел почти никого. Вернулся в город две недели тому назад. На Большой Морской встретился сегодня с графом Толстым. Он подошел ко мне очень приветливо

и мы пошли вместе. Положением своим он очень доволен. Планов у него пока никаких. По его словам, прежде всего нужно дать всем успокоиться от бесконечных тревог, бывших со времени Лориса и Игнатъева. Их обоих, а в особенности последнего, Толстой ненавидит.

В разговоре я сообщил графу о письме, полученном мною от великого князя Константина Николаевича, в котором он выражает удовольствие по случаю его назначения. Толстой был этим польщен, вспомнив при этом, что первоначальным своим возвышением обязан был великому князю. Он считает Константина Николаевича чрезвычайно даровитым и вообще имеющим большие качества; к сожалению, однако, по мнению графа, великий князь легко поддается влиянию окружающих его лиц. Влияние Сольского и мое Толстой признает полезным, — так, по крайней мере, заявил он мне из вежливости, — вредным же считает влияние Головкина, часто возбуждавшего и раздражавшего великого князя, которого, напротив того, нужно сдерживать и успокаивать: «он — настоящий паровик».

Замечание это совершенно верно.

5 октября.

Великий князь Михаил Николаевич возвратился, и я был у его высочества. Ничего особенного он мне не сообщил.

20 октября.

Графиня Клейнмихель сообщила мне некоторые подробности жизни великого князя Константина Николаевича в Орианде. Кузнецова, постоянно живущая с ним и чрезвычайно ему преданная, намерена с ним разъехаться из-за ложного положения детей, которых великий князь очень балует. Старший из них сказал недавно: «Странно, папа — великий князь, а мама — не великая княгиня». Эти слова очень подействовали на Кузнецову.

30 октября.

Шувалов рассказал мне, что Островский, посетивший великого князя Константина Николаевича в Орианде, поддакивал его высочеству в критике многих распоряжений нынешнего царствования. Об этом узнали здесь и недовольны.

По словам Шувалова, Толстой обо мне хорошего мнения; вчера сказал он в гостинице жене во всеуслышание, будто бы я веду дела Совета с тактом и твердостью, а это нелегко при мягком и неопытном нынешнем председателе Совета.

Затем Шувалов мне советовал воспользоваться добрым мнением графа Толстого и постараться сблизиться с ним.

Для этого лучшее средство — дать место помощника статс-секретаря служащему в государственной канцелярии сверх штата зятю Толстого графу Толю.

Такое внимание с моей стороны было бы очень приятно графу Дмитрию Андреевичу.

Предложение это меня поразило очень неприятно. Я отвечал, что при всем желании быть в добрых отношениях с первым министром, я не могу сделать, в угоду ему, прямой несправедливости.

Граф Толъ поступил в государственную канцелярию очень недавно и притом с положительным условием, что он не будет домогаться содержания. Пользы от него никакой. И вдруг, вместо повышения к[ак]ого-либо достойного и нуждающегося труженика, я предпочту ему Толя, рыскающего по гостиним и имеющего по жене большое состояние!

Шувалов пожал плечами и сказал: «Настаивать, я не смею. Но очень жаль. С Толстым не мешает быть в хороших отношениях».

Ходатайство это мне очень неприятно. Интересно бы знать, от себя ли хлопотал Шувалов за Толя, или же его просил о том Толстой. Понятны, в таком случае, громогласные похвалы мне в гостинной графини. Расспрашивать Шувалова я не считал удобным.

1 ноября.

Обедал у великого князя и сидел за столом подле великой княгини. Во время обеда ее высочество была в очень хорошем расположении духа и беседовала со мною о вышедших новых книгах. Читает она много. Рассказывала также разные анекдоты про деятельность на Кавказе Дондукова, — про лживость его. Великая княгиня считает Дондукова Игнатьевым вторым.

3 ноября.

Был у меня Лорис-Меликов. Кажется, им потеряна надежда на возвращение к власти. Он просил меня доложить великому князю о желании его быть полезным в Государственном Совете; лучше всего было бы, по мнению Лориса, назначение его членом департамента законов. Я понял это в том смысле, что ему хочется быть председателем этого департамента. На мой взгляд, это было бы неудобно. С одной стороны, у него нет необходимой подготовки, а с другой — недоверие к нему государя распространилось бы и на суждения департамента законов.

5 ноября.

Шувалов, как умный человек, понял, что и его не назначат председателем департамента. В виду этого он просил и великого князя и меня о том, нельзя ли теперь же, т.-е. до возбуждения вопроса о новом председателе, уволить его из состава департамента законов. Желание его исполнено.

6 ноября.

Великий князь сообщил мне сегодня, что навестил больного Урусова, который ему очень обрадовался. Урусов сказал его высочеству, что все перебирает в уме людей, подходящих на должность председателя департамента законов. Более всего нравится ему Е. П. Старицкий; но жаль было бы оторвать его от кодификационного отдела, в котором он может принести большую пользу. Тогда великий князь спросил, что думал бы Сергей Николаевич о бароне Николаи. Урусов отвечал, что он тоже был бы хорош.

8 ноября.

Был у великого князя по случаю его тезоименитства. Поздравляющих была масса. Меня его высочество принял отдельно в кабинете и был очень любезен.

15 ноября.

М. Н. Любошинский сообщил мне за положительный факт, что Победоносцев всячески убеждает Набокова в необходимости коренного изменения судебных уставов, и между прочим отмены суда присяжных и несменяемости судей. Когда Набоков возразил, что это невозможно не только по существу, но даже и в том отношении, что подобное представление никогда не прошло бы в Государственном Совете, Победоносцев сказал, что подобных вопросов в Государственный Совет и вносить не надо, а нужно просто представить их на непосредственное разрешение государя, всеподаннейшим докладом.

16 ноября.

Шувалов рассказал мне, что Толстой очень убеждает его принять на себя председательствование в комиссии о евреях. Шувалов упорно отказывается. Предложение Толстого меня радует. Так как Шувалов смотрит на еврейский вопрос вообще благоразумно, то из этого я вывожу, что Толстой, с своей стороны, не желает чуть не поголовного истребления евреев, как предлагал Игнатьев и как желали бы и теперь многие.

29 ноября.

Очень озабочивает великого князя и меня накопление дел в департаменте экономии Государственного Совета. Вследствие строгого применения сметных правил и неоднократных высочайших повелений о непроизводстве новых расходов без рассмотрения подобных вопросов в департаменте экономии, деятельность этого департамента чрезвычайно расширилась. В истекшем 1881 году, из общего числа внесенных в Совет 1.229 дел, на долю департамента экономии пришлось 989 дел (или 80% общего числа), на долю департамента законов 141 дело (12%) и на долю гражданского департамента 99 дел (8%).

Хотя дела департамента законов вообще сложнее дел департамента экономии, тем не менее масса представлений, поступающих в этот последний, так велика, что своевременное обсуждение их оказывается затруднительным. Кроме того, в конце года, когда департамент экономии занимается рассмотрением смет, он почти не может принимать участия в суждениях по делам департамента законов, сопряженным с расходами из казны; таким образом, замедляется также и деятельность департамента законов.

В виду этого нам казалось необходимым принять меры к более правильному распределению дел между департаментами Государственного Совета. К достижению этого представляется два способа: или разделение департамента экономии на два департамента, из которых один рассматривал бы сметы и все вообще дела о расходах, а другой занимался бы обсуждением законодательных предположений по финан-

совой части, или же передать эти последние дела из нынешнего департамента экономии в департамент законов, облегчив в то же время этот департамент передачею из него в департамент гражданский всех законодательных дел по судебной части и по народному образованию. Это было бы тем более возможно, что число рассматриваемых ныне гражданским департаментом судебных дел, поступающих из Сената и Комиссии прошений, в последнее время значительно уменьшилось. С принятием как того, так и другого способа, которые, конечно, нужно было бы еще сообразить ближайшим образом, можно было бы рассчитывать на более успешное, чем теперь, движение дел в Государственном Совете.

С разрешения великого князя, я переговорил о всем этом с председателем департамента экономии графом Э. Т. Барановым. К сожалению, он принял эти предложения недружелюбно, считая их направленными к уменьшению его значения и влияния. Несмотря на все мои убеждения, — а с графом Эдуардом Трофимовичем мы с давних пор были в очень хороших отношениях, — он стоял непреклонно на своем.

Я доложил об этом его высочеству, и великий князь, несмотря на то, что очень любит графа Баранова, признал тем не менее необходимым представить о затруднительном положении департамента экономии на усмотрение государя. При этом, в случае разделения департамента экономии на два отдельных департамента, в председатели того, в котором будут сосредоточены законодательные финансовые дела, Михаил Николаевич хотел предложить А. А. Абазу.

2 декабря.

О занимающем нас вопросе великий князь доложил вчера. Государя поразили цифры распределения по департаментам дел, внесенных в Совет, и его величество признал необходимым принять одну из предлагаемых мер, по обсуждении их. Насчет привлечения Абазы к председательствованию в одном из департаментов, имеющих заменить нынешний департамент экономии, государь сказал, что не имеет ничего против Абазы в качестве председателя нового департамента, но не желает ухода графа Баранова. Затем великий князь перешел к вопросу о председательствовании в департаменте законов (на место умирающего князя Урусова). Государь не согласился на назначение барона Николаи, очень рекомендованного Михаилом Николаевичем. Отказ свой его величество объяснил словами: «Он — друг Головнина, который во все суется». Председателем департамента законов государь полагает назначить Тимашева. По мнению его величества, в пользу этого выбора говорят следующие обстоятельства: во-первых, Тимашев безусловно предан монархическим началам; во-вторых, он томится бездействием и, в-третьих, пользуется уважением в обществе.

Рассказом об этом великого князя я был совершенно поражен. А. Е. Тимашев, действительно, умный и очень милый человек, но он вовсе не деловой. Будучи министром внутренних дел, Тимашев занимался немного, предоставляя почти все директорам департаментов; сам же он выезжал в свет, гулял по Большой Морской и лепил прелестные статуэтки. С другой стороны, научной и отчасти юридической

подготовки, необходимой по многим делам, обсуждаемым в департаменте законов, у Тимашева вовсе нет. Какой же был бы он председатель?

Но, кроме существа вопроса, меня поразили и мотивы, приведенные его величеством. Последние два, конечно, совершенно второстепенные; решающее же значение имеет, без сомнения, первое соображение, что Тимашев безусловно предан монархическим началам.

Но разве другие им не преданы столь же безусловно? Разве кто-нибудь из нас может быть заподозреваем в стремлениях антимонархических? Если бы это было так, то это было бы ужасно... Очевидно, не сам государь, всегда справедливый и благодушный, имеет подозрения подобного рода; они внушаются его величеству другими, принимающими, таким образом, на душу свою тяжкий грех. Думается мне, что наговаривает в этом смысле граф Толстой, который и в прежние времена выставлял в глазах покойного императора чуть не анархистами тех, которые справедливо восставали против крайнего увлечения ультраклассицизмом.

В предположении этом убеждает меня отчасти и то, что о преданности Тимашева монархическим началам государь сказал вслед за отказом назначить барона Николаи, собственно потому, что он — друг Головнина. Толстой и Головнин — враги с давних пор; поэтому понятно, что граф Дмитрий Андреевич не желал назначения председателем департамента законов человека, состоящего в дружбе с его врагом. Но чернить по этому поводу в глазах государя честнейшего и благороднейшего барона Николаи, косвенно набрасывая на него подозрение в недостаточной приверженности монархическим началам, — просто преступно.

Я откровенно высказал все это великому князю. Его высочество согласился со мной и обещал попытаться представить государю, при первой возможности, о неудобстве назначения Тимашева. Тогда я предложил составить справку о лицах, бывших до сих пор председателями департамента законов; большей частью, это были действительно государственные люди, как, например, Кочубей, Лопухин, Сперанский, Блудов и т. п.

6 декабря.

Великий князь был сегодня у его величества и доложил о сомнениях насчет Тимашева. Государь рассмотрел список прежних председателей и задумался. Тогда великий князь сказал, что не настаивает на бароне Николаи, а просит о назначении вместо Тимашева — Старицкого. Его величество не отвечал ничего положительного, сказав только, что отлагает разрешение вопроса впредь до доклада великого князя о департаменте экономии.

Затем, в дальнейшей беседе, государь сказал Михаилу Николаевичу, что, может-быть, как относительно назначения председателей в департаменты Государственного Совета, так и вообще по вопросам, касающимся Совета, не следует слишком придерживаться соблюдавшегося прежде порядка и преданий. Бог весть еще, хороши ли они.

Его величество не только теперь, но даже смолodu слышал с разных сторон, что Государственный Совет приносит нередко более вреда, чем пользы, так как вносимые в Совет дела сначала рассылаются из

него по разным министерствам, где лежат чуть не годами, а затем рассматриваются и в самом Совете нескончаемо долгое время; в виду этого Государственный Совет считается многими тормозом, препятствующим осуществлению разных полезных мер.

Великий князь отвечал, что посылаются на заключение других министров такие собственно проекты, которые требуют общего соображения различных ведомств, и что вообще дела законодательные не могут двигаться очень быстро. Поспешность их рассмотрения всегда в ущерб основательности.

Министры, — продолжал Михаил Николаевич, — не любят Совета, который препятствует осуществлению многих их предложений. Если поэтому Совет называют тормозом, то наименование это очень почетное: спускаясь с горы без тормоза, можно очутиться в пропасти.

Для государя Государственный Совет — не только полезный тормоз, но даже якорь спасения. Каждый новый министр обыкновенно хочет перекаривать Россию по-своему. Неужели же они должны делать это беспрепятственно? Несравненно предпочтительнее обсудить их проекты в собрании людей опытных, умных и беспристрастных. Если министры несогласны с возражениями членов Совета, то он [?] может изложить свое особое мнение. От его величества будет зависеть принять заключение Совета или мнение министра; но в последнем случае государь изъявит волю свою сознательно, а не по доверию только к тому или другому лицу. Кроме того, чрезвычайно важно, что, в виду подробного обсуждения дел в Совете, министр действует осторожнее и обдуманнее.

Государь выслушал все это спокойно и не возразил ничего.

11 декабря.

Был Совет Министров в Аничковом дворце. Заседание происходило в очень симпатичной библиотечной зале. Рассматривался вопрос о том, вносить ли или не вносить в Государственный Совет предложения министерства внутренних дел о некоторых облегчениях раскольников. Это дело — то самое, которым я начал действительную свою служебную деятельность, при графе Блудове, в 1859 году; с тех пор прошло 23 года.

Теперь пришлось мне выступить защитником его, если и не по самому существу дела, то, по крайней мере, по вопросу, имеющему первостепенное значение.

Государь расположен благосклонно к раскольникам, между прочим, потому, что некоторые казаки-конвойные — раскольники прекрасно показали себя в злополучный день 1-го марта 1881 года. Но всяким серьезным облегчениям противится К. П. Победоносцев.

В заседании многие говорили в пользу раскольников, в особенности управляющий морским министерством И. А. Шестаков; к сожалению, речь его, хотя и убежденная, была, по аргументации своей, слаба в сравнении с тем, что говорил Победоносцев и гр. Толстой. В виду решительной, с их стороны, оппозиции к предоставлению раскольникам полной, по возможности, религиозной свободы, вопрос сузился: перешли к рассмотрению по статьям более скромных пред-

положений министерства внутренних дел. При этом, вследствие замечания Е. П. Старицкого, поддержанного Д. М. Сольским, возникло сомнение о том, следует ли в новом законе постановлять правило о разделении раскольников на более и на менее вредных, особенно в виду того, что разделение это основано не на степени действительного вреда от тех или других сект в отношении к государству, — как, например, скопцов или хлыстов, — а на степени удаления их от православия. По выслушании этих замечаний и возражений на них со стороны Победоносцева, граф Толстой доложил государю, что он готов не настаивать на сохранении этого правила в рассматриваемом проекте, если только впоследствии, по обсуждении дела в Государственном Совете, в журнале его сказано будет, что нынешнее разделение сект на более и менее вредные — не отменяется. С своей стороны, великий князь Михаил Николаевич обратился к государю с вопросом: как угодно будет его величеству повелеть?

Положение было критическое и для раскольников и для Государственного Совета. В виду этого я просил слова для разъяснения вопроса и произнес, не без волнения, приблизительно следующее: «Ваше величество, высочайшая воля ваша для нас, без сомнения, священна. Коль скоро вашему величеству угодно, чтобы разделение сект на более и менее вредные было сохранено, то все мы должны преклониться пред таким решением. Тем не менее, в качестве государственного секретаря, я считаю обязанностью всеподданнейше обратить внимание вашего величества на то, что если дело это, как предполагалось до сих пор, будет внесено на обсуждение Государственного Совета, то едва ли возможно постановлять здесь, что именно должен сказать Совет по тому или другому вопросу. Государственный Совет, при рассмотрении вносимых на его уважение дел, руководствуется своим учреждением, в котором сказано, между прочим, что Совет пользуется полною свободой мнений».

Наступило общее молчание. Подумав немного, государь сказал: «Государственный секретарь прав. Действительно, если дело будет внесено на рассмотрение Государственного Совета, то не следует ничего предрешать...». Затем, обращаясь к министру внутренних дел, его величество прибавил: «Граф Дмитрий Андреевич, внести дело в Государственный Совет, в обыкновенном порядке, без всяких указаний с моей стороны».

Тем дело и кончилось. После заседания я подошел к великому князю Михаилу Николаевичу и извинился в том, что был в некотором разноречии с ним. Великий князь отвечал, что отнюдь на меня не претендует и, напротив того, благодарит за ограждение чести и прав Совета.

15 декабря.

В виду решительного несогласия графа Баранова, с которым великий князь вновь говорил о разделении департамента экономии, его высочество отказался от этой мысли.

Вследствие того нужно было обратиться к другому из предлагавшихся нами способов к облегчению департамента экономии, т. е. к передаче из него в департамент законов законодательной финансовой

деятельности, а из этого последнего в департамент гражданский — дел юридических и по народному просвещению. Нужно было также приискать двух толковых председателей. По указанию великого князя, мною составлен следующий список кандидатов в председатели:

По д-ту законов (дела о законах финансовых, промышленных, земских, городских и вообще хозяйственных):	По д-ту гражданских и духовных дел (дела о законах гражданских и уголовных и по народному просвещению):
--	--

Тимашев (указанный самим государем).	Старицкий.
Граф Шувалов.	Бар. Николай.
Абаза.	Стояновский.
Сольский.	Любоцинский.
	Ковалевский.

Затем были у нас и кандидаты в члены Государственного Совета: Фриш и Шумахер, предложенные мною, и барон Велио, за которого очень ходатайствовал граф Баранов.

В виду особого доверия государя и самого великого князя к опытности князя Урусова, я предложил его высочеству показать наш список князю Сергею Николаевичу и узнать его мнение о внесенных в них кандидатах.

20 декабря.

Побывав сегодня у князя Урусова и переговорив с ним, я представил его высочеству подробный письменный отчет об этом свидании. Вот оно дословно: «Князь Урусов был чрезвычайно обрадован знаком доверия вашего императорского высочества. «Рад сослужить последнюю службу... скоро умру», — сказал он, склоняясь к моему уху.

«Беседа с князем очень трудна. Нужно просить его иногда по два и по три раза повторять сказанное, иногда же он должен прибегать к мимике и карандашу.

«Чтобы получить обстоятельные на все ответы, я просидел у него более часа.

«В конце нашей беседы князь был чрезвычайно утомлен.

«Князь Урусов совершенно согласен с тем, что нынешний департамент экономии слишком обременен и что от этого страдает ход дела в Государственном Совете.

«Всего лучше было бы разделить его на два департамента; но, в виду оппозиции гр. Баранова, которого оскорблять нежелательно, нужно передать законодательную финансовую часть в департамент законов, а из этого департамента дела юридические и по народному образованию — в департамент гражданский.

«Когда мною представлен был князю составленный по указаниям вашего высочества список лиц, могущих быть назначенными в председатели обоих департаментов (законов и гражданского), он рассмотрел его весьма внимательно, видимо, интересуясь делом. Вот отзывы князя о внесенных в список лицах:

«Тимашев — не годится. Вовсе не знает законодательства. Трудиться не умеет, а без этого нельзя.

«Гр. Шувалов — очень умен, но тоже мало приготовлен.

«Абаза — настоящий председатель. Хотя он и независим, но нравственно — честен. Будет хороший помощник великому князю и последует его указаниям. Назначение Абазы было бы важно при нынешних финансовых затруднениях.

«Сольский — прекрасный председатель любого департамента. Редко способный и благородный человек. Но жаль взять его из состава министров, — он был бы отличным министром финансов.

«Старицкий — очень хорош по части юридической. Замечательно сведущ и добросовестен. Но нужен для кодификации. Соединить ее с председательством — весьма трудно. Знаю это по опыту.

«Барон Николай — весьма хороший председатель, трудящийся, опытный, просвещенный. Одна беда — многоречив; все же хороший председатель.

«Стояновский — трудолюбив и знает дело. За неимением других, мог бы быть назначен. Барон Николай гораздо выше его.

«Любоцинский — сведущ и опытен, но не имеет авторитета.

«Ковалевский — во всех отношениях очень хорош, но для председателя немного молод.

«Резюмируя свои выводы, князь Урусов указал окончательно на список: для департамента законов — Абазу и Сольского, а для гражданского департамента — барона Николаи и Стояновского.

«По окончании беседы о председателях, князь Урусов спросил, не будет ли новых членов. Я отвечал, что ваше высочество намерены ходатайствовать о назначении Фриша, Шумахера и барона Велио. При первых двух именах он одобрительно закивал головой и сказал: «дельные люди», а при последнем сделал гримасу, прибавив: «неудачный выбор».

23 декабря.

Кандидатские списки председателей и новых членов, с отзывом о тех и других князя Урусова, великий князь сегодня представил государю. Его величество хотя и отказался от мысли о Тимашеве, но неохотно. Относительно же Абазы сказал, что не встретил бы препятствий назначить его председателем в законодательный отдел департамента экономии, общий же департамент законов — дело другое. Надо подумать.

Тогда великий князь сказал, что не настаивает на назначении Абазы, помирился бы на Старицком.

Государь ответил: «Подумаю и о решении моем напишу».

В отношении к предполагаемым новым членам, его величество сказал, что на назначение Фриша согласен, о других же двух сомневается.

25 декабря.

Сегодня утром великий князь прислал мне возвращенные к нему государем бумаги о председателях и новых членах, при следующей своей записке:

«Спешу возвратить прилагаемые бумаги. Записку государя сообщаю только для личного вашего сведения и прошу ее мне возвратить.

*

«Я уже рад тому, что о Тимашеве нет более речи.

«Последняя фраза высочайшей записки меня удивляет. Г. Старицкого прошу пригласить ко мне на завтра, воскресенье, в час».

Вот записка государя:

24 декабря 1882 г. Гатчина.

«На назначение Старицкого председателем департамента законов я согласен, тоже и на назначение Фриша членом Государственного Совета. Насчет же Шумахера и Веллио думаю, что они вовсе не подходят быть членами Совета. До сих пор еще никого не имею в виду назначить в Совет, если же найду людей подходящих, то пришлю тебе их имена.

«О разделении департамента экономии и передаче дел из одного департамента в другой я еще с тобой переговорю, но вовсе не убежден в пользе подобной перетасовки.

С а ш а».

Последняя фраза государя поразила и меня. Очевидно, его величество предположениями нашими недоволен. По всей вероятности, государь советовался с графом Толстым, для которого назначение в председатели департамента законов Абазы, друга Лорис-Меликова, было неприятно.

Неудовольствия на великого князя у государя быть не может, так как его величество очень любит Михаила Николаевича. В отношении ко мне — дело другое. Все представленные бумаги были написаны мною собственноручно, и очень может быть, что Толстой возбудил государя против меня. Это навело меня на мысль, не следует ли мне уйти с должности государственного секретаря прежде, чем пожелают меня уволить.

Старицкий, которому я написал о желании великого князя видеть его завтра, приехал ко мне, чтобы узнать, зачем зовет его Михаил Николаевич. Я не скрыл от него предстоящего ему лестного назначения. Егор Павлович был обрадован доверием государя и в то же время несколько смущен трудностью задачи. Я старался его успокоить, говоря, что дело пойдет у него отлично.

Тогда Старицкий заходил в волнении по моему кабинету из угла в угол и минуты через две, остановясь передо мною, сказал, что во всяком случае не считает возможным совместить в своем лице председательство с должностью главноуправляющего кодификационным отделом и предлагает мне взять эту должность. Я поблагодарил за доверие и доброе расположение, но отвечал, что нужно подумать.

Нынешняя моя должность меня более интересует... Бог весть, однако, не следует ли с нее уйти?.. И я рассказал Старицкому все происшедшее. Выслушав меня, Егор Павлович был того мнения, что действительно лучше уйти и что самым подходящим для меня местом — должность главноуправляющего кодификационным отделом. В заключение Старицкий сказал, что предложит меня завтра же великому князю в кандидаты на эту должность.

26 декабря.

Будучи озабочен и запискою государя и предложением Старицкого, я поехал сегодня к Сольскому, чтобы посоветоваться с ним. Он думает

тоже, что лучше уйти самому при благоприятных обстоятельствах, чем дожидаться немилости. Во всяком случае, по мнению Сольского, нужно разъяснить положение.

27 декабря.

Великий князь пригласил меня сегодня утром к себе и сказал, что государь назначает членом Государственного Совета Н. П. Мансурова. Очевидно, это — кандидат Толстого.

Потом его высочество, сообщив мне, что Старицкий рекомендует меня в главноуправляющие кодификационным отделом, спросил, желаю ли я этой должности.

Я отвечал, что готов принять ее, если это нужно, хотя остался бы охотнее государственным секретарем. К этому я прибавил, что положение мое представляется мне несколько сомнительным и что желательно разъяснить его.

Великий князь сказал мне, что уход мой с должности государственного секретаря был бы для него большою потерей, но что, во всяком случае, не хочет быть эгоистом.

По просьбе моей его высочество разрешил мне представить ему для доклада государю конфиденциальную записку. Я написал ее вечером и отправил ее на следующее утро. Вот она:

«По возбужденному Е. П. Старицким вопросу о назначении меня в преемники ему, позволяю себе почтительнейше возобновить в памяти вашего императорского высочества то, о чем я имел честь докладывать вчера.

«Если бы государь император изволил найти меня достойным и способным к занятию должности главноуправляющего кодификационным отделом, то я принял бы ее с радостью и приложил бы все старания и все силы свои к возможно лучшему исполнению возложенных на кодификационный отдел важных трудов, отчасти мне знакомых.

«Затем, если бы его величество изволил бы признать меня нужным на настоящей моей должности, не выражая при этом недоверия или неудовольствия ко мне, то я почел бы себя вполне счастливым оставаться попрежнему ближайшим сотрудником вашего высочества.

«Но если бы я имел великое несчастье возбудить чем-либо, конечно, невольно, неблаговоление ко мне государя императора, то, несмотря на то, что я весьма ценю свое положение и, смею надеяться, по опытности своей в делах Государственного Совета, приношу некоторую пользу, наконец, несмотря на столь драгоценные для меня постоянно близкие отношения к вам, я тем не менее считал бы, с своей стороны, долгом совести, долгом верноподданного, просить об увольнении: государственным секретарем, на котором лежит изложение суждений Государственного Совета по всем законодательным делам и другим вопросам, представляемым на окончательное разрешение верховной власти, не может быть лицо, не пользующееся доверием своего государя.

«Как ни тяжело было бы для меня проявление этого недоверия в той или другой форме, но — если бы оно существовало — я осмелился бы всеподданнейше просить, даже умолять о произнесении рокового

слова. В подобных настоящему жизненных вопросах нет большего мучения, как неизвестность, которая, в отношении ко мне, постоянно поддерживается нескончаемыми в течение полуторых лет настойчивыми городскими слухами о предстоящем будто бы моем смещении».

На случай, если бы государю угодно было бы меня уволить с должности государственного секретаря, я рекомендовал великому князю на свое место трех лиц: Э. В. Фриша, И. И. Шамшина, П. А. Маркова.

29 декабря.

Вечером великий князь пригласил меня к себе, и когда я вошел в кабинет, его высочество сказал мне: «Поздравляю вас членом Государственного Совета, с производством в действительные тайные советники».

Затем великий князь обнял меня и сердечно поблагодарил за оказанную в течение полутора лет деятельную помощь.

Поблагодарив, в свою очередь, за всегдашнее милостивое ко мне расположение его высочества, я позволил себе спросить о том, как все произошло.

Великий князь отдал мне мою записку со словами: «Не тревожьтесь, оскорбительного для вас ничего не было. По прочтении вашей записки, государь сказал: «Я никогда бы не возбудил вопроса об его увольнении с настоящей должности. Я знаю, что он человек умный, честный и опытный, одним словом, совершенно на своем месте. Но если Перетц сам возбуждает вопрос, то я должен сказать по совести, что удерживать его не буду. Он напоминает мне такое время, которое мне несимпатично. Они с дядей Костей, при покойном государе, хозяйничали в Государственном Совете и вели дела не так, как бы желал я. Я согласен на назначение его членом Совета и на награждение его чином действительного тайного советника. Что же касается кодификационного отдела, то думаю, что и там он был бы на своем месте; но я лучше бы желал, чтобы Старицкий там [?] пока не убедился на опыте, что не может соединить обеих должностей, которые занимал князь Урусов».

Сообщив мне все это, великий князь прибавил: «Значит, вопрос о кодификационном отделе тоже почти решен в вашу пользу; придется вам только обождать месяц-другой». Затем я спросил о моем преемнике. «Из указанных вами трех лиц государь выбрал Фриша, — сказал великий князь. — Его величество вполне ему доверяет. Шамшина его величество назвал непоседою, так как он часто меняет места. Про Маркова же, — что Лорис-Меликов рекомендовал его дураку Сабурову для проведения либеральных идей, и что Делянов был в восторге, когда Набоков взял Маркова товарищем министра юстиции».

Только-что великий князь окончил этот рассказ, как доложили о приезде Фриша.

Когда он вошел, великий князь сказал ему:

«Я пригласил вас к себе, чтобы сообщить волю государя императора. Первоначально его величеству угодно было назначить вас к 1 января членом Государственного Совета. Но сегодня государь изменил свое намерение. По случаю назначения Егора Абрамовича

членом Государственного Совета, мы должны приискать нового государственного секретаря, и выбор его величества остановился на вас».

Фриш поклонился и сказал, что чувствует себя счастливым по случаю оказываемого ему доверия.

«Значит, вы принимаете должность государственного секретаря?».

«Если государю императору и вашему высочеству угодно мое назначение, — отвечал Фриш, — то я не смею отказываться, хотя и не уверен, что буду на месте».

«Бог даст, все пойдет хорошо, — сказал великий князь и, обращаясь ко мне, прибавил: — Пожалуйста, Егор Абрамович, озаботьтесь заготовлением всех необходимых указов... Еще раз благодарю вас». И великий князь с чувством пожал мне руку.

Домой приехал я, странно сказать, и огорченный, и в то же время довольный. Огорчало меня недоверие ко мне. Доволен же я был тем, что недоверие это (если великий князь не слишком смягчил сказанное государем) облечено было в мягкую, не оскорбительную для меня форму. К тому же я утомлен бесконечными тревогами последних двух лет...

Возвратясь домой, я немедленно написал управляющему отделением дел государственного секретаря Н. М. Рембелинскому, прося его приехать ко мне и выписать ко мне же одного из лучших переписчиков.

Рембелинский явился через полчаса и был поражен сообщенной мне вестью. Я думаю, что сожаление его о моем уходе было искренне. Мы принялись за составление указов, и когда их отдали в переписку, раздался вдруг звонок, и мне доложили о приезде Э. В. Фриша. Он вошел скорыми шагами, насупленный и, почти не здороваясь, стал повторять: «Это ужасно, это ужасно».

«Что такое ужасно, любезный Эдуард Васильевич?» — сказал я, взяв его за руку.

«Ужасно то, — отвечал он, — что меня назначают на должность, на которую я не гожусь... До сих пор я исполнял свои обязанности добросовестно, и все находили меня полезным... а теперь я пропаду ни за что».

«Полноте, успокойтесь. Отчего же вы пропадете? Я уверен, что у вас все пойдет прекрасно».

«Ошибаетесь, я лучше себя знаю. Начиная с того, что я вовсе не редактор, а человек, не обладающий хорошим пером, не годится в государственные секретари».

«Это еще не такая беда, — сказал я. — Вы будете уметь направить, а напишут другие. Все статс-секретари Государственного Совета мастера на это, и вообще они будут вам отличными помощниками».

«Вот в том и беда, — сказал Фриш, — что мне, прослужившему весь век, так сказать, в армии, придется командовать гвардейцами. Это ужасно. Я просто пропаду».

«Но в таком случае зачем же вы приняли должность? Вы могли отказаться, когда великий князь говорил с вами».

«Действительно, так бы следовало мне поступить. Но на меня нашел какой-то столбняк... Притом я был поражен милостивым доверием государя».

«Жаль, что вы не заявили тогда своих сомнений. А теперь у нас уже указ написан о вашем назначении. Завтра он должен идти к подписанию его величества».

Как только сказал я это, Фриш опять заговорил: «Это ужасно, это ужасно», и заходил по комнате.

Мне стало жаль его, и я предложил поехать завтра поутру к великому князю и рассказать ему о сомнениях Фриша. По всей вероятности, все устроится. Нельзя же назначать кого-либо на должность вопреки желанию назначаемого.

Фриш просил.

Затем я объяснил, что главная трудность будет заключаться в приискании подходящего кандидата, так как Шамшин и Марков забракованы государем.

«Я думал об этом, — сказал Фриш, — нельзя ли предложить сенатора Голубева?».

«Голубева я знаю. Человек он, действительно, умный и отличный юрист. Но, прежде всего, Голубев вовсе неизвестен ни государю, ни великому князю; он тоже неизвестен и в высших правительственных сферах. Затем, как я слышал, он вовсе не распорядителен и тяготился даже должностью директора департамента министерства юстиции».

«Действительно так», — сказал Фриш.

«В таком случае, при всех своих качествах, Голубев не годится в государственные секретари. Выйдет то, что мы лишим Сенат отличного сенатора, а настоящего государственного секретаря иметь не будем».

Несмотря на неимение нами подходящего кандидата, я обещал Эдуарду Васильевичу поехать утром к его высочеству и постараться избавить его от неприятного ему назначения.

30 декабря.

Приехав сегодня утром к великому князю, я узнал, что только [что] вошел в кабинет А. А. Половцев. Поэтому мне пришлось обождать, впрочем, очень недолго. Почти вслед за докладом обо мне, Половцев вышел, и мы поздоровались с ним на ходу.

Его высочеству отказ Фриша был очень неприятен, но он понял, что принуждать его нельзя, точно так же невозможным считал его высочество предлагать снова государю Шамшина или Маркова: отказ со стороны его величества был слишком решительный.

«В таком случае, что же нам делать?» — сказал я.

«Не просить ли государя о назначении Рембелинского? — спросил великий князь. — Я познакомился с ним, когда он исправлял вашу должность минувшим летом, и он мне очень понравился».

«Я был убежден в этом заранее, ваше высочество, — отвечал я, — Рембелинский, действительно, прекрасный человек, отличный работник и у него очень приятные. Но, по моим понятиям, — мне тяжело сказать это про человека, которого я люблю, — в государственные секретари Рембелинский не годится; к нему можно применить известный французский стих: «*tel brille au second rang, qui s'eclipse au premier*»⁵⁰. Летом не было заседаний Государственного Совета

и потому не возбуждалось никаких особенных вопросов. Для дел обычных, налаженных, Рембелинский отличен; если же возникает что-нибудь новое, неожиданное, то он не всегда найдется. К тому же назначение Рембелинского было бы едва ли политично. Он выведен мною и очень мне предан; поэтому, в случае назначения его, все стали бы говорить, что государственною канцеляриею заправляю попрежнему я. Это могло бы поставить ваше высочество в положение неудобное в отношении к государю.

«Но как же быть? — сказал великий князь. — У нас нет никого?».

«Ваше высочество, — сказал я, — позвольте спросить вас: знаете ли вы близко Половцева, который только-что от вас вышел?».

«Нет, я знаю его очень мало. Он приглашает меня иногда на балы и на охоты. Сейчас был он с приглашением на бал. Почему вы спрашиваете это?».

«Я спрашиваю потому, что Половцев слывет за умного человека. Еще недавно говорил мне Лорис-Меликов, что его очень ценит Абаза. А Абаза понимает людей. Сам я знаю Половцева немного. Знаю только, что он считается хорошим и распорядительным обер-прокурором I департамента, затем, в качестве сенатора, он ревизовал Киевскую губернию. Наконец, благодаря чрезвычайному богатству жены, он имеет положение совершенно независимое. Рекомендовать его я не смею; но, может-быть, Половцев и оказался бы хорошим государственным секретарем. Прежде всего, надо собрать о нем справки...».

«Вы совершенно правы, — сказал великий князь. — При неимении других подходящих кандидатов, нельзя пренебрегать Половцевым. Окажите мне последнюю услугу — соберите о нем справки».

«С удовольствием, ваше высочество. Но у кого именно?...».

«Прежде всего у министра юстиции, так как Половцев — сенатор; затем у Сольского, который, вероятно, знает его».

«Не спросить ли также Фриша, который, как мне кажется, товарищ с Половцевым по училищу правоведения? А быть у него я должен во всяком случае, так как нужно порадовать его тем, что ваше высочество берется ходатайствовать об освобождении его от должности государственного секретаря».

«Прекрасно, спросите и Фриша».

Министр юстиции Набоков оказался вовсе к Половцеву не расположенным. Он отрицал в нем всякого рода качества и видел лишь напыщенность, самомнение и т. п. дурные его стороны. Когда я сказал, что Половцев был, однако, хорошим обер-прокурором I департамента Сената, Набоков возразил, что нынешний обер-прокурор Евреинов гораздо лучше, и советовал взять скорее его.

Не отрицая хороших сторон Евреинова, как добросовестного и честного труженика, я отвечал, что едва ли подходит он к тому, что требуется от государственного секретаря. Евреинов, в сущности, хороший чиновник; такие есть и в государственной канцелярии.

Фриш, чрезвычайно обрадованный тем, что чаша минует его самого, отозвался о Половцеве с лучшей стороны: он считает его умным, ловким и умеющим выбирать людей. Не утомляя себя самой работой, Половцев сумеет заставить других трудиться усердно

и хорошо. В I департаменте Сената он оставил по себе добрую память, между прочим тем, что образовал прекрасный состав канцелярии. По мнению Эдуарда Васильевича, должности государственного секретаря Половцев не только не уронит, но придаст ей новое значение. Министры будут его побаиваться.

Сольский не разделял ни враждебных взглядов Набокова, ни восторженных отзывов Фриша. По мнению Дмитрия Мартыновича, у Половцева есть положительные качества: здравый ум, ловкость и репутация хорошего администратора.

Есть у него и недостатки: не говоря уже о напыщенности, непомерное честолюбие, а в то же время неохота трудиться и, что хуже всего, некоторое двуличие. Если бы руки у нас были свободны, то Дмитрий Мартынович не предложил бы Половцева в государственные секретари; но так как выбора нет, то, делать нечего, приходится мириться с ним. По уму Половцев несравненно выше Рембелинского.

В первом часу был я уже у великого князя и доложил ему почти буквально все мною слышанное. Его высочество отправился тотчас в Гатчину.

После обеда великий князь послал за мною и рассказал, что государь, хотя и сожалеет об отказе Фриша, но не настаивает на назначении его государственным секретарем. Таким образом Эдуард Васильевич, согласно первоначальному предположению, будет членом Государственного Совета.

На должность государственного секретаря великий князь предложил двух кандидатов: Половцева и Рембелинского, последнего в качестве исправляющего должность, впредь до приискания другого лица или же до утверждения его самого, если бы государь был им доволен.

Про Половцева его величество сказал, что отчасти знает его по Историческому Обществу, что он — человек вообще способный, но иногда увлекается; в таких случаях урезонивает его Победоносцев. Может-быть, Половцев и будет годиться; нужно, однако, посоветоваться с Толстым, который его знает ближе.

Великий князь испугался такого привлечения Толстого к разрешению чисто советских вопросов и просил государя, если его величество не решается назначить Половцева, возложить управление государственною канцеляриею на Рембелинского, который имеет многие качества и, может-быть, справится с должностью. Государь согласился.

Его высочество, тотчас по возвращении из Гатчины, послал за Рембелинским и сообщил радостную для него новость. Рембелинский был в восторге. Вечером он приехал ко мне.

31 декабря.

В сегодняшнем общем собрании рассматривались сметы на будущий год. Заседание было бесцветное. Зато много было разговоров о моем уходе и о назначении Рембелинского. Выбор этот никем почти не одобрялся, так как Рембелинского считают чиновником.

После заседания великий князь позвал меня к себе в кабинет, снова горячо благодарил за совместную нашу деятельность и опять обнял меня. Я был совершенно растроган.

По отъезде великого князя я занялся меморией о государственной смете, которую нужно было представить государю сегодня же. Вдруг, в пятом часу, прибегает фельдъегерь великого князя и просит немедленно к нему. Когда я явился во дворец, его высочество показал мне только-что полученную им от государя телеграмму о представлении к подписанию его величеству указа о назначении Половцева государственным секретарем.

По всей вероятности, государь говорил о нем с Толстым, бывшим сегодня в Гатчине, и Толстой одобрил этот выбор.

Великий князь был несколько смущен. Между прочим, досадно было ему за Рембелинского, которого в Совете все поздравляли с назначением. Я доложил его высочеству, что для утешения Рембелинского следовало бы испросить ему звание статс-секретаря его величества. Великий князь нашел, и с своей стороны, справедливым и обещал просить о нем государя.

1883 г.

1 января.

После выхода представлялся государю и благодарил за назначение. Его величество был благосклонен и расспрашивал меня про наши советские дела, как будто бы я был еще государственным секретаре. Члены Совета относятся ко мне хорошо.

Рембелинскому пожаловано звание статс-секретаря.

12 января.

Граф П. А. Шувалов рассказал мне о разговоре своем с Толстым, которого просил разъяснить, почему я уволен, и почему мне преемником назначен Половцев.

Относительно меня Толстой сказал, что я уволен за комбинацию, благодаря которой вернулись бы к власти Абаза, Лорис-Меликов и вся их компания. Если такова была действительная причина моего увольнения (т.-е. наговор Толстого на меня государю), то я уволен напрасно.

Не отрицаю, что я очень желал возвращения к делам Абазы, финансовые таланты которого всегда ценились и его величеством. Но я вовсе не желал возвращения Лорис-Меликова; лучшее тому доказательство, что я не способствовал осуществлению его желания быть назначенным в состав департамента законов.

Затем, в отношении к Половцеву, Толстой сообщил следующее.

Государь рассказал ему, что в числе кандидатов на должность государственного секретаря великий князь называл и Половцева, но что его величество не решился его назначить, не будучи вполне уверен в нем. Тогда Толстой выразил сожаление о неназначении Половцева, так как он человек очень богатый и потому будет способствовать ограждению прав собственности, которые в последнее время не раз нарушались.

По всей вероятности, такова была мысль Толстого: не думаю, однако, чтобы он высказал ее государю в такой грубой форме. Он просто представил Половцева человеком способным и притом консерватором...

26 января.

Был порадован вчера вечером письмом от великого князя Константина Николаевича. Вот оно:

20 января
(1 февраля) 1883 г. Париж.

«Искренне благодарю вас, любезнейший Егор Абрамович, за ваше письмо от 7 января и поздравляю вас с новым назначением.

1883 г.

157

Но, признаюсь, я сам себя спрашиваю, радоваться ему или нет? Вы еще так молоды, в вас, слава богу, столько еще энергии, что как-то жалко мне радоваться тому, что вы уже теперь переходите на сравнительный покой. Государственные секретари обыкновенно удерживались на их многотрудной должности лет по десяти и более. Стоит для этого вспомнить Корфа, Бахтина, Буткова, Сольского. Вас уже спустили после четырех лет, и я об этом более сожалею, чем радуюсь. Не удивляйтесь этому и не сердитесь на меня. Я это говорю, думая о брате Михаиле, думая о деле. И для брата и для дела это в моих глазах большая потеря, и жалко мне, что они (брат и дело) лишаются вашего содействия, вашей пользы, вашей деятельности, которые еще столько лет могли бы быть им полезны. Разумеется, что и в качестве члена Совета и члена департамента вы будете дело делать, потому что не можете сидеть сложа руки, но это будет то, да не то.

«Уже не будет так непосредственно от вас зависеть держать высоко знамя Государственного Совета (ваше собственное выражение), что теперь может быть более необходимым, чем когда-либо. Ко всему этому присоединяется и некоторое эгоистическое чувство. В вашей службе в качестве государственного секретаря, в вашем состоянии при брате, я видел как бы продолжение и сохранение преданий, образовавшихся во время моего 16-летнего председательствования. Сохранятся ли они и впредь при новом государственном секретаре — я не знаю, и предвидеть не могу. Половцева я совсем не знаю с деловой стороны, желаю ему полного успеха на этой важной должности; но не могу не опасаться, что для брата разница будет очень чувствительная в отношении помощи в делах, которую он в нем может найти. Половцев для государственной канцелярии человек совершенно новый, и нелегко ему будет войти в нить преданий, и придется много самому учиться, чтобы встать на высоту своей новой роли. Вот причина, почему я несколько скромен в радости о вашем назначении, — не удивляйтесь этому. Для вас же лично я не могу, разумеется, не радоваться, потому что вы будете иметь сравнительный покой и будете менее подвергаться опасности от разных интриг и сплетен, головоломность которых вы испытали в течение прошлого года. Осенью, когда брат жил в Крыму, мы с ним часто виделись и говорили про вас, и я с сердечным удовольствием видел, как он вас ценит, привязался к вам, как он сам убедился, что все то, что я ему про вас говорил еще 1881 году, была правда. Засим желаю вам впредь всякого благополучия и успеха в тех занятиях, которые теперь вам предстоят, и прошу вас сохранить ко мне вашу прежнюю привязанность, ваши старые чувства, которые я так давно привык ценить.

Искренне вас любящий
Константин».

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Оригинал печатаемого дневника бывшего государственного секретаря Е. А. Перетца, хранящийся ныне в Особом Отделе Моск. Центр. Архива Октябрьской Революции, представляет собой изящную тетрадь в четвертку, в переплете из красного сафьяна, с золотым тиснением и обрезом. Текст дневника занимает 286 листов (нумеровано в Моск. Центр. Архиве Окт. Рев.). Дневник не имеет заголовка или иной пометы и начинается прямо записью от 28 сентября 1880 г., а оканчивается записью 26 января 1883 г., точнее, копией письма вел. кн. Константина Николаевича от 20 января 1883 г. К сожалению, судьба более ранних и позднейших дневников Е. А. Перетца редакции неизвестна. Текст настоящего дневника печатается без каких-либо купюр, исправлены только немногочисленные орфографические ошибки и описки, а также введены пропущенные автором слова (печатаются в прямых скобках). Отрывок из печатаемого здесь дневника Е. А. Перетца под заглавием «Заседание Государственного Совета 8 марта 1881 г.» был напечатан в январской книге «Былого» за 1906 г. Этот отрывок представлял собой не точное воспроизведение записи Е. А. Перетца о заседании Совета Министров 8 марта 1881 г., а сжатую её переработку. В 8 т. «Красного Архива» запись Е. А. Перетца от 8 марта 1881 г. дана полностью с присоединением отрывка записей от 9 и 16 марта 1881 г. (см. «Красный Архив», т. 8, стр. 132 — 150).

2) Жена Александра II, императрица Мария Александровна, умерла 22 мая 1880 г.; 6(18) июля того же года он женился на кн. Екатерине Михайловне Долгоруковой, от которой имел детей. Долгорукова после венчания получила титул светлейшей княгини Юрьевской.

В бумагах Зимнего дворца, хранящихся в Особ. Отд. Моск. Центр. Архива Октябрьской Революции, находится пакет, на котором сделана рукой Александра II надпись: «Хранить до востребования, а в случае моей смерти вручить государю императору. Ливадия, 9-го ноября 1880 г.». В пакете хранятся два документа: 1) акт о женитьбе Александра II на Е. М. Долгоруковой и 2) письмо Александра II к сыну. В виду несомненной исторической ценности обоих документов, печатаем их целиком.

А К Т.

Тысяча восемьсот восьмидесятого года, июля шестого дня в три часа в Царско-Сельской дворцовой походной церкви его императорское величество государь император Александр Николаевич, всея России, благоизволил вступить во второй законный брак с фрейлиною княжною Екатериною Михайловною Долгоруковой.

Мы, нижеподписавшиеся, быв личными свидетелями бракосочетания его императорского величества, составили сей акт и утверждаем его собственноручною подписью. 6 июля 1880.

Генерал-адъютант граф Александр Владимирович Адлерберг.
Генерал-адъютант граф Эдуард Трофимович Баранов.
Генерал-адъютант Александр Михайлович Рылеев.

Таинство брака совершил Большого собора Зимнего дворца протоиерей
Ксенофонт Яковлевич Никольский.

Ливадия 9/21 ноября 1880 г.

Любезный Саша.

В случае моей смерти поручаю тебе жену мою и детей наших... Дружба, которую ты не переставал им оказывать, с первого дня твоего знакомства с ними, и которая была для нас истинною отрадой, служит для меня лучшим ручательством, что ты их не оставишь и будешь их покровителем и добрым советником.

Пока жена моя будет жива, дети наши должны оставаться в полной ее зависимости, если же богу угодно будет отозвать ее к себе, прежде совершеннолетия детей, желаю, чтобы опекуном к ним был назначен ген.-адъютант мой, Рылеев, и еще другое лицо, по его выбору и с твоего согласия.

Жена моя не получила никакого наследства и потому все ей принадлежащее, как недвижимое, так и движимое имущество, есть благоприобретенное; поэтому родственники ее не имеют никакого права претендовать на ее наследство, и она может располагать всем по своему усмотрению. Для большей осторожности она завещала все мне и между нами было условлено, что если бы я имел несчастье ее пережить то все движимое имущество будет разделено поровну между всеми нашими детьми и мною же им передано после их совершеннолетия или замужества дочерей. Недвижимое же ее имущество должно перейти к единственному нашему сыну, к Георгию. Оно состоит из дома в С.-Петербурге, на Английской набережной, выходящего тоже на Галерную, под № 47 и 48, из дач в Царском Селе и Петергофе и из двух дач в Крыму, близ Ялты, под именем: Бюк-Сарай и Кучук-Сарай. Если богу угодно будет даровать нам еще другого сына, то дачи сии должны быть разделены между ними, но дом в Петербурге остается принадлежностью старшего.

Жене моей принадлежит капитал, который внесен, пока брак наш не будет объявлен официально, на мое имя в госуд. банк, при чем я дал ей свидетельство, что капитал этот принадлежит ей. При ее жизни она может располагать им по ее усмотрению, а в случае ее смерти он должен быть разделен поровну, между всеми нашими детьми, оставаясь в госуд. банке, и приращаться процентами и теми взносами, которыми мне можно будет его увеличить. До совершеннолетия детей или замужества дочери, опека в праве употреблять из процентов то, что потребуется на их содержание. Но и после их совершеннолетия, или замужества дочерей, они могут пользоваться только одними процентами, не касаясь разделенного между ними капитала, который должен оставаться в банке, разве только для покупки действительно прибыльного имения.

Все вещи, подаренные мне женою, должны быть, после моей смерти, возвращены ей. Желаю, чтобы в таком случае ей предоставлено было пользо-

ваться комнатами, для нее и для детей, отделанными в Зимнем дворце, разве она сама пожелает переехать в свой дом. Во всяком случае, все вещи, в них находящиеся, должны считаться ее собственностью. Брильянтовые ее вещи, в случае ее смерти, должны быть поровну разделены между всеми детьми и считаться фидейкомиссом. Вот последние мои желания, которые, я уверен, будут приведены тобою добросовестно в исполнение. Да благословит тебя за это бог!

Не забывай и молись за упокоение души тебя столь искренно и нежно любящего Па.

Александр.

3) Высочайшим указом сенагу 6 августа 1880 г. Верховная Распорядительная Комиссия и знаменитое III отделение собств. е. имп. в. канцелярии были упразднены, а дела их переданы в министерство внутренних дел. Тем же указом Лорис-Меликов был назначен министром внутренних дел.

4) Вел. князь Александр Александрович, наследник престола.

5) В самом начале деятельности Верх. Распор. Комиссии главный начальник ее Лорис-Меликов предложил, в целях борьбы с «крамолой»: 1) объединение действий судебных и административных органов, 2) ускорение производства дознаний и дел о госуд. преступлениях, 3) изменение системы определения политич. неблагонадежности и др. Указами 3 и 4 марта 1880 г. главному начальнику Верх. Распор. Комиссии были временно подчинены III отделение и корпус жандармов.

6) «Ливадия» — царская яхта особой конструкции, придуманной ближайшим сотрудником генерал-адмирала вел. кн. Константина Николаевича А. А. Поповым, построившим ряд военных судов для береговой обороны весьма неудовлетворительных мореходных качеств. Эти суда были иронически прозваны «поповками».

7) 11 августа 1880 г. Лорис-Меликов вошел с всеподданнейшим докладом о назначении сенаторских ревизий в нескольких губерниях: «Ревизии эти, — говорилось в докладе, — были бы крайне полезны не только для ведомства министерства внутренних дел, но, без сомнения, и для других ведомств, которые могли бы также дополнить этим путем сведения свои по многим весьма важным предметам». Александр II утвердил доклад, согласно которого сенаторами-ревизорами были назначены: Ковалевский, Мордвинов, Половцов, Шамшин. Для них была выработана инструкция о расследовании ряда вопросов по министерству внутренних дел, юстиции, финансов, государственных имуществ, народного просвещения и путей сообщений.

8) Лорис-Меликов 28 января 1881 г. представил Александру II всеподданнейшую записку, в которой он, высказавшись против введения в России народного представительства по западно-европейскому образцу, предлагал организовать для завершения реформ и стоящих на очереди вопросов в центральных управлениях временные подготовительные комиссии, по образцу редакционных комиссий 1859 года, с тем, чтобы работы комиссий были подвергаемы рассмотрению в «Общей комиссии» с участием представителей земства и городов. Проект Лорис-Меликова, после рассмотрения его особым совещанием (Валуев, наследник вел. кн. Константин Ник., Урусов, Абаза и др.), был утвержден царем. 1 марта утром Александр II утвердил проект правительственного сообщения о созыве «Общей комиссии», приказав обсудить этот проект, до напечатания, 4 марта в Совете Министров.

9) «И чтобы прекратить заседание, сделавшееся невозможным, председатель должен был закрыться».

10) Победоносцев и Баранов играли очень большую роль в создании Добровольного флота. См. об этом многочисленные подробности в изданных Централхивом «Письмах Победоносцева», т. I, М., 1925.

11) Так в подлинном.

12) Об отношении Победоносцева к Лорис-Меликову см. «Письма Победоносцева», т. I, изд. Централхива, стр. 315 — 316 и др.

13) Пересказ записи Е. А. Перетца от 8 марта 1881 г. был напечатан в «Былом» (1906, кн. 1) под неправильным заголовком «Заседание Госуд. Совета 8 марта 1881 г. (из дневника одного госуд. деятеля)».

14) «Надеюсь, что вы были мною довольны». — «Вполне. Но я не сказал бы того же о вашем питомце; это — лакей».

15) «Я счастлив, что приехал. Для меня император — открытие».

16) Мраморный дворец в 1832 г. был отдан на жительство вел. кн. Константину Николаевичу, а в 1849 г. Николай I приказал именовать этот дворец Константиновским, как здание, предоставленное в потомственное владение вел. князю.

17) «Я его просил предложить, но не просить моей отставки».

18) «Лгун-Папа» и «Немножко лжи».

19) 21 апреля 1881 г. в Гатчине было заседание комитета министров под председательством Александра III. Лорис-Меликов, Милютин и Абаза говорили о введении представительного начала в России. Вел. кн. Владимир Александрович упорно возражал. Александр III писал в этот день Победоносцеву: «Мой брат Владимир правильно смотрит на вещи и совершенно, как я, не допускает выборного начала». Победоносцев отвечал Александру III, что нужно «обратиться к народу с заявлением твердым, не допускающим никакого двоемыслия». Это заявление Александр III и сделал в манифесте 29 апреля 1881 г.

20) 29 апреля 1881 г. был опубликован манифест, составленный Победоносцевым втайне от Лорис-Меликова и других министров. В этом манифесте Александр III заявлял о своей вере в «силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее посягательств». См. «Письма Победоносцева», т. I, изд. Централхивом, стр. 331 — 333.

21) «Я ухожу, по крайней мере, в хорошей компании». ✓

22) Так в подлинном.

23) «Ты слышишь: Бисмарк — уже ничто». ✓

24) «При отъезде всегда очень грустно, не правда ли?».

25) 15 апреля 1881 г. в Елисаветграде произошел еврейский погром, который охватил семь южных губерний и продолжался около трех недель.

26) «Я еще не знаю, — отвечала ее высочество, — посмотрим. Что же касается данного момента, то могу сказать только, что я в восторге от того, что не надо возвращаться на Кавказ. Ужасно жить без общества; вокруг — одни подчиненные. На Кавказе не было никого, с кем бы можно было, как говорится, душу отвести».

27) «Я очень боюсь, ваше высочество, что, говорят, вам очень трудно понравиться?» — «Правда, это говорят? Возможно».

28) «Я думаю, что это заметно. Я не обладаю талантом скрывать свои чувства». — «Это превосходно, ваше высочество. Ясно, по крайней мере, как надо держаться».

29) Речь идет о старшем сыне вел. кн. Константина Константиновича, Николае Константиновиче, о котором сохранилось мало сведений. В 70-х годах он был, по слухам, уличен в краже бриллиантов с какой-то иконы своей матери, после чего был признан сумасшедшим и над ним назначили опеку. Он жил под надзором особо приставленных к нему лиц в Крыму, Оренбурге и Ташкенте. О краже его см. статью «Благодушное правительство и его лакеи» в Лавровском сборнике «Вперед» (1874, т. III, стр. 91 — 95); см. также «Красный Архив», т. III, стр. 89, 323.

30) «Милая Санны, я уважаю тебя за твою прямоту».

31) «Ваш сегодняшний визит доставит большое удовольствие великому князю. Это — акт рыцарства с вашей стороны».

32) «Сделать нескромность».

33) «Вот в чем вопрос».

34) «Выясни мне это».

35) В 1862—63 гг. вел. князь Константин Николаевич был наместником Царства Польского, где он неудачно пытался вести примирительную политику, одинаково не удовлетворявшую ни поляков, из среды коих представитель левого течения польской общественности Ярошинский неудачно стрелял в него, ни русских реакционеров.

36) «И держать меня в курсе».

37) «Ваше величество, я весьма ценю в государе его исключительную прямоту, но надо вместе с тем признаться, что его величество бывает иногда несколько крут. Он не совсем бережно обошелся с этим бедным Адлербергом». — «Не говорите о нем. Я из-за него проплакала три дня».

38) Ливен и Крыжановский.

39) «Я не могу больше этого выдержать».

40) «Ну, хорошо, посмотрим...» — «Вспомните, ваше высочество, об известном приеме в Тифлисе и вот эти слова: «я не могу больше этого выдержать»».

41) «Боже мой, ведь он же не в ссылке!»

42) Наемная карета.

43) «Бедный Перетц, его положительно не хотят оставить в покое».

44) «Я — ни король Испании, ни принц Петр Ольденбургский, чтобы иметь заместителей. Филиппа II представлял в Нидерландах герцог Альба, а принц Петр имел заместителя в гражданском департаменте».

45) Так в подлинном.

46) 12 января 1882 г. на праздновании годовщины взятия Геок-Тепе М. Д. Скобелев произнес речь с протестом против угнетения зарубежного славянства, имевшую резкую политическую окраску и вызвавшую сильное раздражение в Германии и Австрии. Когда Скобелев вскоре после этой речи прибыл в Париж, проживавшие там студенты-сербы поднесли ему благодарственный адрес, на который он отвечал новой речью, краткой, но весьма зазорного антинемецкого характера. Речь эта вызвала вновь шум в заграничной прессе, и русское правительство вынуждено было вызвать Скобелева в Россию до окончания срока его отпуска.

47) «У моего племянника нет больше армии!».

48) «Вместо того, чтобы составлять законы, это собрание удовлетворяется тем, что регистрирует указы».

49) Буквально: спускание (курка). Ослабление.

50) «Иной из блистающих на вторых ролях, теряет весь свой блеск, переходя на первые».

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А база, Алекс. Аггеевич, член Гос. Совета, министр финансов (1880—1881). 7—14, 16—19, 22, 29, 31, 36, 40, 43, 46, 51, 57—60, 62—66, 68—71, 73, 104, 107, 133, 142, 146—148, 153, 156.

Адлерберг, Алекс. Влад., граф, министр двора и уделов (1872—1881). 1, 5, 23, 24, 31, 95—97.

Акинфиева, Надежда Сергеевна, жена герцога Николая Максимилиановича Лейхтенбергского, князя Романовского; высочайшим указом 30 янв. 1879 г. ей дан был титул графини Богарнэ. 50.

Аксаков, Ив. Серг. (1832—1886), публицист-славянофил; издатель газеты «Русь». 64.

Александр I. 45, 105.

Александр II. 1, 2, 5, 6, 11, 13, 15, 16, 20—30, 32—35, 37, 47, 49, 50, 55, 56, 59, 82, 89, 90, 95, 97, 126, 128, 135, 136, 150.

Александр III. 2, 3, 5, 6, 8, 11, 16, 21, 22, 25, 26, 28—31, 33, 35, 39, 42, 45—47, 51—56, 59, 62, 63, 65, 66, 70, 73—79, 81, 83—92, 95, 96, 100, 101, 105, 106, 111, 115, 117, 118, 120, 123—127, 129, 135—138, 140, 142—144, 146—152, 154—156.

Александра Иосифовна, жена вел. князя Константина Николаевича, урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская. 74, 85, 86, 94, 115, 117.

Александра Федоровна, жена императора Николая I (1778—1860). 92.

Алексей Александрович, великий князь, контр-адмирал свиты его величества. 80, 127.

Альба, герцог, наместник короля Филиппа II в Нидерландах в 1567—1573 гг. 69.

Альбединский, Петр Павл., ген.-адъют., варшавский генерал-губернатор. 16.

Аракчеев, Алексей Андр., граф, фаворит Александра I. 105, 120, 125.

Арцимович, Викт. Андр., сенатор; видный деятель крестьянской реформы 60-х годов. 16.

Бажанов, Вас. Борис., протопресвитер. 25.

Баранов, Ник. Мих., б. кап. I ранга; ген.-лейт.; после 1 марта 1881 г. — петербургский градоначальник; один из организаторов Добровольного флота, в создании которого принимал очень живое участие Победоносцев. 5, 28, 46, 52—55, 57, 58, 85, 94, 95.

Баранов, Эдуард Троф., граф, ген.-адъют., председатель деп. экономии Госуд. Совета. 9, 10, 31, 73, 76, 82, 83, 86, 105, 116, 142, 145, 146.

Барятинский, Алекс. Иванов. (1815—1879), кн., генерал-фельдмаршал, наместник на Кавказе. 61.

Бахтин, Ник. Ив., госуд. секретарь с 1843 г. по 1853 г.; инициатор идеи уничтожения откупов; член Главного Комитета об устройстве сельского состояния (умер в 1869 г.). 157.

- Бисмарк, Оттон-Эдуард-Леопольд, князь, имперский канцлер Германии (1815—1898). 70, 71, 95.
- Блинов, купец-солепромышленник. 14.
- Блюдов, Дм. Ник. (1785—1864), граф, председатель департамента законов Госуд. Совета. 143, 144.
- Бреверн, Егор Иван., член комиссии для составления судебн. уставов, член Государств. Совета. 108.
- Бреверн-Делагарди, Мария Алекс., графиня, урожден. Воейкова, бывш. фрейлина вел. княг. Александры Иосифовны. 94.
- Брун, Федор Ант., министр статс-секретарь вел. княжества Финляндского. 96.
- Бунге, Ник. Христ. (1823—1895), экономист, в 1880 г. назначен товарищем министра финансов; с мая 1881 г. по 1886 г. министр финансов. 7, 73, 74, 127, 130, 131, 133.
- Бутков, Влад. Петр., государственный секретарь с 1 января 1853 г. по 1 января 1865 г.; виднейший участник судебной реформы 60-х гг. 111, 114, 157.
- Валуев, Петр Алекс. (1814—1890), граф, председатель Комитета Министров. 1, 7, 21, 22, 24, 26, 28, 29, 31—34, 44, 46, 57, 58, 61—63, 65, 69, 86, 97, 98, 101, 117.
- Ванновский, Петр Сем., ген.-адъют., с 22 мая 1881 г. военный министр. 75, 127.
- Велепольский, Александр, граф, маркиз Гонзаго-Мышковский (1803—1877), начальник гражданского управления Царства Польского. 91.
- Велио, Ив. Осип., барон, директор департамента полиции. 146—148.
- Вильгельм (1797—1887), король прусский, германский император. 35, 95, 125.
- Воронцов-Дашков, Илар. Иван. (1837—1916), граф, завед. охраной Александра III, с авг. 1881 по 1897 — министр двора и уделов. 61, 66, 85, 95, 96, 115.
- Владимир Александрович, вел. князь, ком. войсками гвардии и петерб. военного округа. 31, 45—47, 51, 52, 56, 63, 65, 107.
- Галаган, Григорий Павл., прилуцкий уездный предводитель дворянства, учредитель коллегии имени Павла Галагана в Киеве. 112—115, 117, 121.
- Гамбетта, Леон-Мишель (1838—1882), знаменитый франц. полит. деятель, республиканец, президент палаты депутатов; в 1881 г. вел энергичную кампанию за введение закона о выборах в палату депутатов по спискам, а не по округам; противники Гамбетты доказывали, что он добивается изменения выборной системы, чтобы стать диктатором. 38.
- Геденов, Ив. Мих. (1816—1887), ген.-лейт., пом. главного попечителя Человеколюб. Общества с 1876 по 1887 г. 110.
- Гельфман, Геся Миловна, член партии «Нар. Воля», принимала участие в подготовке события 1 марта 1881 года. 54.
- Георгиевский, Алекс. Ив., редактор «Журнала Мин. Нар. Просвещ.» с 1866 по 1881 г.; член совета министра народного просвещения. 129.
- Гильденштуббе, Алекс. Иван., ген.-адъют., ген. от кав., член Гос. Сов. 135.
- Гирс, Ник. Карл., товарищ министра иностр. дел; с 1882 г. министр иностр. дел. 30, 31, 87, 104, 118, 127.
- Головнин, Алекс. Вас. (1821—1886), руководитель «Морского Сборника», министр народн. просвещения (1861—1870); член Госуд. Совета. 11, 16, 17, 19, 50, 51, 74, 80—82, 87—92, 94, 107, 115, 139, 142, 143.
- Голубев, Ив. Яковл., обер-прокурор кассац. департамента Сената. 152.
- Горчаков, Алекс. Мих., светл. князь, министр иностр. дел (1856—1882). 21, 86, 87, 90.

- Готовцев, Дмитрий Валер., тов. мин. внутр. дел; сенатор. 130.
- Грейг, Самуил Ал. (1827—1887), ген.-адъют., министр финансов (1878—1880). 6, 7, 13, 16, 18, 70, 74, 133.
- Грот, Конст. Карл., статс-секретарь, член Госуд. Совета, с 1882 г. главноуправляющий собств. е. в. канцелярией по учреждениям имп. Марии. 10, 15, 19, 67, 96, 108, 117, 134, 136, 137.
- Гуляев, Эраст Евг., адъютант вел. кн. Константина Константиновича. 88.
- Гурко, Иосиф Влад., ген. от кавал., ген.-адъют.; с 7 апреля 1879 г. по 14 февр. 1880 г. петербургский врем. ген.-губернатор; в январе 1882 г. назначен врем. одесским ген.-губернатором и команд. войсками одесского военного округа. 100.
- Гюне — Гойнинген-Гюне, Александр Фед., барон. 17.
- Делянов, Ив. Дав., член Госуд. Совета, с 1892 г. до 1897 г. министр народного просвещения; в 1861—1874 г. был директором Публичной Библиотеки в Петербурге. 6, 22, 61, 108, 110, 127—129, 137, 150.
- Дрентельн, Алекс. Ром., ген.-адъют., шеф жандармов и начальник III отделения собств. е. в. канцелярии (1878—1880); в 1881 г. был назначен командующим войсками киевского военного округа. 48.
- Долгорукова, Екатерина Мих., светл. княгиня Юрьевская, с которой Александр II обвенчался 6 июля 1880 г. 1, 5, 6, 8, 16, 21, 22, 26, 66.
- Долгоруков, Влад. Андр., князь, ген.-адъют., московский ген.-губернатор. 17.
- Долгоруков, Серг. Алексеев., князь, помощн. управляющего канцелярией е. вел. по принятию прошений. 118, 119, 127, 129.
- Дондуков-Корсаков, Алекс. Мих. (1820—1893), кн., начал службу на Кавказе; член Госуд. Совета; с 1880 г. времен. харьковский ген.-губернатор; в 1882—1890 гг. главноначальствующий гражданской частью на Кавказе и командующий войсками кавказского военного округа. 100, 125, 140.
- Духинов, петербургский торговец. 9.
- Евгения Максимилиановна, жена принца Петра Алекс. Ольденбургского. 17, 50.
- Евреинов, Григ. Алекс., обер-прокурор 1-го департамента Сената и товарищ министра путей сообщений. 153.
- Желеховский, Владислав Антон., товарищ обер-прокурора угол. департамента Сената, позже сенатор по тому же департаменту. 48.
- Желябов, Андрей Ив., член Исполнительного Комитета «Народной Воли», организатор царевубийства 1 марта 1881 года; казнен 3 апреля 1881 года. 54.
- Жомини, Алекс. Генр., барон, статс-секретарь, тов. министра иностранных дел. 30.
- Заблоцкий-Десятовский, Андрей Парф., член Госуд. Совета, автор обширного труда «Граф П. Д. Киселев и его время» (СПб., 1882). 20, 98.
- Замятин, Дмитр. Ник. (1805—1881), был министром юстиции с 1862 до 1867 г., видный деятель судебной реформы 60-х гг.; член Госуд. Совета. 13, 110.
- Засулич, Вера Ивановна, 12 января 1878 г. стреляла в петерб. градоначальника ген. Ф. Ф. Трепова, приказавшего наказать розгами А. П. Боголюбова (Емельянова), осужденного на 15 лет каторжных работ за участие в демонстрации на Казанской площади 6 декабря 1876 г. Судом присяжных была оправдана. В 1883 г. вступила в группу «Освобождение Труда». 49, 50.

- Игнатъев, Ник. Павл., граф (1832—1908), с 24 марта 1881 г. министр госуд. имуществ, а с мая 1881 г. по май 1882 г. министр внутренних дел. 21, 22, 54, 56, 57, 60, 63, 66—69, 71—75, 77—80, 85—87, 95, 99, 100—103, 107, 108, 113—115, 117—133, 136—141.
- Еаншина. 57, 58.
- Капнист, Пав. Ал., граф, попечитель московского учебного округа. 128.
- Каракозов, Дм. Влад., неудачно покушался на Александра II 4 апреля 1866 г. 35, 48.
- Катков, Мих. Никиф. (1818—1887), редактор реакционных «Московских Ведомостей» с 1851 г., издатель «Русского Вестника» (с 1856 г.). 64, 69, 117—120, 122—125, 128, 129, 158.
- Каханов, Мих. Сем., управл. делами Комитета Министров (1872—1880), с августа 1880 г. тов. министра внутренних дел, с 12 апреля 1881 г. член Госуд. Совета. 29, 58, 59, 99, 101.
- Кессель (в тексте Кестнер, Кеслер), Конст. Иван., тов. прокурора петерб. окружного суда. 49.
- Кибальчич, Ник. Ив., член Исполнит. Комитета «Народной Воли», участник цареубийства 1 марта 1881 г.; казнен 3 апреля 1881 г. 54.
- Киреев, Алекс. Ал., б. адъютант вел. кн. Константина Николаевича; славяно-фил, много писал по вопросу о папстве и взаимном отношении церквей. 60.
- Киселев, Павел Дмитр., граф, министр госуд. имуществ (1837—1856). 20.
- Кистер, вероятно, Карл Карл., барон, управляющий контролем и кассою императорского двора. 58, 95.
- Клейнмихель, М. Э., графиня. 5, 137, 139.
- Ковалевский, Мих. Евгр., сенатор, ревизовал в 1880 г. Уфимскую и Оренбургскую губернии по делу о расхищении башкирских земель; в 1881 году был назначен членом Госуд. Совета и заседал по департаменту законов; умер в 1884 году. 15, 16, 20, 86, 97, 102, 107, 108, 146, 147.
- Кондоиди, Г. В., тамбовский губернский предводитель дворянства. 8.
- Кони, Анат. Фед., председатель петерб. окружного суда; с 1891 г. сенатор угол. кассац. департамента; видный судебный и общественный деятель. 49.
- Константин Николаевич, вел. князь, генерал-адмирал, управл. морским министерством, с 1865 г. председатель Госуд. Совета; 13 июля 1881 г. уволен от всех должностей в отставку. 2, 3, 5, 7, 8, 10—16, 19, 20, 22—27, 29, 31, 32, 34, 44, 46, 50—52, 56—61, 63, 66, 69, 73, 76, 80—85, 87—95, 98, 106, 107, 115, 116, 126, 134, 135, 138, 139, 150, 156, 157.
- Корнилов, Федор Петр. (1809—1895), член Госуд. Совета. 111.
- Корф, Модест Андр., граф (1800—1872), был государственным секретарем в 1834—1843 г.г.; в 1849—1861 г.г. директор петерб. Публичной Библиотеки; в 1864 г. был назначен председателем департамента законов Госуд. Совета; автор известных трудов: «Жизнь графа Сперанского» и «О восшествии на престол имп. Николая I». 157.
- Коцебу, Павел Евстафьевич, граф, б. одесский и варшавский ген.-губернатор. 100.
- Кочубей, Виктор Павл., князь (1768—1834), в 1827 г. был назначен председателем Госуд. Совета и Комитета Министров. 105, 112, 143.
- Краббе, Ник. Карл., адмирал (1814—1876), управляющий морским министерством в 1862—1876 г.г. 53, 115, 116.
- Краевский, Андрей Алекс. (1810—1889), издатель умеренно-либеральной газеты «Голос», бывш. издатель «Отеч. Записок» и «С.-Петерб. Ведомостей». 114.
- Краевский, Евг. Андр. (1841—1883), работал в основанной его отцом газете «Голос», где вел иностранный отдел и иногда писал воскресные фельетоны. 114.

- Крыжановский, Ник. Андр., ген.-адъют., оренбургский ген.-губернатор с 1865 г. по 30 марта 1881 г., когда был уволен без прошения после сенаторской ревизии, вскрывшей обстоятельства происходившего при нем расхищения башкирских земель в Уфимской и Оренбургской губерниях. 117.
- Кузнецова, Анна Васильевна, балерина, с которой был в связи вел. кн. Константин Николаевич. 60, 84, 92, 117, 139.
- Ламанский, Евг. Ив., крупный знаток финансовых вопросов, управл. государственным банком с 1862 г. по 1882 г. 77.
- Леруа-Болье, Анатоль, франц. публицист, автор ряда исследований о государственном и общественном строе России. 112.
- Ливен, Андрей Алекс., светл. князь, управляющий минист. госуд. имуществ. 13, 31, 44, 54, 57, 58, 97, 117.
- Литке, Фед. Петр. (1797—1882), адмирал, президент Академии Наук, воспитатель вел. князя Константина Николаевича, основатель Географического Общества. 50, 60.
- Лопухин, Петр Вас. (1753—1827), был при Александре I министром юстиции (1803—1810), председатель Госуд. Совета и Комитета Министров. 143.
- Лорис-Меликов, Мих. Тар., граф, ген.-адъют., главный начальник Верховной Распорядит. Комиссии (12 февраля—6 авг. 1880 г.), министр внутр. дел (с 6 авг. 1880 г. по 29 апреля 1881 г.). 1—10, 12—15, 20—24, 29, 31—33, 35—37, 43, 45—48, 51—53, 57—66, 68—72, 97, 99, 101, 107, 125, 133, 134, 137, 139, 140, 148, 150, 153, 156.
- Лорис-Меликова, жена М. Т. Лорис-Меликова. 61.
- Любимов, Ник. Ал., профессор физики в московском университете; сотрудник реакционных «Русского Вестника» и «Московских Ведомостей»; автор исторического исследования «Крушение монархии во Франции». 128, 129.
- Любоцинский, Марк Ник., участник работ по составлению судебных уставов 60-х годов, с 1881 г. член Госуд. Совета по департаменту гражд. и дух. дел. 15, 16, 20, 74, 141, 146, 147.
- Малевиц, конв. казак, убитый при покушении на Александра II 1 марта 1881 г. 29.
- Маков, Лев Саввич, статс-секретарь, министр внутр. дел (1878—6 авг. 1880 г.); при назначении Лорис-Меликова министром внутр. дел Маков был назначен министром почт и телеграфов; сделал карьеру под покровительством П. А. Валуева. 1, 2, 10, 15, 21, 22, 31, 36, 37, 46, 48, 51, 52.
- Мальцев, Серг. Ив. (1810—1893 г.), ген.-майор, крупный помещик-заводчик Калужской губернии. 16.
- Мансуров, Ник. Павл., статс-секретарь, управл. делами Совета Министров. 31, 133, 149.
- Манассеин, Ник. Авкс. (1835—1895 г.), директор департамента министерства юстиции, в 1880 г. был назначен сенатором; с 6 ноября 1885 г. по 1 января 1894 г. был министром юстиции. 118.
- Мария Александровна, жена Александра II, умерла 22 мая 1880 г. 26.
- Мария Федоровна, жена Александра III. 23, 25, 54, 81, 84, 86, 95, 96, 136—138.
- Марков, Пав. Алексеев., товарищ главноуправляющего учреждениями имп. Марии, с 1883 г. товарищ министра юстиции. 51, 150, 152.
- Маркус, Влад. Мих., статс-секретарь, сенатор. 116.
- Мезенцов, Ник. Влад., ген.-адъют., шеф жандармов и начальник III отделения собств. его вел. канц. (1876—1878 г.); убит 4 августа 1878 г. Кравчинским. 2.

- Меликов, Леван Иван. (1817—1891), ген.-ад., пом. главноком. войсками на Кавказе в 1880—1882 гг. 135.
- Мецкерская, Мария Мих., княгиня, урожденная кн. Долгорукова (1850—1907); в первом браке за кн. Эмм. Ник. Мецкерским (убит на войне 1877 г.), во втором — за гр. Г. Г. Бергом. 6.
- Милютин, Дм. Ал., граф, ген.-адъют., военный министр (1861—1881 г.). 27, 34, 35, 58, 60, 63, 69, 71, 75, 88, 89.
- Милютин, Ник. Ал. (1818—1872), виднейший деятель крестьянской реформы 60-х гг. 5, 19, 20, 31, 67.
- Михайлов, Тим. М., народоволец, участник цареубийства 1 марта 1881 г.; казнен 3 апреля 1881 г. 54.
- Михаил Николаевич, вел. князь, наместник на Кавказе, в 1881 г. был назначен председателем Госуд. Совета (1881—1905 г.). 7, 25, 29, 31, 45, 60, 61, 82, 83, 89, 92, 93, 98, 99, 100, 102—109, 111, 113, 115, 116, 118, 120, 123—127, 134—136, 138—157.
- Михаил Павлович, вел. кн. 72, 92.
- Муравьев, Мих. Ник. (1796—1866), граф, министр госуд. имуществ (1857—1861 г.), усмиритель польского восстания 1863 г.; в апреле 1866 г. был назначен председателем верховной комиссии по делу Каракозова; 31 авг. того же года умер. 28, 50, 51.
- Муравьев, Ник. Валер., в 1881 г. исполнял обязанности прокурора при особом присутствии Сената по делу о цареубийстве 1 марта; впоследствии (1 января 1894 г.) был назначен министром юстиции. 53.
- Набоков, Дм. Ник. (1826—1904), министр юстиции (1878—1885), член Госуд. Совета. 16, 31, 43, 55, 63, 74, 80, 116, 118, 141, 150, 153, 154.
- Нелидова, Елена Никол., рожд. Анненкова; имела в Петербурге при Александре II салон. 71.
- Нессельроде, граф. 137.
- Николай, Алекс. Павл., барон, член Госуд. Совета; 24 марта 1881 г. был назначен министром народного просвещения. 54, 63, 80, 84, 108, 118, 125, 127—129, 140, 142, 143, 146, 147.
- Николай Александрович, вел. князь, цесаревич, старший сын Александра II, умер в 1865 г. 46.
- Николай Константинович, великий князь, был объявлен сумасшедшим, жил под особой опекой в Крыму, в Оренбурге, в Ташкенте. 55, 90.
- Николай Максимилианович, герцог Лейхтенбергский, князь Романовский (1843—1890), ген. от кавал., один из учредителей общества Добровольного флота. 50.
- Николай Николаевич-старший (1821—1891 г.), вел. князь, член Госуд. Совета, генерал-фельдмаршал. 31, 92, 106.
- Николай I. 20, 71, 72, 81, 90, 95, 110, 111, 125.
- Обручев, Ник. Ник., ген. от инфант., профессор академии Генер. Штаба, в 1881 г. был назначен начальником Главн. Штаба. 75.
- Ольга Николаевна, великая княгиня, королева вюртембергская. 26.
- Ольга Федоровна, жена вел. князя Михаила Николаевича. 82, 103, 104, 108, 110, 123, 140.
- Ольденбургский, принц, см. Петр Георгиевич.
- Орлов, Алексей Фед., князь, в 1856 г. был назначен председателем Госуд. Совета и Комитета Министров; в 1857 г. ему было поручено председательствовать, в отсутствие императора, в комитете по крестьянскому делу; к освобождению крестьян относился враждебно. 27, 111.
- Островский, Алекс. Ник., драматург (1823—1886). 117, 122.

- Островский, Мих. Ник., с 1878 г. член Госуд. Совета, присутствующий в департаменте госуд. экономии; с 1881 г. по 1 января 1893 г. был министром государственных имуществ. 60, 66—68, 70—72, 74, 100, 108, 125, 130, 137, 139.
- Павел Александрович, великий князь (1860—1918). 138.
- Пален, Конст. Ив., граф, министр юстиции в 1867—1878 г. 28, 49, 50.
- Перовская, Софья Львовна (1853—1881), член Исполнит. Комитета «Народной Воли», принимала руководящее участие в покушении 1 марта 1881 года. Казнена 3 апреля 1881 года. 54.
- Петр Георгиевич, принц Ольденбургский, ген.-адъют., попечитель училища правоведения, главноуправляющий IV отд. собств. его вел. канцелярии; в 1842 г. был назначен председателем департамента гражд. и духовных дел. 2, 13, 17, 25, 31, 43, 44, 45, 70, 71, 110, 129, 134, 136.
- Пещуров, Алексей Алексеевич, вице-адмирал, управляющий морским министерством (1880—1882 г.). 31, 80.
- Победоносцев, Конст. Петр. (1827—1907 г.), член Госуд. Совета, обер-прокурор Синода. 5, 19, 22, 28, 29, 30, 31, 38, 40—42, 45, 46, 51, 54, 55, 58, 61—72, 84, 85, 95, 107, 108, 114, 115, 118, 122, 128—130, 133, 137, 138, 141, 144, 145, 154.
- Полежаев, петербургский купец. 9.
- Половцев, Алекс. Алекс., сенатор, в 1880—1881 г. ревизовал Киевскую и Черниговскую губернии; с 1883 года государственный секретарь; с 1892 г. член Госуд. Совета; председатель император. Историч. Общества. 16, 152—157.
- Потапов, Алекс. Львович (1818—1886), ген.-адъют., шеф жандармов и начальник III отделения собств. его вел. канцелярии с 1874 по 1876 г. 135.
- Попов, Андрей Алекс. (1821—1898), адмирал, виднейший сотрудник вел. кн. Константина Николаевича; «поповками» называли военные суда его конструкции (в том числе и императ. яхту «Ливадия»), оказавшиеся очень неудовлетворительными по своим мореходным качествам. 53.
- Посет, Конст. Ник., ген.-адъют., адмирал, министр путей сообщений (1874—1888 г.). 31, 43.
- Пятковский, Алекс. Яковлевич, редактор-издатель журнала «Наблюдатель», сотрудничал в «Современнике», «Деле» и «Отечественных Записках»; с 1872 по 1882 г. издавал с В. А. Евтушевским журнал «Народная Школа». 114, 115.
- Раден, Эдита Фед., барон., бывш. фрейлина вел. княгини Елены Павловны. 134.
- Рейтерн, Мих. Христоф., граф, член Госуд. Совета, бывш. министр финансов (1862—1878 г.), в 1881—1886 г. председатель Комитета Министров. 6, 7, 9, 16, 18, 60, 66, 67, 74, 101, 111, 116, 124, 125, 132, 133, 137.
- Рембелинский, Ник. Мих., статс-секретарь Госуд. Совета. 24, 82, 86, 151—156.
- Рихтер, Оттон Борис., ген.-адъют., с 1881 г. команд. имп. главной квартиры. 129.
- Ротшильд, вер., Натаниэль, сын Лионеля Ротшильда, бывшего в течение 20-ти лет финансовым агентом русского правительства. 130.
- Рылеев, Алекс. Мих., ген.-адъют., воспитатель детей Александра II и Е. М. Долгоруковой-Юрьевской. 1.
- Рысаков, Ник. Ив., участник цареубийства 1 марта 1881 г.; казнен 3 апреля 1881 г. 54.

- Сабуров, Андрей Алекс. (1838—1916), управл. минист. народн. просвещения (с октября 1880 г. по март 1881 г.). 21, 31, 43, 54, 150.
- Самарин, Юрий Фед. (1819—1876), видный славянофил, участник редакционных комиссий. 27.
- Сверчков, Ник. Егор. (1817—1898 г.), батальный и жанровый живописец. 6.
- Святополк-Мирский, Дм. Ив. (1825—1899), ген.-адъют., ген. от инф., в 1876 г. был назначен помощником наместника на Кавказе вел. кн. Михаила Николаевича; в 1880 г. назначен членом Госуд. Совета. 6, 100.
- Селивестров, Ник. Дмитр., пом. шефа жандармов в 1878 г.; убит эмигрантом Подлевским в 1890 году в Париже. 2.
- Семевский, Мих. Ив. (1837—1892), обществен. деятель и писатель, издавал с 1870 г. «Русскую Старину». 114, 115.
- Скобелев, Мих. Дм. (1843—1882), ген.-адъют., ген. от инф. 125, 127, 130.
- Сольская, Мария Алекс., жена Д. М. Сольского, госуд. контролера. 111.
- Сольский, Дм. Март., государственный контролер (1878—1889), член Госуд. Совета; б. госуд. секретарь. 1, 2, 5, 9, 10, 12, 13, 16, 19, 21, 22, 24, 26, 29, 31, 41, 43, 47—49, 54, 60, 61, 69, 74, 76, 80, 81, 86, 87, 107—111, 113, 114, 116, 126, 129, 131—133, 138, 139, 145—149, 153, 154, 157.
- Сперанский, Мих. Мих., знаменитый госуд. деятель эпохи Александра I. После опалы был назначен генерал-губернатором Сибири. 15, 105, 116, 143.
- Старицкий, Егор Павлович (1825—1899), в 1879 г. был назначен членом Госуд. Совета; выдающийся судебный деятель эпохи 60-х г.г. 116, 117, 140, 143, 145—150.
- Стояновский, Николай Иван. (1820—1900), видный участник реформ 60-х г.г., с 1862 г. до 1 января 1867 г. был тов. министра юстиции; в 1875 г. был назначен членом Госуд. Совета. 108, 146, 147.
- Строганов, Сергей Григ., граф, главный воспитатель великих князей Николая, Александра, Владимира и Алексея Александровичей. 31, 33, 34, 45, 46.
- Суворов, Алекс. Арк., князь, ген.-адъют., член Госуд. Совета. 5, 125.
- Тенгоборский, Людвиг Валер. (1793—1857), директор дипломат. канцелярии наместника царства Польского; с 1848 г. член Госуд. Совета. 91.
- Тимашев, Алекс. Егорович, бывш. министр внутренних дел (1868—1878), член Госуд. Совета. 22, 28, 47, 48, 66, 67, 142, 143, 146—148.
- Толстой, Дм. Андр. (1823—1889), граф, по настоянию Лорис-Меликова, в апреле 1880 г. был уволен от должностей министра народн. просвещения (1865—1880) и обер-прокурора Синода; министр внутр. дел с 1882 г. (в 50-х г.г. служил по морскому министерству и принимал участие в составлении нового положения об управлении морским ведомством). 6, 61, 128, 138—141, 143—145, 148, 149, 154—156.
- Толь, Сергей Алекс., граф, пом. ст.-секретаря Гос. Совета. 139, 140.
- Трепов, Фед. Фед., петербургский градоначальник; 12 января 1878 г. на него было совершено покушение В. И. Засулич (см. выше). 49.
- Трубецкой, Сергей Никитич, кн., адъютант вел. кн. Михаила Николаевича. 103.
- Тургенев, Иван Сергеевич, знаменитый писатель (1818—1883). 117, 122.
- Урусов, Сергей Ник., князь, статс-секретарь, председатель департамента законов Государств. Совета (1872—1882), главноуправл. II отделением собств. его вел. канцелярии. 16, 19, 21, 24, 26, 30, 31, 43, 45, 96—98, 107, 109—111, 114, 116, 137, 140, 142, 146, 147, 150.
- Ухтомский, Эспер Алексеев., адъютант вел. кн. Константина Николаевича. 91.

- Филипп II (1527—1598), король Испании, Неаполя, Сицилии, Нидерландов. 69.
- Фриш, Эдуард Вас. (1833—1907), сенатор, впоследствии председатель Государственного Совета. 146—148, 150—154.
- Фукс, Эдуард Яковл., сенатор. 55.
- Черкасский, Влад. Алекс., (1824—1878), князь, виднейший деятель крестьянской реформы 60-х г.г. 27.
- Чертков, Мих. Иван, ген.-адъют., ген.-губернатор и командующий войсками киевского военного округа. 16.
- Числова, Екатерина Гаврил. (1845—1889), балерина. 106.
- Шамшин, Иван Иванов., член Верх. Распорядительной Комиссии, один из сенаторов-ревизоров, отправленных для ревизии в некоторые губернии по инициативе Лорис-Меликова. 3, 4, 62, 101, 102, 150, 152.
- Швейниц, фон-Лотарь, прусский генерал и дипломат, германский посол при русском дворе с 1876 г. по 1893 г. 87.
- Шернваль-Валлен, Эмил. Карл., барон, министр-секретарь по делам Финляндии. 96.
- Шестаков, Ив. Алексеевич (1820—1888), в 1854 г. был назначен адъют. вел. князя Константина Николаевича; в 1882 г. назначен управляющим морским министерством. 90, 115, 116, 127, 144.
- Шувалов, Петр Андр., граф, ген.-адъют., член Государств. Совета, бывш. шеф жандармов, б. посол в Лондоне (1874—1879). 20, 21, 28, 53, 61, 70, 71, 101—104, 108, 109, 113, 121, 122, 125, 137—141, 146, 147, 156.
- Шумахер, Алекс. Данил., сенатор. 146, 148.
- Щербатов, Алекс. Ал., князь, московский городской голова в 60-х г.г. прошлого столетия. 112.
- Щербинин, Мих. Павл. (1807—1881), сенатор, писатель-историк. 17.
- Яблочков, Павел Ник. (1847—1894), известный русский электротехник, живший в 1875—76 г.г. в Париже. 91, 92.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие А. Е. Преснякова	III—X
Дневник Е. А. Перетца	1—157
Примечания	158—162
Именной указатель	163—171

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ РСФСР

- Материалы для биографии М. Бакунина.** — По архивным делам б. III отделения и Морского Министерства. Редакция и примечания В. Полонского. Том первый. Стр. 438. Ц. 3 р.
- Междоусобица 1825 года и восстание декабристов.** — В переписке и мемуарах членов царской семьи. Подготовил к печати Б. Е. Сыроечковский. Стр. 248. Ц. 3 р.
- Партизанское движение в Сибири.** — Том I. Приенисейский край. Материалы подготовлены к печати А. Н. Туруновым. Под ред. и с пред. В. В. Максаква. (1917 год в документах и материалах. Под ред. М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева.) Стр. 295+XV+1 карта. Ц. 2 р. 50 к.
- Переписка Вильгельма II с Николаем II.** — 1894—1914 гг. С предисловием М. П. Покровского. Стр. 198+14 (нен). Ц. 1 р. 50 к.
- Переписка Николая и Александры Романовых.**
Том III. 1914—1915 гг. С пред. М. Н. Покровского. Стр. 512. Ц. 5 р.
Том IV. 1916 г. С пред. М. Н. Покровского. Стр. 440. Ц. 4 р.
Том V. 1916—1917 гг. С пред. М. Н. Покровского. Стр. 303. Ц. 3 р.
- Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.** — Протоколы заседания Исполнительного Комитета и Бюро И. К. С пред. Я. Яковлева. Стр. 375. Ц. 2 р. 75 к. (1917 г. в документах и материалах. Под ред. М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева.)
- Письма Ф. М. Достоевского к жене.** — Пред. и прим. Н. Ф. Бельчикова. Общая ред. В. Ф. Переверзева. Стр. 367. Ц. 4 р.
- Покровский, М. Н.** — Декабристы. Сборник статей. Стр. 95. Ц. 80 к.
- Последние дни колчаковщины.** — Материал подготовлен к печати М. М. Константиновым. С прил. статьи А. А. Ширямова. Стр. 231. Ц. 2 р. 50 к.
- Пресняков, А. Е.** — 14 декабря 1825 года. С прилож. военно-исторической справки Г. С. Габаева „Гвардия в декабрьские дни 1825 года“. Стр. 226+2 схемы. Ц. 2 р. 50 к.
- Пугачевщина.** — Том первый. Из архива Пугачева (манифесты, указы и переписка). Подготовлен к печати С. А. Голубцовым. Под ред. С. Г. Томсинского и Г. Е. Мейерсона. Со вступительной статьей М. Н. Покровского. (Материалы по истории революционного движения в России XVII и XVIII вв. Под общей ред. М. Н. Покровского.) Стр. 292. Ц. 3 р.
- Рабочее движение в 1917 году.** — Подготовили к печати В. Л. Меллер и А. М. Панкратова. С пред. Я. А. Яковлева. Стр. 372. Ц. 4 р.
- Разложение армии в 1917 г.** — Подготовлено к печати Н. Е. Какуриным. С пред. Я. А. Яковлева. (1917 г. в документах и материалах. Под ред. М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева.) Стр. 192. Ц. 1 р. 50 к.
- Революция 1848 г. во Франции.** — (Донесения Я. Толстого.) Под ред. и с пред. Г. Зайделя и С. Красного. Стр. 184. Ц. 1 р. 70 к.
- Русско-Японская война.** — Из дневника А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. С пред. М. Н. Покровского. Стр. VII+189. Ц. 1 р. 80 к.
- Царская Россия в мировой войне.** — Том I. С пред. М. Н. Покровского. Стр. XXIV+304. Ц. 3 р. 20 к.

28 ОКТ 1946

2 руб. — р

